

Министерство образования Республики Беларусь

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

СТУПЕНИ

Сборник научных статей
студентов, магистрантов и аспирантов

Гродно
ГрГУ имени Янки Купалы

2013

УДК 37.015:316:159.9:34
ББК 88
С88

Редакционная коллегия:

Л.М. Даукша – декан факультета психологии ГрГУ, кандидат психологических наук, доцент;
К.В. Карпинский – заведующий кафедрой экспериментальной и прикладной психологии ГрГУ, кандидат психологических наук, доцент;
А.И. Янчий – и.о. зав. кафедрой возрастной и педагогической психологии ГрГУ, кандидат психологических наук, доцент;
П.Р. Галузо – доцент кафедры экспериментальной и прикладной психологии ГрГУ, кандидат психологических наук;
Т.К. Комарова – доцент кафедры общей и социальной психологии ГрГУ, кандидат психологических наук;
Е.В. Костюченко – доцент кафедры общей и социальной психологии ГрГУ, кандидат психологических наук;
С.А. Иванов – старший преподаватель кафедры экспериментальной и прикладной психологии ГрГУ;
Ю.П. Шевелинская – преподаватель кафедры экспериментальной и прикладной психологии ГрГУ.

Научный редактор:

М.М. Карнелович – заместитель декана факультета психологии по научной работе, старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии ГрГУ.

Рецензенты:

А.М. Кольшко – заведующий кафедрой общей и социальной психологии ГрГУ, кандидат психологических наук, доцент;
В.А. Кривошеев – доцент кафедры экспериментальной и прикладной психологии ГрГУ, кандидат психологических наук.

Рекомендовано Советом факультета психологии ГрГУ имени Янки Купалы.

С88 Ступени: сб. науч. ст. студ., магистрантов и аспирантов / редкол.: Л.М. Даукша, К.В. Карпинский, А.И. Янчий, П.Р. Галузо, Т.К. Комарова, Е.В. Костюченко, С.А. Иванов, Ю.П. Шевелинская; под науч. ред. М.М. Карнелович. – Гродно: ГрГУ, 2013. – 118 с.

В разнообразии представленных в сборнике статей отражаются широта научных интересов молодых исследователей факультета психологии ГрГУ им. Я. Купалы и факультета философии и социальных наук БГУ. Сборник адресован студентам, магистрантам и аспирантам гуманитарных специальностей, преподавателям и научным работникам, профессионально ориентированным на подготовку и повышение квалификации научных кадров, а также специалистам образовательной сферы, заинтересованным в углублении теоретической и научно-практической подготовки студентов и содействующим их активному включению в сферу научной деятельности учреждений высшего профессионального образования.

УДК 37.015:316:159.9:34

ББК 88

© ГрГУ имени Янки Купалы, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вашему вниманию представлен пятый выпуск сборника «Ступени», в который вошли научные статьи студентов, магистрантов и аспирантов факультета психологии ГрГУ им. Я.Купалы и факультета философии и социальных наук БГУ.

Динамично развивающаяся белорусская психология находится на этапе повышения качества научно-исследовательских работ. В данной связи особую актуальность приобретает не столько факт опубликования изысканий молодых авторов, сколько новизна, глубина, оригинальность подхода к изучению актуальных проблем психологической науки. Обращение начинающего исследователя к проблемам личности и общества, поиск ответов на злободневные вопросы являются неотъемлемыми условиями становления его научной культуры.

Предметом исследования авторов представленных в сборнике статей выступили актуальные проблемы психологии развития личности в социокультурном и образовательном контексте; вопросы социальной, юридической, этнической, кризисной психологии, конфликтологии, психосемантики, психологии семьи и др.

Многие авторы статей делают первые шаги в своей научно-исследовательской деятельности. Представление результатов своего исследования на суд научной общественности – ответственный и волнительный момент для молодого ученого. Нужно быть морально и профессионально готовым не только к положительной оценке своего творчества, но и критике представленных материалов. Выражаем надежду на то, что каждого из авторов сборника ждет успешное будущее в психологической науке, и пожелаем им удачи и успешного продвижения по ступеням научного творчества.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Оглавление

Асаёнок Д. М. ВЗАИМОСВЯЗЬ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ	6
Басова А. Г. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ АГРЕССИИ И ЭМПАТИИ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ВЕДУЩИХ СТРАТЕГИЯХ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ	9
Баранова Д.О. ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТНОГО ЭГОЦЕНТРИЗМА У ПОДРОСТКОВ РАЗНОГО ПОЛА	9
Басова А. Г. СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ	16
Буча Т. В. ЗАЩИТНО-СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ В ОПЕКУНСКИХ СЕМЬЯХ	20
Гиль К. В. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОЛОНТЕРА.....	23
Гирис А. М. АГРЕССИВНОСТЬ И ТРЕВОЖНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ТИПОВ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОДРОСТКОВ	26
Голуб С. Н. СВЯЗЬ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ И САМОАКТУАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ ПСИХОЛОГОВ	30
Данильчик А. В. ХАРАКТЕРИСТИКА СЕКСУАЛЬНЫХ АТТИТЮДОВ СТУДЕНТОВ	33
Денисова Т. Е., Ромашко Н. В. ХАРАКТЕРИСТИКИ АВТО- И ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПОВ БЕЛОРУССКИХ И ПОЛЬСКИХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ	36
Кадевич В. Ю. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБКУЛЬТУРНОГО ФРЕЙМИНГА СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ, МЕДИЦИНСКИХ И ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛИЗАЦИЙ	42
Ковальчук Е. Г. СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ БЕЛОРУССКИХ СТУДЕНТОВ В ОТНОШЕНИИ ТУРКМЕНСКИХ СТУДЕНТОВ.....	46
Кондрат О. Ю. ВЗАИМОСВЯЗЬ СПОСОБНОСТИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И СТИЛЯ ОСОЗНАННОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ У СУБЪЕКТОВ С РАЗЛИЧНОЙ РЕФЛЕКСИВНОСТЬЮ	50
Крук Ю. А. МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ПОЗНАНИЕ В ГРУППАХ ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМИ СТАТУСАМИ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ	53
Кузмицкая Ю. Л. СОГЛАСОВАННОСТЬ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ РОДИТЕЛЕЙ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО И ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА	55
Ласко Е. С. СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЙ АСПЕКТ КРИЗИСА СЕРЕДИНЫ ЖИЗНИ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ.....	59

Михно Д. И. ВЗАИМОСВЯЗЬ САМООЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ И МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ	62
Нагорная Т. А. ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЭМПАТИИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА.....	65
Ошмяна Д. И. ЦЕННОСТНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ДОВЕРИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ К РОДИТЕЛЯМ.....	69
Парфёнова Т. В. СВЯЗЬ СПОСОБОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ И САМООЦЕНКИ ЛИЧНОСТИ У СТУДЕНТОВ	72
Парфёнова Т. В. СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНОЙ САМООЦЕНКОЙ ЛИЧНОСТИ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ КОНФЛИКТЕ.....	74
Петушок Т. С. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ ОНКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ	76
Пецкелюн С. Ю. ВЗАИМОСВЯЗЬ САМООТНОШЕНИЯ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД КРИЗИСА СЕРЕДИНЫ ЖИЗНИ	81
Пожарицкая Е. И. ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ СФЕРЫ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ	83
Позняк С. В. ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕДУБЕЖДЕННОСТИ В ОТНОШЕНИИ ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫХ	86
Романчук С. И. ВЗАИМОСВЯЗЬ МОТИВАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОСОЗНАННОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ У СТУДЕНТОВ ВУЗА	89
Ромашко Н. В. ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ.....	92
Рыбак Т. С. СЕМЕЙНО-ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПСИХОТРАВМИРУЮЩИЕ СОСТОЯНИЯ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ БРАКОМ В СУПРУЖЕСКОЙ ПАРЕ	96
Севко Н. Н. КОРРЕКЦИОННАЯ РАБОТА КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ ТРЕВОЖНОСТИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	98
Спаустинайтис Е. Г. СВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ТАКТИК САМОПРЕЗЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ	101
Ступчик Е. Е. ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА.....	104
Табола Ю. Ч. КОММУНИКАТИВНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ С РАЗЛИЧНЫМ СТАЖЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	107
Хонский С. И. ПОДХОДЫ К ДЕФИНИРОВАНИЮ СМЕХА В ПСИХОЛОГИИ	111
Чумакова В. А. ФАКТОРЫ АТТРАКЦИИ ПРИ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ С ПАРТНЕРОМ ПО РОМАНТИЧЕСКИМ ОТНОШЕНИЯМ.....	115

АСАЁНОК Д. М.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ

В статье идет речь о взаимосвязи между материалистической ориентацией и психологическим благополучием личности. Описаны данные, полученные в результате проведенного исследования: половозрастные и статусные особенности выраженности общего показателя и компонентов психологического благополучия личности, особенности людей с высокой и низкой степенью выраженности материализма.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в настоящее время потребление становится доминирующим социальным процессом. Потребление выходит за рамки экономической сферы, проявляясь во всех социокультурных областях [3]. Поведение человека в такой сфере экономических отношений, безусловно, во многом мотивировано тем, как он воспринимает базисные элементы экономических отношений, а именно деньги, собственность и другие материальные блага. Интересным феноменом с точки зрения индивидуальных различий в восприятии мира материальных ценностей является феномен «материализма». Крайне актуальной является и проблема формирования здоровой личности, проблема позитивного психологического функционирования (positive psychological functioning). Для системной оценки здоровья личности в психологии и медицине используются такие понятия, как «психическое здоровье», «норма», «нормальная и аномальная личность», «внутренняя картина здоровья», «эмоциональный комфорт», «позитивный стиль жизни», «качество жизни», «полноценно функционирующая личность», «зрелая личность», «самоактуализированная личность», «счастье», «удовлетворенность жизнью», «психическое благополучие», «субъективное благополучие», «психологическое благополучие». Психологическому направлению изучения здоровой личности соответствуют наиболее близкие по определению понятия «субъективное благополучие» (E. Diener, R. Emmons, C. Gohm, E. Suh, S. Oishi, P. Шамионов, Г. Л. Пучкова, Н. Бахарева) и «психологическое благополучие» (N. Bradburn, C. Ryff, П. П. Фесенко, А. Воронина, Л. В. Куликов и др.) [2, 6].

Проведя **теоретический анализ литературных источников** по проблеме взаимосвязи материалистической ориентации и психологического благополучия личности, мы пришли к следующим выводам.

На данном историческом этапе малоизученная проблема материалистической ориентации и психологического благополучия приобретает особую значимость. Несмотря на широкую распространенность термина в научной и научно-популярной литературе, в целом знание о проблеме психологического благополучия остается нечетким и несистематизированным. Попытки психологов определить и операционализировать понятие «психологическое благополучие» предпринимались разными исследователями и привели к появлению двух подходов – гедонистического (N. Bradburn, E. Diener, Д. Кайнеменн и др.) и эвдемонического (C. Ryff, А. Уотерманн, Б. Сингер и др.) [1, 2, 6]. Такая классификация понимания благополучия впервые была предложена Р. Райаном [3 – Райан pdf, 4]. К гедонистическим теориям Р. Райан относит все те учения, где благополучие описывается главным образом в терминах удовлетворенности–неудовлетворенности. Эвдемоническое понимание данной проблемы основывается на том постулате, что личностный рост – главный и самый необходимый аспект благополучия [6].

Термин «материализм» с недавних пор широко используется в американской экономической психологии [5], а в последнее время приобретает широкую популярность и в отечественных исследованиях. В отечественной научной литературе термин «материализм» еще не получил однозначного толкования. Наряду с ним можно встретить такие сходные понятия, как «ориентация на вещизм», «ориентация на потребление» и «ориентация на материальный интерес» [7]. В экономической психологии материализм означает приоритетность для человека материальной стороны его жизни. Вещи и деньги, которыми обладают люди, воспринимаются как особая ценность, им приписываются особые смыслы, мир начинает восприниматься человеком сквозь призму собственности: того, чем он или другие владеют в материальном плане [4]. Отражение в сознании человека материальных ценностей в качестве ведущих жизненных целей и мировоззренческих ориентиров закономерно ведет к формированию так называемого материализма личности. Ориентация на потребление как элемент ценностной структуры такой личности становится самоцелью: проявляется необоснованно завышенное стремление к материальному достатку [7]. При наличии высокой материалистической ориентации приобретение новых материальных благ становится смыслом жизни, материальные блага являются не средством поддержания жизни, а становятся терминальной ценностью.

Термин «материализм» был введен в психологический обиход Расселом Белком (Russel W. Belk) в 1985 г. [8]. Несмотря на распространенность термина в научной и научно-популярной литературе, в целом знание о проблеме материализма тем временем остается нечетким и несистематизированным. Попытки психологов определить и операционализировать понятие «материализм» предпринимались разными исследователями и привели к появлению двух подходов – диспозиционного (Russel W. Belk) и мотивационно-смыслового (Marsha L. Richins, Scott Dawson, Tim Kasser, Kennon M. Sheldon).

Обобщая данные зарубежных исследователей, можно отметить следующие психологические особенности людей с высокой степенью выраженности материализма и людей, для которых он не характерен.

Люди с высоким уровнем выраженности материализма имеют более нереалистические ожидания относительно предполагаемых психологических и социальных выгод, которые можно будет извлечь из материальных благ, и приписывают дополнительные значения и смысл своему имуществу. Вещи, которыми владеют люди, являются для них своеобразным языком, с помощью которого они познают других людей и проявляют себя. Они склонны воспринимать вещи как символы межличностных отношений и вспомогательные средства для достижения удовольствий и наслаждения, рассматривая обладание как символическую связь с другими людьми (например, подарки). Материалисты характеризуются скорее низким психологическим благополучием (непринятие самого себя, отсутствие близких взаимоотношений и чувства общности) и пониженной социальной адаптированностью, а также чувствуют себя более несчастными и менее удовлетворенными различными аспектами своей жизни, чем другие люди. Они уделяют чрезмерное внимание статусу, проявляют надменность, зависть, игнорирование окружающих людей и социальных устоев, эгоизм, беспринципность, ненадежность и межличностную отстраненность. Как потребители они более склонны испытывать негативные эмоции после покупки. Проведенные клинические исследования добавили к их портрету склонность к депрессии и тревожность.

Методика эмпирического исследования.

Эмпирическую базу настоящего исследования составила выборка, состоящая из 150 испытуемых, дифференцированная по признаку пола и возраста, по уровню образования, по семейному положению, по родительскому статусу и по размеру своего ежемесячного денежного дохода в сравнении со средней заработной платой работников Республики Беларусь. Так, настоящая выборка представлена респондентами женского пола в количестве 100 человек и мужского – 50 человек. Возраст респондентов данной выборки дифференцируется от 19 до 59 лет

Если дифференцировать респондентов по уровню образования, то в данном исследовании принимали участие 13 респондентов, получивших профессионально-техническое образование, 21 – среднее общеобразовательное, 62 – среднее специальное и 54 респондента с высшим образованием. В исследовании принимали участие 50 бездетных респондентов и 100 респондентов, имеющих детей, из них 45 – воспитывают одного ребёнка, 46 – воспитывают двух детей, 6 респондентов воспитывают трёх детей, 2 – четырёх и 1 респондент воспитывает шесть детей. По критерию «размер ежемесячного денежного дохода в сравнении со средней заработной платой работников Республики Беларусь» выборка представлена 12 респондентами, размер ежемесячного денежного дохода которых выше среднего уровня; 22 респондента, уровень дохода которых соответствует среднему уровню, и 116 респондентов, ежемесячный доход которых ниже среднего уровня.

В качестве диагностического инструмента эмпирического исследования были использованы такие методы сбора данных, как: анкетирование; «Шкала удовлетворенности жизнью – SLS» В. А. Хашенко и А. В. Барановой; опросник «Шкала психологического благополучия» (К. Рифф в адаптации Л. А. Пергаменщикова, Н. Н. Лепешинского). На русскоговорящей выборке были апробированы опросники «Materialism scale» Рассела Белка (Russel W. Belk) и «Life Aspirations Index» Т. Кассера (Tim Kasser) и Р. Райана (Richard M. Ryan).

С помощью анкетирования были выявлены следующие данные: пол, возраст, уровень полученного образования, семейное положение, родительский статус и размер ежемесячного денежного дохода в сравнении со средней заработной платой работников Республики Беларусь.

При использовании методики «Шкала удовлетворенности жизнью – SLS» В. А. Хашенко и А. В. Барановой были определены интегральный (общий) индекс удовлетворенности жизнью и частные индексы (показатели) удовлетворенности в отдельных областях (доменах) жизни, таких как семья, межличностные отношения, персональные потребности, личная безопасность и социально-экономические условия жизни.

С помощью опросника «Шкала психологического благополучия» определялась степень выраженности у испытуемого основных показателей психологического благополучия личности. Опросник «Materialism scale» Рассела Белка (Russel W. Belk) использовался для изучения материализма как диспозиционного фактора, при этом был определен общий показатель и компоненты, входящие в

состав материализма с точки зрения Рассела Белка (Russel W. Belk), такие как зависть, жадность и собственничество. Опросник «Life Aspirations Index» Т. Кассера (Tim Kasser) и Р. Райана (Richard M. Ryan) позволил изучить материализм как ценностную ориентацию, определяя внешние (финансовый успех, привлекательный внешний вид, социальное признание) и внутренние ценности (самопринятие, аффилиация, служение обществу, физическое здоровье).

Для выявления половозрастных и социально-демографических различий в уровне выраженности психологических переменных данные по результатам анкетирования, диагностики опросников «Шкала психологического благополучия», «Materialism scale», «Life Aspirations Index» и методики «Шкала удовлетворенности жизнью – SLS» подвергли корреляционному анализу (коэффициент корреляции Пирсона и t-критерий Стьюдента для независимых групп) средствами электронного пакета STATISTICA 6.0.

Интерпретируем результаты, полученные на уровне значимости 0,05.

Обнаружены следующие межполовые различия в уровне выраженности психологических переменных (t-критерий Стьюдента).

Общий индекс удовлетворенности жизнью в группе мужчин достоверно больше общего индекса удовлетворенности жизнью в группе женщин (эмпирическое значение t-критерия: 2,61804; df=148; $p=0,009763$). Мужчины в большей степени удовлетворены отношениями с членами семьи и родственниками; у мужчин более, чем у женщин удовлетворены потребности в безопасности (безопасности здоровья) со стороны внешних условий жизни, а также выше удовлетворенность материальными условиями и уровнем жизни.

У мужчин по сравнению с женщинами выше способность противостоять социальному давлению в своих мыслях и поступках, мужчины в большей степени стремятся регулировать собственное поведение и оценивать себя, исходя из собственных норм поведения, принципов и стандартов. Мужчины чаще склонны признавать и принимать все собственное личностное многообразие, включающее в себя как положительные, так и отрицательные качества личности. Оценивая различия по результатам методики «Life Aspirations Index», можно отметить, что для женщин в большей степени значима внешняя ценность «Привлекательный внешний вид».

С возрастом как у мужчин, так и у женщин снижается удовлетворенность разными сторонами жизни, в большей степени удовлетворенность отношениями с членами семьи и удовлетворенность потребности в безопасности здоровья. Для людей среднего и старшего возраста в большей степени характерно недовольство самим собой, отсутствие ощущения личностного прогресса с течением времени, ощущение неспособности усваивать новые навыки, обеспокоенность некоторыми чертами собственной личности, неприятие себя, желание быть другим, не похожим на себя настоящего.

Оценивая различия выраженности психологических переменных в зависимости от семейного положения, можно сделать вывод, что респонденты, состоящие в браке, более озабочены общественным мнением, ожиданиями и оценками других людей; в большей степени ориентированы на мнение окружающих при принятии важных решений и не способны противостоять общественному давлению.

При дальнейшем использовании корреляционного анализа были выявлены следующие результаты.

Люди с более высоким уровнем выраженности материализма в целом менее удовлетворены жизнью и, в частности, менее удовлетворены отношениями с родственниками, развитием и реализацией личностного потенциала, а также менее удовлетворены их потребности в личной безопасности.

Для материалистов характерно отсутствие достаточного количества близких, доверительных отношений, трудности в проявлении теплоты, открытости и заботы о других людях, нежелание идти на компромиссы для поддержания важных связей с окружающими. Материалисты в большей степени ощущают невозможность изменить или улучшить условия своей жизни, чувствуют бессилие в управлении окружающим миром, неспособность справляться с повседневными делами.

Для людей с более высоким уровнем выраженности материализма характерен низкий уровень выраженности психологического благополучия, т.е. низкая субъективная эмоциональная оценка человеком себя и собственной жизни, а также аспектов позитивного личностного функционирования.

Выводы:

1. В ходе проведенного эмпирического исследования были выявлены половозрастные и статусные особенности удовлетворенности жизнью, психологического благополучия и материализма.
2. У респондентов с более высоким уровнем выраженности материализма наблюдаются более низкие показатели удовлетворенности различными сферами жизни и низкие показатели шкал психологического благополучия.
3. Установлена статистически значимая обратная взаимосвязь между интенсивностью выраженности материализма и уровнем психологического благополучия.

Полученные результаты исследования могут быть использованы как в практике дальнейших прикладных исследований по проблеме взаимосвязи материалистической ориентации и психологического благополучия личности, так и при организации социально-психологической работы.

Список литературы

1. Лепешинский, Н. Н. Эмпирическое сопоставление гедонистического и эвдемонистического подходов к пониманию благополучия / Н. Н. Лепешинский // Психологический журнал. – 2009. – № 3. – С. 90 – 99.
2. Новак, Н. Г. Основные подходы к определению психологического благополучия личности в современной психологии / Н. Г. Новак // Психологический журнал. – 2008. – № 2. – С. 21 – 25.
3. Сельцова, И. А. Психологическое содержание феномена потребительства / И. А. Сельцова // Психология. – 2012. – № 2. – С. 12 – 17.
4. Тугарёва, Е. В. Восприятие мира материальных ценностей как фактор экономического поведения / Е. В. Тугарёва // Восприятие человеком экономической реальности, смыслы и стратегии экономического поведения: материалы X междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 7–9 апреля 2009 г. / Национальный исследовательский ун-т «Высшая школа экономики». – Москва, 2009. – III т. – С. 190 – 194.
5. Фенько, А. Б. Люди и деньги: Очерки психологии потребления / А. Б. Фенько. – М.: Независимая фирма «Класс», 2005. – 416 с.
6. Фесенко, П. П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) / П. П. Фесенко, Т. Д. Шевеленкова // Психологическая диагностика. – 2005. – № 3. – С. 95 – 123.
7. Хащенко, В. А. Психология экономического благополучия / В. А. Хащенко. – М.: Ин-т психологии РАН, 2012. – 426 с.
8. Belk, R. W. Materialism: Trait aspects of living in the material world / R. W. Belk // Journal of Consumer Research. – 1985. – Vol. 12. – P. 265 – 280.

Асаёнок Д. М. – магистрант 2 курса заочной формы обучения факультета психологии ГрГУ им. Янки Купалы

Научный руководитель – заведующий кафедрой экспериментальной и прикладной психологии ГрГУ им. Я. Купалы, кандидат психологических наук, доцент К. В. Карпинский

УДК 159.9

БАСОВА А. Г.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ АГРЕССИИ И ЭМПАТИИ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ВЕДУЩИХ СТРАТЕГИЯХ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ

В статье представлены результаты эмпирического исследования показателей агрессии и эмпатии при различных ведущих стратегиях поведения в конфликте у школьников подросткового и юношеского возраста. Согласно полученным результатам, агрессивные стратегии поведения в конфликте (физическая, вербальная и косвенная агрессия) сопряжены с более высокими значениями реактивной агрессии и агрессивности как личностной черты, а также с более низкими значениями эмпатии. Стратегии конструктивного разрешения противоречий и оказания помощи сопряжены с более низкими значениями реактивной агрессии и агрессивности как личностной черты, а также с более высокими значениями эмпатии и проактивной агрессии.

Сегодня проблема эмпатии разрабатывается главным образом для решения практических задач: облегчения взаимодействия людей в группе, эффективности психотерапии и педагогического процесса. Эмпатия является решающим фактором в проявлении просоциального поведения, с одной стороны, и одним из средств ингибирования агрессивного, антисоциального поведения – с другой.

Существует целый ряд работ, рассматривающих эмпатию как механизм ингибирования агрессии [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Тем не менее, в отечественной психологии данная проблема остается неисследованной, в то время как вопрос агрессивного поведения по-прежнему актуален.

Индивиды с более высоким уровнем эмпатии реже участвуют в конфликтных ситуациях, реже используют агрессию для достижения неагрессивных целей, поэтому формирование эмпатии как свойства личности, развитие навыков принятия роли является одним из оптимальных условий формирования просоциального поведения и ингибирования агрессии.

С целью определения значения эмпатии и агрессии при выборе стратегии поведения в конфликте было проведено исследование.

В качестве инструментария использовались:

1. Опросник агрессивности А. Басса и М. Перри, предназначенный для измерения уровня личностной агрессивности. Опросник включает в себя 4 шкалы: «физическая агрессивность», «вербальная агрессивность», «гнев» и «враждебность».

2. Опросник эмпатических тенденций А. Мехрабяна и Н. Эпштейна. Используется для диагностики степени выраженности эмоциональной эмпатии, которая определяется ими как опосредованный эмоциональный ответ на воспринятое эмоциональное состояние другого [5].

3. Шкала реактивной и проактивной агрессии Э. Роланда, Т. Идсье. Методика направлена на измерение ситуативной агрессии и содержит 3 шкалы: «реактивная агрессия» измеряет импульсивную агрессию, которая стимулируется некоторым кратковременным или относительно кратковременным фрустрирующим или аверсивным событием, возникающим перед агрессивным действием; «проактивная агрессия, связанная с властью» измеряет уровень инструментальной агрессии, которая используется для достижения власти, доминирования; «проактивная агрессия, связанная с аффилиацией» измеряет уровень инструментальной агрессии, которая используется для достижения чувства единения с другими агрессорами.

4. Методика изучения стратегий поведения школьников в конфликте К. Бьерквиста и К.Остерман. Направлена на изучение возможных стратегий поведения в конфликтной ситуации: проявления физической, вербальной и косвенной агрессии, конструктивное разрешение противоречий, оказание помощи другим, избегание, виктимизация.

В исследовании приняли участие 227 учеников (109 девочек и 118 мальчиков) 5-х (79 школьников), 7-х (66 школьников) и 9-х (82 школьника) классов в возрасте от 10 до 16 лет. Исследование проводилось в СШ № 119, СШ № 132 г. Минска.

Для сравнительного анализа использовался непарный t-критерий Стьюдента.

Сравнительный анализ показателей агрессии и эмпатии при различных ведущих стратегиях поведения в конфликте выявил следующие тенденции:

1. Агрессивные стратегии поведения в конфликте (физическая, вербальная и косвенная агрессия) сопряжены с более высокими значениями агрессивности как личностной черты, а стратегии конструктивного разрешения противоречий, оказания помощи – с более низкими.

Для таких стратегий поведения в конфликте, как избегание и виктимизация характерны более низкие показатели физической и вербальной агрессивности, однако показатели враждебности значимо выше, чем у школьников с ведущей стратегией оказания помощи. Высокие показатели враждебности у респондентов с ведущим стилем избегания, вероятно, объясняются тем, что эта стратегия не предполагает активных действий, а следовательно, может быть не связана с высокими значениями поведенческих компонентов агрессивности (физическая и вербальная агрессивность), что, однако, не исключает ее сопряженность с когнитивным компонентом (враждебность). То, что решение конфликта откладывается, не означает отсутствия этого конфликта – конфликт переводится в скрытую форму. В стратегии виктимизации, когда субъект выступает в роли жертвы, более высокая враждебность и эмоция гнева может быть реакцией на преследование – враждебность к агрессору, в то время как участие в конфликте в роли посредник – человека, оказывающего помощь, скорее всего, исключает высокие показатели враждебности как когнитивного компонента, хотя возможность испытывать гнев по отношению к агрессору остается.

Таким образом, прослеживается следующая наиболее общая тенденция при всей пестроте картины особенностей ведущих стратегий поведения: агрессивные стратегии поведения в конфликте сопряжены с более высокими значениями агрессивности, а стратегии конструктивного разрешения противоречий, оказания помощи, избегания и преследования – с более низкими. Вероятно, агрессивность как личностная черта в некоторой степени, наряду с другими факторами, обуславливает выбор стратегии поведения в конфликте. Чем более агрессивен человек, тем с большей вероятностью он будет использовать агрессивные стратегии поведения как в реалистических, так и в нереалистических конфликтах. Эта тенденция в большей степени прослеживается у школьников 5-х классов. В 7-х классах различия между стратегиями поведения в конфликте по показателям личностной агрессивности либо

незначимы, либо противоречивы и трудно поддаются интерпретации. В 9-х классах такой тенденции не наблюдается, из чего следует, что агрессивность уже не влияет на выбор ведущей стратегии, но существуют другие детерминанты выбора, которые выступают на первый план. Выявление этих детерминант требует дополнительных исследований, однако можно предположить, что выбор продуктивного или непродуктивного поведения может быть обусловлен полом участников конфликта, уровнем когнитивного развития, навыками и опытом конструктивного разрешения конфликтных ситуаций, уровнем эмпатии и способности эмоционально вчувствоваться в состояние другого человека.

2. Предполагалось, что, как и в случае агрессивности как личностной черты, так и в случае ситуативной агрессии показатели будут выше при агрессивных стратегиях поведения в конфликте. Такая гипотеза оказалась верна только для такого вида ситуативной агрессии, как реактивная агрессия. Основными характеристиками реактивной агрессии являются: защитная направленность и ответный характер на акты агрессии других субъектов. Она возникает в ответ на реальные или мнимые угрозы, фрустрацию какой-либо потребности индивида. Катализирующими и провоцирующими данную форму агрессии являются такие факторы, как угроза, блокирование цели, фрустрированные ожидания, склонность к интерпретации действий других людей в качестве враждебных. Для реактивной агрессии характерны следующие особенности: неспособность направить внимание на релевантные или альтернативные социальные сигналы – чрезмерная бдительность в ожидании враждебных сигналов; неправильная интерпретация враждебности намерения другого человека, враждебное атрибутивное искажение значения малозаметных или неопределённых сигналов; ограничение репертуара поведения агрессивными стратегиями решения проблем. Таким образом, дефицит и искажение социальных навыков являются одной из причин возникновения и развития реактивной агрессии, а гнев – ее необходимым эмоциональным компонентом.

Подростки же с более высокими показателями проактивной агрессии также имеют и более высокие показатели использования стратегий конструктивного разрешения противоречий и оказания помощи. Проактивная агрессия трактуется как синоним инструментальной агрессии и как поведение, направленное на получение определенного позитивного результата для агрессора. Удовольствие или возбуждение, а не гнев становятся доминирующими эмоциональными состояниями в проактивной агрессии. В случае проактивной агрессии удовольствие может получаться по двум причинам. Во-первых, реализация власти, возможность доминирования, оскорбления жертвы и вид покорной жертвы могут выступать как стимул для возникновения положительных эмоций у агрессора. Во-вторых, положительные эмоции могут возникать и тогда, когда агрессор оскорбляет жертву или нападает на нее не в одиночку, а с кем-то совместно. В этом случае важным становится ощущение единства с другими агрессорами в отношении впечатления о тех или иных отрицательных чертах жертвы. Такое согласие также увеличивает аффилиацию между членами группы. Поэтому положительные эмоции агрессора являются необходимым компонентом проактивного агрессивного поведения. Таким образом, в основе проактивной агрессии лежат потребности во власти или аффилиации. Возможно, более высокий уровень проактивной агрессии у лиц с ведущими конструктивными стратегиями поведения в конфликте связан с тем, что лежащие в ее основе потребности могут приобретать как просоциальную, так и асоциальную направленность в зависимости от ситуации и позиции референтной группы. Можно предположить, что в случае ситуативной агрессии действуют несколько иные закономерности, чем в случае агрессивности как личностной черты. Важную роль в данном случае играют доминирующие потребности человека, которые и обуславливают то или иное реагирование в ответ на ситуацию.

3. Подростки 5-х и 7-х классов с высоким уровнем эмпатии предпочитают конструктивные способы, учитывающие интересы и переживания других людей и направленные на оказание действенной помощи, поддержку и развитие отношений. Школьники с низким уровнем эмпатии предпочитают использовать директивные, силовые (деструктивные, без учета интересов и чувств другого человека) способы поведения в конфликте. Эмпатия может предотвратить агрессивное поведение посредством двух механизмов. Первый механизм относится к когнитивному компоненту эмпатии и действует через способность индивида к принятию роли [2]. Чем в большей степени человек способен понять позицию другого, тем агрессивное поведение менее вероятно [3; 6]. Если говорить более точно, то способность к принятию роли другого должна позволить проанализировать причины и мотивации другого человека, так, что его действия могут быть лучше поняты и приняты. Второй механизм связан с эмоциональным компонентом эмпатии, через который агрессор может испытывать боль жертвы, и этим будет ингибироваться его собственное агрессивное поведение во избежание эмоционального стресса, вызванного ситуацией или для уменьшения страдания жертвы [1].

Любопытным представляется тот факт, что в 9-х классах школьники с различными ведущими стратегиями поведения в конфликте не различаются по показателям эмпатии. Различий же в агрессивности было выявлено несколько больше, причем эти различия в большей степени относились к ситуативной агрессии. Это вызывает к жизни ряд предположений:

– большее влияние на стратегии поведения оказывает агрессивность, а не эмпатия. Следовательно, эмпатия не ингибирует сопутствующую ей агрессивность в 9-х классах. Пик агрессивности приходится как раз на 14 – 15 лет, поэтому, возможно, высокая агрессивность, в свою очередь, ингибирует сопутствующую ей эмпатию;

– ни агрессивность, ни эмпатия не влияют на выбор адаптивной или неадаптивной стратегии поведения в конфликте. И выбор обусловлен некими третьими переменными.

Таким образом, многие результаты настоящего исследования противоречивы и не могут быть проинтерпретированы однозначно. Представляется целесообразным продолжать изучение данной проблематики.

Список литературы:

1. Batson, C. Negative-state relief and the empathy-altruism hypothesis / C. Batson [et al.] // J of Personal Social Psychology. – 1989. – Vol. 56. – P. 922 – 933.
2. Davis, M. Empathy: a social psychological approach / M. Davis. – Boulder : Westview Press, 1996. – 44 p.
3. Feshbach, N. Studies in empathic behavior in children / N. Feshbach. – New York : Academic Press, 1978. – P. 1 – 47.
4. Jolliffe, D. Empathy and offending: a systematic review and meta-analysis / D. Jolliffe, D. Farrington // Aggressive Violent Behavior. – 2004. – Vol. 9. – P. 441 – 476.
5. Mehrabian, A. A measure of emotional empathy / A. Mehrabian, N. Epstein . – 1971. – P. 525 – 543.
6. Rule, B. Arbitrariness of frustration: inhibition or instigation effects on aggression / B. Rule [et. al.] // European Journal of Social Psychology. – 1978. – Vol. 8. – P. 237 – 244.

Басова А. Г. – студентка 5 курса факультета философии и социальных наук БГУ

Научный руководитель – заведующий кафедрой психологии БГУ, доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов

УДК 37.013.

БАРАНОВА Д. О.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТНОГО ЭГОЦЕНТРИЗМА У ПОДРОСТКОВ РАЗНОГО ПОЛА

В статье речь идет о феномене личностного эгоцентризма у подростков. Описаны данные, полученные в результате проведенного исследования: половые особенности выраженности общего показателя и компонентов личностного эгоцентризма подростков, особенности подростков с разной степенью выраженности личностного эгоцентризма и социоцентризма.

Актуальность темы исследования обусловлена проблемой повышения агрессивности подростков. Изучение места и роли эгоцентрических компонентов в общей картине подростковой агрессивности является важной задачей отечественной психологии, позволяющей расширить понимание причин, механизмов и возможностей коррекции агрессивного поведения подростков.

У истоков научного изучения проблемы эгоцентризма стоят великие ученые Ж.Пиаже и Л.С. Выготский, положившие начало исследованиям познавательного и речевого эгоцентризма в зарубежной и отечественной психологической науке. Эгоцентризм в работах Ж. Пиаже рассматривался как некая особенность мышления, скрытая умственная позиция ребёнка, выражающаяся в своеобразной детской логике, речи, представлениях о мире, раскрываемая при помощи индивидуальных бесед и проявляющаяся в общении [5]. Современный подход к проблеме эгоцентризма сформировался во многом под влиянием работ Д. Элкинда [1], который выявил новые аспекты подросткового эгоцентризма, в большей степени затрагивающие развитие личности. Д.Элкинд отмечает, что формальные операции наделяют подростка способностью не только создавать умственные конструкции, но и рассуждать о них,

что позволяет ему получить представление и о собственном мышлении, и о мышлении других людей. При этом подросток затрудняется в дифференциации объектов, на которые направлено мышление других, и объектов, на которые направлено его собственное мышление. Из-за тех серьезных психофизиологических изменений, которые подросток претерпевает в этом возрасте, он более всего интересуется собой. Соответственно он полагает, что другие люди озабочены его поведением и внешним видом так же, как и он сам. Именно это убеждение Д.Элкинд обозначает термином «воображаемая аудитория» (в оригинале — «imaginary audience»); он рассматривает этот феномен как один из основных компонентов эгоцентризма в подростковом возрасте.

Мысленно подросток пытается настойчиво предвосхитить реакции других людей на себя. Эти предвосхищения зависят от того, как подросток относится к себе. Подросток считает, что другие будут относиться к нему точно так же, как и он сам. Таким образом, подросток постоянно конструирует «воображаемую аудиторию», центром внимания которой он сам и является. Понятие «воображаемая аудитория», по мнению Д.Элкинда, способствует объяснению многого из подросткового поведения. Стремление к уединению и нежелание подростка раскрываться в некоторой степени может быть реакцией на ощущение, что он постоянно находится под критическим взором других людей. Наличие «воображаемой аудитории» также помогает понять, что наиболее сильный аффект, особенно характерный для подростка, - стыд [1].

При том, что подростку не удается отличить предмет своего мышления от предмета мыслей других, он очень хорошо дифференцирует собственные чувства. Он оценивает себя и особенно свои чувства как нечто уникальное, особенное: только он может так страдать, любить, ненавидеть. Попытки многих родителей сблизиться со своими детьми были отвергнуты со словами «ты все равно не поймешь, что я чувствую». Эта вера в уникальность своих переживаний была названа Д.Элкиндом «личным мифом» (personal fable). «Личный миф» — это история, которую подросток рассказывает себе о себе же самом, но которая не является правдой. «Личный миф», считает Д.Элкинд, составляет второй компонент эгоцентризма в подростковом возрасте.

В дополнение к перечисленным выше проявлениям феномена эгоцентризма исследователь Р.Энрайт добавил еще один компонент — «сфокусированность на самом себе», определив его как общую подростковую тенденцию к сосредоточению внимания на своих чувствах и мыслях [1].

В процессе взросления «воображаемая аудитория» «сближается» с реальным окружением подростка. Теперь в предвосхищении подросток больше ориентируется на действительно возможные реакции конкретных людей, нежели на свои представления о себе. «Личный миф», вероятно, преодолевается, когда молодой человек видит себя в реальном свете и способен установить подлинные межличностные отношения. Когда возникает доверительный контакт с другим, подросток узнает, что тот испытывает чувства, сходные с его чувствами.

В отечественной психологии исследования Л.С. Выготского открыли кардинально новый подход в изучении эгоцентризма детской речи и мышления, воплощающий в себе новую парадигму социально-субъектного, культурно-исторического психологического мировоззрения. Проблема детского личностного эгоцентризма разрабатывалась Т.И. Пашуковой, исследовавшей эгоцентрическую направленность личности через фиксацию количества определенных поведенческих и речевых реакций. Т.И. Пашуковой описаны две формы эгоцентрической направленности личности: эгоцентрическая направленность экстравертированного типа и эгоцентрическая направленность личности интровертированного типа [4].

Человек с сильно выраженной эгоцентрической направленностью экстравертированного типа склонен демонстрировать себя и свои успехи. В конфликтах он, скорее всего, будет создавать ситуацию конфронтации, а участвуя в принятии группой решений, постарается навязать своё мнение всем остальным. Во время общения более вероятно, что он проявит активность, но при этом обнаружится его невнимательность к настроению или мнению, планам, желанию или точке зрения партнёра.

Люди с сильно выраженной эгоцентрической направленностью личности интровертированного типа стремятся скрывать своё мнение или оценку событий или отношений к другим людям. Они помалкивают, будучи уверенными в своей правоте. Поскольку они не стремятся высказать своё мнение, то тем самым теряют возможность найти действительные аргументы и доказательства «за» или «против» него, потребность в которых может проявиться именно в процессе обсуждения мнений, оценок, взглядов с другими людьми.

Обе формы эгоцентрической направленности личности препятствуют эффективному общению и взаимодействию, так как тормозят процесс установления взаимопонимания. При этом экстравертированные эгоцентрики плохо понимают других, поскольку невнимательны к ним, а интровертированные — из-за того, что не предоставляют возможности партнёрам понять себя, своё мнение [2]. Следствием эгоцентризма становится межличностное непонимание, усложняющее взаимоотношения, взаимодействие и ведущее к разнообразным конфликтам.

Повышенное стремление личности к самосохранению или самоутверждению вызывает усиление эгоцентризма. Эгоцентризм детерминируется не только внешними социальными и социально-психологическими условиями интеракций, но и внутренними интрапсихологическими условиями. К внешним условиям можно отнести сложившийся тип отношений с людьми, статус индивида в группе, выполняемые роли и функции во внутригрупповом взаимодействии. К внутрличностным условиям относятся состояние и уровень развития подструктур личности [3].

Одной из задач нашего исследования было выявление характеристик личностного эгоцентризма у подростков разного пола. В качестве основной гипотезы исследования было выдвинуто предположение о наличии статистически значимых различий выраженности личностного эгоцентризма у подростков разного пола.

Методика эмпирического исследования. Эмпирическую базу настоящего исследования составила выборка учащихся средней школы №8 г. Гродно в количестве 70 испытуемых в возрасте от 13 до 15 лет, среди них 35 девочек и 35 мальчиков.

Для сбора эмпирических данных были использованы: тест эгоцентрических ассоциаций (ТЭА) (Т.М.Пашукова), опросник «Подростковый эгоцентризм-социоцентризм» (AES) (Р.Д. Энрайт, адаптированный вариант Т.В. Рябовой). Был проведен качественный анализ, содержательная интерпретация полученных данных. Для выявления половых различий в уровне выраженности психологических переменных по результатам диагностики опросников ТЭА и AES был использован U-критерий Манна-Уитни. Статистические расчеты выполнены с использованием компьютерных программ «Statistica» версии 6.0 и «Excel» из пакета «Microsoft office 7.0».

Анализ полученных данных по методике «Тест эгоцентрических ассоциаций» (Т. И. Пашукова) позволил сделать вывод о различии уровней эгоцентризма у мальчиков и девочек. Данные различия представлены в процентном соотношении в таблице 1.

Таблица 1 - Распределение уровней личностного эгоцентризма в выборке подростков с учетом фактора пола (в %)

Кол-во испытуемых (в %)	Уровни эгоцентризма				
	Очень низкий	Низкий	Средний	Высокий	Очень высокий
Девочки	0	13,8	49,0	37,3	0
Мальчики	0	26,8	30,3	42,6	0

Как следует из таблицы 1, средний уровень выраженности личностного эгоцентризма характерен для большинства подростков как женского, так и мужского пола, при этом у девочек-подростков данный уровень эгоцентризма встречается в большем числе случаев в сравнении с мальчиками-подростками. Такие подростки склонны в достаточно значимой степени фиксироваться на собственных взглядах и состояниях при отсутствии ориентированности на внешние воздействия и переживания других людей; подростки испытывают трудности в ходе взаимодействия с другими по причине неспособности представить вещи с иной точки зрения, кроме своей собственной.

Высокий уровень эгоцентризма у мальчиков встречается чаще, чем у девочек. Данный уровень выраженности изучаемого феномена свидетельствует о высокой центрации личности подростка на самом себе, своих качествах, мыслях, переживаниях, представлениях, действиях. Как отмечает Т.И. Пашукова, лица с высоким уровнем эгоцентризма часто бывают конфликтными, так как склонны исказить смысловое содержание сообщения собеседника, что ведет к непониманию и межличностным проблемам [3].

Низкий уровень эгоцентризма встречается в 2 раза чаще у мальчиков, чем у девочек. Данный уровень эгоцентризма несёт в себе информацию о недостаточной индивидуализации подростка, а в редких случаях и о сниженных темпах развития личности. Как считает Т.И. Пашукова, низкий уровень эгоцентризма личности часто является следствием постоянного подавления личности ребенка авторитетами. Дома ими становятся родители, а в школе – учителя и некоторые ученики [4].

Как очень низкий, так и крайне высокий уровни личностного эгоцентризма в выборке подростков выявлены не были.

Полученные нами данные с помощью опросника ТЭА свидетельствуют о достаточно высокой эгоцентричности современных подростков, что проявляется в невнимании и (или) ложном истолковании содержания высказываний других людей, понимании подростками своей точки зрения как единственно верной, авторитарности в межличностном взаимодействии.

В результате обработки эмпирических данных, полученных по опроснику «Подростковый эгоцентризм-социоцентризм» (AES) (Р.Д. Энрайт, адаптированный вариант Т.В. Рябовой), нами был выявлен ряд характеристик эгоцентризма у подростков разного пола. На рисунке 1 представлены средние значения показателей по шкалам методики AES (рисунок 1).

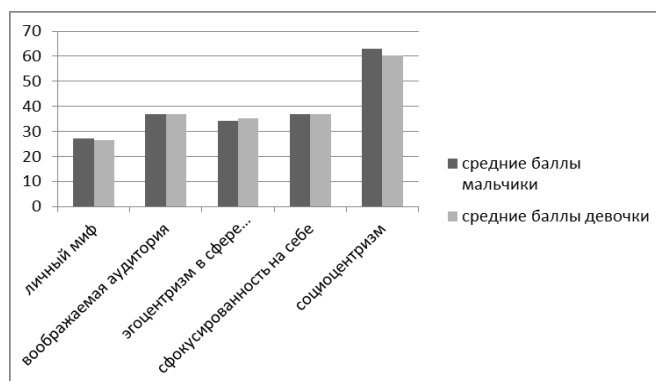

Рисунок 1 – Средние значения показателей эгоцентризма у подростков разного пола

Как видно на гистограмме рисунка 1, средние значения показателей таких шкал, как «Личный миф», «Воображаемая аудитория», «Сфокусированность на себе», «Эгоцентризм в сферах представлений о нормах и санкциях», у подростков мужского и женского пола достаточно близки. Применение критерия Манна-Уитни для сравнения выборки мальчиков-подростков и девочек-подростков по данным шкалам не выявило статистически значимых различий ($p < 0,05$).

Таким образом, независимо от пола, подростки склонны оценивать себя и особенно свои чувства как нечто уникальное, особенное. Им кажется, что только они могут так любить, страдать. У подростков возникает ощущение, что они постоянно находятся под критическим взором других людей. По мнению подростков, окружающие критически оценивают их действия, поступки, внешность. Наличие в сознании подростка «Воображаемой аудитории» приводит к тому, что подростки, с одной стороны, стремятся к уединению и углубляются в свой внутренний мир, а с другой стороны, много времени уделяют своей внешности, одежде.

Испытуемые подростки отличаются наличием эгоцентризма в области оценки социума, представляют свое поведение как оправданное и нормальное в силу того, что окружение эгоцентрически описывается как неадекватное или несправедливое («Меня никто не понимает»). Характеристики эгоцентризма в сфере представлений о нормах и санкциях проявляются в формировании подростками автономной от социального окружения и социальных норм своей собственной системы представлений и оценок того, «что хорошо, а что плохо», и противопоставлять собственную «моральную парадигму» системе норм и правил общества.

Показатель «Социоцентризма» статистически значимо различается у подростков разного пола ($p < 0,05$). Мальчики-подростки по сравнению с девочками-подростками в большей степени ориентируются на внешне заданные цели и ценности, определяемые группой сверстников и значимыми другими людьми.

Выводы:

1. В ходе проведенного эмпирического исследования нами были выявлены половые особенности в выраженности личностного эгоцентризма у подростков. У мальчиков чаще, чем у девочек, наблюдаются как высокий, так и низкий уровни эгоцентризма. Для девочек-подростков характерен средний и высокий уровни выраженности личностного эгоцентризма.

2. Характеристики феноменов личного мифа, воображаемой аудитории, сфокусированности на себе, эгоцентризма в представлениях о нормах и санкциях у подростков мужского и женского пола не имеют статистически значимых различий.

3. Мальчики-подростки по сравнению с девочками-подростками в большей степени социально ориентированы на ценности референтной группы и значимых других.

Материалы и результаты исследования могут быть использованы психолого-педагогическими службами учреждений образования в ходе психологического консультирования подростков и разработки конкретных рекомендаций по преодолению личностного эгоцентризма.

Список литературы

1. Обухова, Л.Ф. Феномен эгоцентризма у подростков-инвалидов / Т.В. Рябова, М.Н. Гуслова, Т.К. Стуре // Вопросы психологии. - 2001. №3. С. 40-49.
2. Пашукова, Т.И. Феноменология эгоцентризма в общении / Т.И. Пашукова // Мир психологии. – 2006. № 4. С. 90-96.
3. Пашукова, Т.И. Эгоцентризм, основные психологические характеристики, закономерности и механизмы формирования и коррекции: дис. ... д-ра. психол. наук. 19.00.05, 19.00.13 / Т.И. Пашукова; - Киев, 2002. - 508 с.
4. Пашукова, Т. И. Эгоцентризм: феноменология, закономерности формирования и коррекции / Т.И. Пашукова. – Кировоград: Центрально-Украинское издательство, 2001. – 338 с.
5. Пиаже, Ж. Речь и мышление ребенка / Ж. Пиаже; - СПб., 1997. - 256 с.

Баранова Д.О. – студентка 6 курса заочной формы обучения факультета психологии ГрГУ им. Янки Купалы

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии ГрГУ им. Я. Купалы, координатор по научной работе факультета психологии М.М. Карнелович

УДК 159.9

БАСОВА А. Г.

СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ В КОНФЛИКТЕ

В данной статье рассматриваются понятия стратегий поведения в конфликте и индивидуального стиля поведения в конфликте. Анализируются существующие классификации стратегий поведения в конфликте, а также факторы и условия, определяющие выбор стратегии поведения в конфликте.

Стратегия поведения в конфликте представляет собой ориентацию личности (группы) по отношению к конфликту, установку на определенные формы поведения в ситуации конфликта [1, с. 93].

Стиль поведения - это относительно устойчивая совокупность целей, осознаваемых или неосознаваемых личностью действий, операций и реакций, направленных на разрешение конфликта или выход из него в определенном пространстве и в ситуации непосредственного взаимодействия [3, с. 94].

Некоторые авторы используют понятия «стили поведения в конфликте» и «стратегии поведения в конфликте» как взаимозаменяемые, не обозначая различий между ними [3]. Однако чаще всего стили поведения соотносят с особенностями личности, а стратегии – с категориями поведения [2].

Многие считают, что выбираемая стратегия - это относительно стабильный аспект личности, т.е. существуют личности, демонстрирующие в конфликте только кооперативную или соперничающую стратегию [8]. Однако данные, полученные в ряде исследований, заставляют усомниться в таком понимании. Показано, что социальное поведение человека зависит от ситуации и может значительно меняться [7]. Между стратегией поведения в конфликте и такими личностными характеристиками, как догматизм, уважение к людям, маккиавелизм (склонность манипулировать людьми), существует очень низкая корреляция [9]. Эти представления отчасти, может быть, и верны, но не в отношении всех людей, а скорее для так называемых акцентуированных личностей, чье поведение относительно мало корректируется факторами социальной ситуации [2].

В отношении же основной массы успешно адаптирующихся людей более адекватно рассматривать стратегии всего лишь как специфические типы поведения, т.е. стратегия соотносится с категориями поведения, а не с типом личности. Такое представление позволяет учитывать легкость изменения поведения в зависимости от ситуации, создает основу для тренировки навыков адекватного поведения в конфликте и вообще дает основания более оптимистично оценивать перспективы разрешения межличностных конфликтов [2].

Каждый конфликт состоит из определенных действий. Его участники могут угрожать, требовать, просить, создавать коалиции, идти на уступки и совершать еще множество других действий. При всем разнообразии их можно объединить в несколько общих классов, или стратегий. Как правило, в конфликте используются комбинации стратегий, порой доминирует одна из них. Стратегии реализуются через различные тактики. Стратегии и тактики различаются между собой по степени обобщенности. Стратегия - это набор макроскопических целей. Тактики - средства достижения этих целей. Одна и та же тактика может использоваться в рамках разных стратегий. Так, например, угроза, обычно рассматриваемая как деструктивная и недоброжелательная тактика, может быть использована в случае неготовности или неспособности одной из сторон уступить далее определенных пределов [2].

Виды стратегий поведения в конфликте. Первая классификация путей разрешения конфликтов была предложена М. Follett. Она указывала на необходимость урегулирования конфликтов, а не подавления их. Среди способов она выделила победу одной из сторон (доминирование), компромисс и интеграцию. Дополнительно были предложены такие способы, как избегание и подавление. При «доминировании» одна сторона побеждает, вторая – терпит поражение. При компромиссе каждая сторона идет на взаимные уступки. При интеграции находится решение, при котором выполняются условия обеих сторон, причем ни одна из них не несет серьезных потерь. В дальнейшем этот способ разрешения конфликта получил название «сотрудничество» [1; 6].

Спустя несколько десятилетий R. Blake и J. Mouton разработали концепцию о «силовом поле» (управленческая решетка ГРИД), определяющем мотивации руководителя, ориентированного либо на решение стоящих перед ним задач, например на производство, либо на человека, производителя. Первая «силовая линия» (на задачу) ведет к максимально высоким объемам прибыли и рассматривается как напористость. Вторая направлена на человека, на то, чтобы условия труда в наибольшей степени отвечали его потребностям и запросам. Она рассматривается как кооперативность. Авторы впервые использовали двумерную модель в отношении конфликтного поведения, на основании которой были описаны следующие стили поведения в конфликте: уклонение (уход от конфликта), сглаживание (подавление признаков конфликта и ожесточенности, апелляция к солидарности), принуждение (попытка заставить другого принять свою точку зрения), компромисс (частичное принятие точки зрения другой стороны), решение проблемы (признание различия во мнениях и готовность найти решение, приемлемое для всех сторон) [6].

K. Thomas и R. Killman, используя концепцию R. Blake, J. Mouton, создали свою классификационную модель, которая является наиболее популярной и широко используемой [1; 3; 6].

Ведущие стратегии, согласно данной модели, могут быть условно разделены на два основных направления в разрешении конфликтов:

– стратегия партнерства, которая характеризуется ориентацией на учет интересов и потребностей партнера.

– стратегия напористости, которая сопряжена с реализацией собственных интересов, стремлением к достижению собственных целей.

Внутри двух стратегий существует пять основных тактик, или стилей, поведения:

1. Избегание (бездействие). Характеризуется низкими значениями напористости и партнерства. Участник находится в ситуации конфликта, проблема осознается, но ни личная заинтересованность, ни интересы партнера (оппонента) не становятся стимулом для активных действий по его разрешению. Проявляется стремление не брать на себя ответственность за принятие решения, не видеть разногласий, отрицать конфликт, считать его безопасным. Стремление выйти из ситуации не уступая, но и не настаивая на своем, воздерживаясь от споров, дискуссий, возражений оппоненту, высказывания своей позиции. Такое поведение может быть уместным, если предмет разногласий не представляет для человека большой ценности, если ситуация может разрешиться сама собой, если на данный момент нет условий для продуктивного разрешения конфликта, но через некоторое время они появятся. Стратегия может быть эффективна и в случае нереалистических конфликтов.

2. Приспособление (уступка). Характеризуется низкой напористостью, высоким стремлением к партнерству. Превалирует стремление сохранить или наладить благоприятные отношения, обеспечить интересы партнера путем сглаживания разногласий. Готовность уступить, пренебрегая собственными интересами, уйти от обсуждения спорных вопросов, согласиться с требованиями, претензиями. Стремление поддержать партнера, чтобы не затронуть его чувств путем подчеркивания общих интересов, замалчивания разногласий. Эта стратегия может быть признана рациональной, в том случае, если предмет разногласий имеет для человека меньшую ценность, чем взаимоотношения с противоположной стороной.

3. Соперничество (конкуренция). Характеризуется высокой напористостью, низким стремлением к партнерству. Стиль предусматривает исключительную заинтересованность в достижении собственных целей, как правило, за счет навязывания другой стороне предпочтительного для себя решения.

Преобладает стремление настоять на своем путем открытой борьбы за свои интересы, применения власти, принуждения, давления.

4. Компромисс. Характеризуется средними значениями напористости и партнерства. Предполагает взаимодействие на основе равного учета интересов обеих сторон конфликта и некоторого отхода от первоначальных позиций на основе обоюдности. Доминирует стремление урегулировать разногласия, уступая частично, в обмен на уступки другого.

5. Сотрудничество (проблемно-решающая стратегия). Характеризуется высокими показателями напористости и партнерства. Признавая равную ценность интересов сторон, направляет усилия на поиск решения, удовлетворяющего их. Стиль основывается на убежденности участников конфликта в том, что расхождение во взглядах многих людей — неизбежный результат их личных представлений [1; 3; 6].

Н. И. Леонов описывает следующие способы поведения в конфликте: соперничающий (навязывание другой стороне выгодного для себя решения); проблемно-решающий (поиск решения, которое удовлетворяет обе стороны); уступающий (снижение своих запросов, в результате чего появляется частичная неудовлетворенность исходом конфликта); избегающий (физический или психологический уход из ситуации конфликта); бездействие (нахождение в ситуации конфликта, но без всяких действий по его разрешению) [3, с. 84].

Подход, в котором стратегии могут быть выделены на основе соотношения таких базовых параметров поведения, как жесткость позиции и модальность отношения к оппоненту, был предложен А. И. Шпиловым [1, с. 91].

– Жесткость позиции. Имеет два полюса: жесткость и мягкость предъявления и отстаивания своих интересов. Первый рассматривается как напористое, энергичное воздействие на оппонента путем требований, указаний и других форм социального, физического и психологического регулирования. Мягкая позиция чаще всего трактуется не как пассивность, вялость воздействий, а как тонкие, не прямолинейные, в определенной мере косвенные средства воздействия, учитывающие нюансы характера оппонента, опора на психологизм ситуации.

– Модальность отношения к оппоненту. Параметр поведения, отражающий степень уважительного отношения к оппоненту, который может рассматриваться как объект воздействия или как субъект взаимодействия. В первом случае на оппонента можно воздействовать силовыми методами, а также средствами, не соответствующими общепринятым нормам морали. К объекту выказывается неуважение как в прямом, так и в косвенном виде. Отношение к оппоненту как к субъекту взаимодействия предполагает признание психологического равенства с ним и реализацию уважительного отношения, предусматривает учет и реализацию правовых и нравственных норм взаимодействия.

Различное сочетание проявлений рассмотренных параметров в виде системы координат дает возможность выделить четыре основные стратегии поведения в конфликте: противоборство; отстаивание своей позиции на основе существующих норм и правил; манипуляция другим; открытый разговор.

1. Нормативная стратегия. Линия поведения, в основе которой лежит опора на нормативность позиции в сочетании с уважением к личности оппонента. Подробно излагается в различных правовых документах (инструкциях, распоряжениях, кодексах и т. п.).

2. Конфронтационная (или агрессивная) стратегия. Предполагает активное использование угроз, психологического давления, блокирующих действий, физического и морального насилия. Слабый контроль над своими эмоциями. Зачастую конфликтные действия из средства достижения поставленных целей превращаются в конечную цель — нанесение максимального ущерба оппоненту.

3. Манипулятивная стратегия. Достижение поставленных целей путем косвенного психологического воздействия на оппонента, в результате которого он вынужден уступить или действовать в нужном для манипулятора направлении. В социально-психологических исследованиях манипулятивное решение проблем рассматривается как психологическое воздействие, нацеленное на неявное изменение направленности активности другого человека.

4. Переговорная стратегия. Реализация стремления к поиску компромисса, к обсуждению проблемы, к разрешению противоречия путем уступок (односторонних или обоюдных), а также поиска такого решения, которое устраивает обе стороны. В переговорной стратегии реализуется установка на совместный поиск решения [1, с. 91].

К. Бьерквист и К. Остерман, классификация которых взята за основу эмпирической части настоящей работы, описывают следующие стратегии [5, с. 362]:

1. Физическая агрессия. Стратегия, при которой преобладает использование физической силы против другого лица.

2. Вербальная агрессия. Выражение негативных чувств как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание словесных ответов (угроза, проклятия, ругань).

3. Косвенная агрессия. Действия, осуществляемые в отношении другого лица, направлены на него не прямо, а косвенным образом (сплетни, шутки) или ни на кого не направлены (топанье ногами, битье кулаками по столу).

4. Конструктивное разрешение противоречий. Совместная деятельность его участников, направленная на прекращение противодействия и решение проблемы, которая привела к столкновению.

5. Оказание помощи. Стратегия включает помощь другим при возникновении конфликтов и проблем, попытки остановить столкновение или ссоры между участниками конфликта.

6. Избегание. Преобладает стремление выйти из ситуации, не отстаивать свое мнение, но и не способствовать выигрышу противоположной стороны.

7. Преследование. Субъект является жертвой физической, вербальной, косвенной агрессии других [5, с. 362].

Достоинством и особенностью данной классификации является то, что в ней дополнительно представлены позиции жертвы агрессии (стратегия преследования) и посредника, оказывающего помощь.

Приведенные выше классификации не являются взаимоисключающими или противоречащими друг другу. Так, последнюю классификацию можно рассмотреть с точки зрения других моделей:

1. Модель К. Thomas и R. Killman. Стратегии конструктивного разрешения противоречий и оказания помощи характеризуются высоким уровнем напористости и высоким уровнем партнерства. Стратегии физической, вербальной и косвенной агрессии – высоким уровнем напористости и низким уровнем партнерства. Стратегии избегания и преследования – низким уровнем напористости и партнерства.

2. Модель Н. И. Леонова. Конструктивное разрешение противоречий и оказание помощи можно рассматривать как проблемно-решающие стратегии: стратегии физической, вербальной и косвенной агрессии – как стратегии соперничества. Стратегия избегания аналогична стратегиям бездействия и собственно избегания. Стратегия преследования тождественна уступающей стратегии.

Кроме того, все стратегии можно условно разделить на категории по критериям адаптивности, конструктивности и активности [1; 4]:

– адаптивные/неадаптивные. Адаптивное поведение представляет собой конструктивное приспособление к обстоятельствам, предполагающее готовность индивида решать жизненные проблемы, сформированное умение использовать определённые средства для преодоления трудностей. У субъектов с неадаптивным поведением в конфликте отсутствует мотивация к активному и конструктивному разрешению конфликтов.

– конструктивные/неконструктивные (деструктивные). Конструктивные стратегии поведения в конфликте не унижают человеческое достоинство других участников конфликта и стимулируют развитие группы и личности, сплачивают группу и способствуют ее социальному развитию, преодолению внутренних и внешних трудностей. Деструктивные стратегии поведения в конфликте представляют собой нарушение определенных форм общения, норм, эталонов поведения и препятствуют развитию группы и личности.

– активные/ пассивные. Активные стратегии представляют собой деятельные формы адаптации субъекта к трудной ситуации, активное преобразование среды. Может быть реализована в двух формах: конструктивной и деструктивной. Пассивные стратегии представляют собой отказ от активных действий по преобразованию среды. Пассивная стратегия также может быть реализована в двух формах: приспособление и уход от ситуации [1; 4].

Детерминанты выбора стратегии поведения в конфликте. Существует несколько подходов к определению факторов, детерминирующих поведение человека в конфликте. Согласно личностному подходу, поведение в конфликте определяется личностными особенностями, установками, мотивационными тенденциями, чертами характера, Я-концепцией. В рамках ситуационного подхода конфликтное поведение личности рассматривается как результат влияния ситуационных факторов, к которым относят общий контекст конфликтной ситуации, оценку участниками конфликта успешности применения стратегии для достижения собственных целей и её «цены», опыт отношений сторон, образ конфликтной ситуации. В настоящее время доминирующим является реципрокный подход, в котором закономерности конфликтного поведения рассматриваются в терминах взаимодействия, реципрокного влияния, вклада ситуационных и диспозиционных детерминант. Результаты исследований Н.В. Гришиной свидетельствуют о том, что среди субъективных факторов, детерминирующих поведение в конфликте, социально-психологические факторы имеют приоритет перед индивидуально-психологическими. Исходя из этого, поведение в конфликте может рассматриваться как результат научения, при этом особое значение приобретают модели, образцы поведения в конфликте, предлагаемые человеку его окружением [4].

Возрастные особенности также оказывают существенное влияние на поведение в конфликтах. В поведении подростков в конфликтах преобладают деструктивные формы. Личностными факторами, обуславливающими такое поведение, являются недостаточный уровень коммуникативной компетентности, преобладание эмоционального начала над рациональным, недостаточный диапазон конфликтных стратегий поведения и отсутствие навыков конструктивного взаимодействия в конфликте, предпочтение стратегий поведения, гарантирующих выигрыш, высокая ценность в этом возрасте умения постоять за себя, дать отпор, защитить свои честь и достоинство. К ситуационным факторам выбора стратегии поведения в конфликте в подростковом возрасте относятся психологический климат в классном коллективе, поведение в конфликтах значимых взрослых, стиль взаимодействия учителя с учениками [4].

Таким образом, условно можно описать 3 группы факторов выбора стратегии поведения в конфликте:

1. Факторы ситуации: причины, приведшие к конфликту, количество времени для обсуждения и разрешения конфликта, участие третьей стороны, психологический климат в коллективе.

2. Индивидуально-личностные факторы: возраст, пол, потребности (например, потребность в аффилиации, власти), личностные качества (эмпатийность, агрессивность), ценности, установки, уровень когнитивного развития, способ когнитивной обработки социальных признаков ситуации (атрибуция враждебности), опыт разрешения конфликтных ситуаций, оценка успешности применения стратегии для достижения собственных целей и ее “цены”, вторичная рефлексия (представления субъекта о том, как оппонент воспринимает конфликтную ситуацию).

3. Межличностные факторы: психологическая дистанция между участниками конфликта, социальный статус объекта воздействия и его устойчивость к воздействию, а также социального статуса лица, применяющего тактику, ориентированность участников конфликта на свои или чужие интересы, наличие симпатии или антипатии к оппоненту.

Список литературы

1. Анцупов, А. Я. Конфликтология в схемах и комментариях / А. Я. Анцупов, С. В. Баклановский. – СПб. : Питер, 2009. – 304 с.
2. Латынов В. Конфликт: протекание, способы разрешения, поведение конфликтующих сторон. Обзор зарубежных исследований по психологии конфликта // Иностранная психология. – 1993. – № 2. – С. 87 – 92.
3. Леонов Н. И. Конфликтология // Н. И. Леонов. – М. : Модэк, 2006. – 232 с.
4. Степанова Н. В. Формирование адаптивного поведения старших подростков в межличностных конфликтах: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Н. В. Степанова ; АПН Науч.-исслед. ин-т возрастной и пед. психологии. – М., 2007. – 24 с.
5. Фурманов, И. А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И. А. Фурманов. – СПб. : Речь, 2007. – 480 с.
6. Alakavuklar, O. N. Interpersonal conflict handling styles: the role of ethical approaches / O. N. Alakavuklar. – 2007. – 103 p.
7. Arnold C. C. Handbook of rhetorical and communication theory / C. C. Arnold, J. W. Bowers. – Boston : Allyn, Bacon, 1984. – P. 659 – 719.
8. Filley A. C. Interpersonal Conflict Resolution / A. C. Filley. – Glenview : Scott, Foresman, 1975. – 180 p.
9. Jones K. E. Personality and preference for modes of conflict resolution / K. E. Jones // Human Relations. – 1982. – Vol.35. – P. 649 – 658.

Басова А. Г. – студентка 5 курса факультета философии и социальных наук БГУ

Научный руководитель – заведующий кафедрой психологии БГУ, доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов

УДК 159.9

БУЧА Т. В.

ЗАЩИТНО-СОВЛАДАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ В ОПЕКУНСКИХ СЕМЬЯХ

В статье рассмотрены особенности стратегий совладания и психологических защит в кризисных ситуациях у родителей в опекунских и неопекунских семьях. Одной из наиболее актуальных социальных проблем в нашем обществе является проблема сиротства. Наилучшей формой решения этой проблемы признается усыновление. Однако появление в семье приемного ребенка приводит к напряжению ее функциональных ресурсов. В литературе этот период жизни семьи определяется как ненормативный семейный кризис. Данное обстоятельство требует актуализации определенных копинг-стратегий, направленных на преодоление кризиса и сохранения устойчивости семьи. В зависимости от того, какие копинг-стратегии (продуктивные или непродуктивные) используют супруги, зависит устойчивость семьи, а также время и качество взаимной адаптации приемных родителей и ребенка.

Наилучшей средой для воспитания ребенка является семья. Если нет возможности сохранить для ребенка кровную семью, необходима система замещающих семей, в которых дети, оставшиеся без попечения родителей, смогут впитать в себя все ее культурные ценности, семейные традиции, чтобы, став взрослыми, создать собственные семьи по образу и подобию своей замещающей семьи [1].

Семья усыновителей может столкнуться с определенными сложностями: объективными (социально-экономическое положение в стране, финансовая состоятельность усыновителей), субъективными (общественное мнение, стереотипы в отношении самого факта усыновления). Трудности семейной жизни, с одной стороны, приводят к нарастанию конфликтности взаимоотношений, ослаблению сплоченности семьи, с другой стороны, способствуют умножению направленных на ее сохранение усилий членов семьи.

Как и насколько эффективно могут быть преодолены кризисы, во многом зависит от особенностей совладающего поведения, которое позволяет субъекту справиться со стрессом или трудной жизненной ситуацией через осознанные стратегии действий.

Копинг-поведение - это сознательное поведение, направленное на активное взаимодействие субъекта с ситуацией или приспособление к ней. Оно может быть продуктивным (разрешение проблемы, трудной ситуации, снижение уровня напряжения, тревоги, душевный подъем и радость преодоления) и непродуктивным (погружение в переживания, самообвинение, обвинение друг друга) [2].

В данной работе мы рассматриваем защитно-совладающее поведение родителей в опекунских и неопекунских семьях, подчеркивая при этом роль отношений с детьми. Основным механизмом адаптации родителей к изменившимся социальным условиям является их совладание с новыми трудными ситуациями, которые требуют от них особых усилий.

Таким образом, актуальность изучаемой проблемы, ее недостаточная теоретическая проработанность и малая эмпирическая база обусловили выбор темы исследования.

Цель нашего исследования - изучить особенности защитно-совладающего поведения родителей в опекунских и неопекунских семьях.

В исследовании участвовали 48 родителей г. Гродно, 24 родителя из опекунских семей, 24 - из неопекунских семей.

Методы исследования: теоретико-методологический анализ литературы по теме исследования; методика «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана, методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» С. Нормана, Д. Ф. Эндлера, Д. А. Джеймса, М. И. Паркера (адаптированный вариант Т. А. Крюковой), личностный опросник Плутчика – Келлермана-Конте (Life Style Index, LSI). Методы обработки данных: количественные (методы математической статистики (U-критерий Манна-Уитни) с использованием пакета статистических программ Statistica 6.0); качественные (анализ, обобщение).

Анализ особенностей стратегий совладания с кризисными ситуациями у родителей в опекунских и неопекунских семьях

Наглядно динамика распределения стратегий совладания с кризисными ситуациями у обоих типов семей представлена на рис. 1.

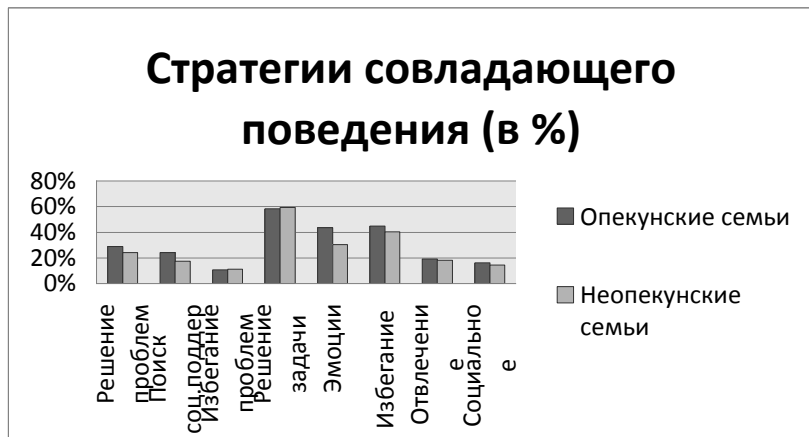

Рисунок 1 - Стратегии совладания с кризисными ситуациями у родителей в опекунских и неопекунских семьях

Исходя из результатов, можно говорить о том, что у родителей в обоих типах семей представлен весь «репертуар» стратегий совладающего поведения.

Рассматривая общую напряженность стратегий совладания с кризисными ситуациями, можно сделать вывод о том, что напряженность у родителей в опекунских семьях выше. А также были обнаружены достоверно значимые различия между родителями опекунских и неопекунских семей. Родители в опекунских семьях, попадая в кризисную ситуацию, чаще, чем в неопекунских, используют следующие стратегии:

- копинг, направленный на эмоции ($U=103,5$; $p=0,00007$). Этот копинг может проявиться во внутренней или внешней агрессии (направленной на других);
- социальное отвлечение ($U=187,0$; $p=0,04$). Данная стратегия характеризуется как стремление поделиться своими переживаниями с близкими людьми;
- разрешение проблем ($U=140,0$; $p=0,002$). Этот копинг представляет собой процесс использования личностных ресурсов для поиска возможных способов решения проблем;
- поиск социальной поддержки ($U=150,5$; $p=0,004$). Копинг, направленный на решение проблем, который основывается на помощи друзей, семьи, значимых других людей.

Изучив, какие стратегии совладания используются родителями в опекунских и неопекунских семьях мы можем сделать вывод о том что оба типа семей используют как продуктивные, так и непродуктивные стратегии совладания.

Анализ особенностей психологических защит у родителей в опекунских и неопекунских семьях

Наглядно динамика распределения психологических защит, используемых родителями в опекунских и неопекунских семьях, представлена на рис. 2.

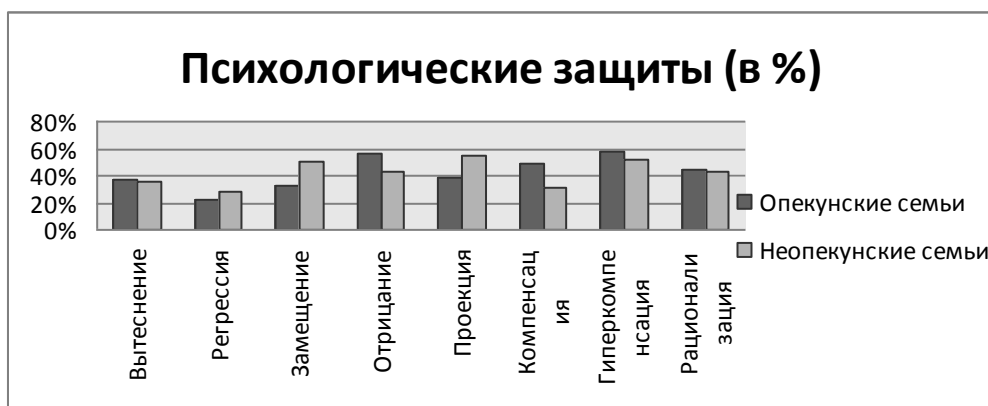

Рисунок 2 - Психологические защиты у родителей в опекунских и неопекунских семьях

Проанализировав результаты, мы можем говорить о том, что у родителей в обоих типах семей представлен весь «репертуар» психологических защит.

В психологических защитах, используемых в обоих типах семей, были обнаружены достоверно значимые различия. Родители в опекунских семьях чаще родителей неопекунских семей используют следующие психологические защиты:

- компенсация ($U=189,0$; $p=0,04$). Такой механизм защиты проявляется у родителей опекунов в попытках найти подходящую замену реального или воображаемого недостатка, чаще всего с помощью фантазирования;
- отрицание ($U=186,0$; $p=0,04$). Действие этого механизма проявляется в отрицании тех аспектов внешней реальности, которые, будучи очевидными для окружающих, не принимаются, не признаются самой личностью.

Родители в неопекунских семьях по сравнению с родителями-опекунами чаще используют следующие психологические защиты:

- замещение ($U=159,0$; $p=0,007$). Такой механизм защиты проявляется в разрядке подавленных эмоций;
- проекция ($U=180,0$; $p=0,03$). Защита, при которой неприемлемые для личности чувства и мысли приписываются другим людям.

В результате эмпирического исследования было выявлено, что стратегии совладания с кризисными ситуациями у родителей в опекунских и неопекунских семьях различны. Попадая в сложную жизненную ситуацию, родители-опекуны чаще используют стратегии социальной поддержки и отвлечения при помощи значимых людей, в то время как родители в неопекунских семьях используют свои силы при решении жизненных проблем.

Психологические защиты, используемые родителями в обоих типах семей, также имеют различия. Родители-опекуны в кризисных ситуациях используют механизмы защиты, действия которых проявляется в отрицании аспектов внешней реальности, либо в попытках заменить реальную ситуацию воображаемой. А родители в неопекунских семьях склонны проецировать на окружающих людей неприемлемые мысли, чувства.

Список литературы

1. Захарова, Ж. А. Замещающая семья: научно-методическое пособие / Ж. А. Захарова, И. И. Осипова. – М., 2005. – С. 7 – 29.
2. Крюкова, Т. Л. Психология совладающего поведения: монография / Т. Л. Крюкова. – Кострома: Студия оперативной полиграфии «Авантитул», 2004. – 344 с.

Буча Т. В. – студентка 4 курса факультета психологии ГрГУ им. Я. Купалы

Научный руководитель – доцент кафедры общей и социальной психологии ГрГУ им. Я. Купалы, кандидат психологических наук, доцент Е. В. Костюченко

УДК 37.017.

ГИЛЬ К. В.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВОЛОНТЕРА

В статье приведен анализ взглядов отечественных и зарубежных исследователей на развитие добровольческой помощи и её влияние на формирование направленности личности. Автором предпринята попытка раскрыть основные причины изучения системы ценностей и уровень субъективного самоконтроля как поведенческого компонента самосознания волонтера для изучения его мотивации включения в добровольческую деятельность и разработки психологических оснований системы подготовки профессионального волонтера.

Добровольная помощь, оказываемая человеком или группой людей обществу в целом или отдельным людям, основана на идеях бескорыстного служения гуманным идеалам человечества и не преследует целей извлечения прибыли, получения оплаты или карьерного роста. Работа волонтеров

важна для каждого общества, потому что они работают без всякой выгоды для себя. Волонтерство - деятельность физических лиц, осуществляемая в форме общественно полезного, добровольного, безвозмездного труда в интересах благополучателей, за исключением лиц, связанных с добровольцем семейными, дружескими или добрососедскими отношениями [9]. Г. Бодренкова обращает внимание на то, что развитый институт волонтерства/добровольчества является характерным признаком устойчивой и обогащенной опытом социальной системы [2, с. 57]. На Западе добровольчество признают уникальной возможностью получения жизненного опыта и знаний: от 33% до 60% населения участвуют в добровольческих акциях, проектах, ассоциациях. В Республике Беларусь и других постсоветских государствах волонтерское движение получило широкое распространение в последние годы. Организация и пропаганда волонтерского движения определены в числе основных задач Инструкцией об оказании паллиативной помощи детям, утвержденной Министерством здравоохранения Республики Беларусь от 29 октября 2008г. №1010 [3]. Волонтерскими проектами занимаются республиканские общественные объединения «Белорусское общество Красного Креста», «Надежда-Экспресс», «Лига добровольного труда молодежи», Белорусский республиканский союз молодежи, организации в вузах, сузах. Соответственно, возрастает необходимость привлечения на добровольческую работу большого количества волонтеров. По данным проведенных социологических исследований, число привлекаемых волонтеров может достигать 12 тысяч человек [6]. При этом очень большое значение имеет мотивация, стремление волонтеров добровольно работать в той или иной социальной службе.

Волонтерство включает в себя два аспекта: проявление альтруистического поведения и служение людям как ценностная ориентация. Рассматривая ценностные ориентации личности, включенной в какую-либо социально значимую деятельность, необходимо учитывать все особенности и специфику данной деятельности. Для осуществления самоконтроля за степенью своей социальной полноценности человеку необходимо сопоставить себя с определенным, принятым в обществе идеалом, необходим взгляд на себя со стороны, с позиций другого человека. Ценности выступают критериями оценки как всей жизни личности, так и отдельных ее поступков и действий. Ценности являются критериями оценки и окружающей действительности: через систему ценностей как бы фильтруется вся воспринимаемая и перерабатываемая личностью информация. «Призма ценностей» усиливает одну информацию и, наоборот, ослабляет или игнорирует другую. Все явления и события, происходящие в мире, представляются ей в различном свете, согласно той позиции, с которой она смотрит на них. Поэтому ценности определяют как «локаторы нравственного сознания личности», главной функцией которых является создание упорядоченной, стабильной, имеющей для человека значение картины мира [1, с.118]. По мнению А.Г. Здравомыслова и В.А. Ядова, наличие устоявшихся ценностных ориентаций характеризует зрелость человека и обеспечивает его устойчивость и стабильность. Так, например, устойчивая структура ценностных ориентаций определяет такие качества личности, как активность жизненной позиции, упорство в достижении целей, верность определенным принципам и идеалам, цельность, надежность. Противоречивость в ценностных ориентациях, напротив, влечет за собой непоследовательность, непредсказуемость поведения человека. Незрелость ценностных ориентаций личности определяет ее инфантилизм, господство внешних стимулов в поведении личности, а следовательно, конформизм, безликость человека [4].

Часто добровольцы, обладая подходящими для социальной работы культурными нормами и ценностями, не имеют необходимого стимула, внутренней мотивации для полноценной добровольческой деятельности. Ценностные ориентации и ценности личности состоят в неразрывной связи с мотивацией и направленностью личности. Д.А. Леонтьев приводит слова К.Клакхона, который характеризует ценности как «аспект мотивации, соотносящийся с личными или культурными стандартами, не связанными исключительно с актуальным напряжением или ситуацией».

Проблема мотивации волонтерства в разное время освещалась отечественными психологами, социологами и экономистами. Эта проблема рассматривалась в работах российских психологов И.Ф. Албеговой, Д.А. Леонтьева. Проблема мотивации затрагивается в работах зарубежных психологов А. Маслоу, А. Ребера. В настоящее время волонтерство исследуется с позиции профессионального становления молодежи. Обоснованию необходимости формирования профессиональной направленности как условия профессионального становления будущего специалиста, посвящены работы А.П. Беляевой, Р.Х. Гильмеевой, Г.В. Мухаметзяновой, А.М. Новикова, И.П. Раченко, В.Б. Успенского, Л.В. Яковлевой. Исследования проблем формирования профессиональной направленности как componente профессионального становления личности представлены в работах Т.С. Дергача, М.Е. Дуранова, Т.В. Зобниной, Б.И. Жерновой, А.Ф. Кашина, В.Ш. Масленниковой, Т.Б. Михайлова, Р.А. Фахрутдиновой и др. Тема субкультуры волонтеров рассматривается преимущественно в публицистической литературе в области психологии, социологии, культурологии и социальной работы. В разное время ее рассматривали такие авторы как Н.А. Потапова, Д. Майерс, М. Олчман, П. Джордан.

Большинство специалистов выделяет два вида мотивации волонтерства: внутреннюю и внешнюю. Отечественный психолог Н.А. Низовских в одной из своих статей, посвященных ценностно-мотивационным ориентациям личности, отмечает, что внутренняя мотивация связана с субъективным ощущением ценности деятельности. Внутренняя мотивация требует затрат как временных, так и душевных ресурсов, но она является эффективнее внешней [8, с. 28].

Е.И. Холостова в «Словаре-справочнике по социальной работе» пишет: «Мотивы для вступления в ряды добровольцев могут быть самыми разными: убеждения нравственного и религиозного характера; потребность в общении, активности, реализации своих способностей, общественном признании; желание приобрести новую работу или профессию, добиться улучшения деятельности социального учреждения» [12, с. 182]. Американские психологи М. Олчман и П. Джордан в своей работе, касающейся добровольцев, говорят о том, что очень часто в качестве мотива для волонтерской работы выступает потребность в контактах с другими людьми и преодоление чувства одиночества. "Волонтерство отвечает естественной потребности быть членом группы, - пишут они, - ценностям и целям которой волонтер может полностью соответствовать... По результатам опроса, проведенного специалистами в области психологии, были выявлены следующие факторы мотивации добровольцев: "хочу помогать нуждающимся людям - 61%; надеюсь научиться чему-то новому - 46%; хочу иметь какое-то занятие - 41%; для собственного удовольствия - 31%; хочу познакомиться с новыми людьми - 29%; хочу ответить людям за добро добром - 11%; хочу бороться с определенной проблемой - 7%; у меня есть свободное время - 4%" [10, с. 278]. Авторы также отмечают, что часто люди не могут реализовать все свои потребности, работая только по профессии. В этом случае волонтерский труд может внести разнообразие, позволяя отвлечься от каждодневной рутины. Волонтерская работа помогает в удовлетворении таких потребностей, как контакты с новыми людьми, самоудовлетворение, продвижение каких-то ценностей [10]. Н.А. Потапова в своей работе о мотивации добровольчества обращает внимание на то, что специалисты организаций, в которых работают волонтеры, обязательно должны знать ценностные ориентации, интересы, качества, а также мотивы добровольцев. Мотивация волонтеров будет выше только в том случае, если их деятельность будет подкреплена какими-либо стимулами извне [11].

Подготовка молодого человека к добровольческой деятельности требует знания психологических особенностей волонтера как субъекта активности. Внутренние мотивы человека, побуждающие его к действию, всегда соотносятся с его системой ценностей. И в то же время содержание поведения человека будет контролироваться ценностными ориентациями личности. Модель развития социальной активности молодежи представляет собой логически завершенную последовательность этапов личностного роста волонтеров, целостность которого обеспечена единством структурных (цель, принципы, содержание, технологии) и функциональных (аксиологическая, адаптирующая, передача культурного наследия, компенсаторная, регулятивная) компонентов. Данная модель реализуется с учетом принципов добровольности, самоактуализации, индивидуальности, субъектности, творчества и поддержки [5].

В настоящее время специализированных методик для изучения личности волонтера нет, как, впрочем, нет и сложившейся традиции использования классических психодиагностических методик для изучения этой группы респондентов. Для разработки психологических оснований системы подготовки профессионального волонтера необходимо изучить его мотивацию включения в добровольческую деятельность, систему ценностей и уровень субъективного самоконтроля как поведенческого компонента самосознания. Опираясь на научную актуальность проблематики мотивации волонтерства и практическую востребованность знаний о механизмах психической регуляции этого вида социальной активности личности, мы планируем проведение кросс-культурного исследования по данным показателям волонтеров Республики Беларусь и стран, с уже сложившейся традицией добровольческой помощи.

Список литературы

1. Асмолов, А. Г. Психология личности / А. Г. Асмолов. - М.: Изд-во Московского Университета, 1990.
2. Бодренкова, Г. Добровольчество / Г. Бодренкова // Социальная работа. – 2006. - № 1. - С.52 - 57.
3. Гекало, Е. В. Правовое регулирование волонтерской деятельности в Республике Беларусь как формы реализации права на объединение/ Е. В. Гекало // Проблемы управления. – 2010. - № 4 (37). – С. 118 - 122.
4. Здравомыслов, А. Г. Отношение к труду и ценностные ориентации личности / А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов // Социология в СССР: Сб. Науч. Тр. в 2-х тт. - М.: Мысль, 1965.
5. Конвисарева, Л. П. Волонтерское движение как фактор развития социальной активности молодежи: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02/ Л. П. Конвисарева. – Кострома, 2006.
6. Кузьменкова, Т. А. Третий сектор в Беларуси: проблемы становления и развития = The Third Sector in Belarus: problems of Formation and Development / Т. А. Кузьменкова; пер. на англ. С. И. Русановой. – Мозырь: Белый Ветер, 2004..

7. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. - 2-е, испр. изд. - М.: Смысл, 2003.
8. Низовских, Н. А. Психосемантическое исследование ценностно-мотивационных ориентаций личности / Н. А. Низовских // Психологический журнал. – 2005. - № 3. - С. 25 – 32.
9. Никитова, А. В. Правовые основы добровольческой (волонтерской) деятельности / А. В. Никитова // Право и государство. – 2009. - № 1 (49). – С. 36 - 39.
10. Олчман, М. Добровольцы - ценный источник / М. Олчман, П. Джордан. - Университет Дж. Хопкинса. - 1997.
11. Потапова, Н. А. Волонтерство как феномен самореализации личности в современных российских условиях / Н. А. Потапова // Интегративный подход в психологии (новые исследования): сб. науч. трудов. - СПб.: Издательство РГПУ им. Герцена, 2004.
12. Холостова, Е. И. Волонтеры / Е. И. Холостова // Словарь-справочник по социальной работе / Под ред. проф. Е. И. Холостовой. - М.: Юристь, 1997.

Гиль К. В. – студентка 4 курса факультета психологии ГрГУ им. Я. Купалы

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры экспериментальной и прикладной психологии ГрГУ им. Я. Купалы С. А. Иванов

УДК 37.013.

ГИРИС А. М.

АГРЕССИВНОСТЬ И ТРЕВОЖНОСТЬ В СТРУКТУРЕ ТИПОВ МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОДРОСТКОВ

В статье приводятся данные об исследовании агрессивности в структуре индивидуально-психологических свойств личности подростка (14 – 16 лет) с использованием опросника Басса-Дарки и шкалы ситуативной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина, опросника диагностики межличностных отношений Т. Лири.

Подростковый возраст – это переходный период развития от детства к взрослости, который характеризуется интенсивными биологическими, психологическими и социально-ролевыми изменениями. У подростка отмечается дисгармоничность в строении личности, смена прежних интересов, протестующий характер поведения по отношению к взрослым, возрастание самостоятельности. Отношения со сверстниками и взрослыми становятся многообразными и содержательными, возникает направленность на новые формы отношений. Если взрослые не считают с тем, что подросток уже не маленький ребёнок, то с его стороны появляются обиды и различные формы протеста – грубость, упрямство, замкнутость, негативизм [10].

Агрессия – индивидуальное или коллективное поведение или действие, направленное на нанесение физического или психологического вреда либо на уничтожение другого человека или группы [6, с. 12]. В качестве объектов, на которые направляется агрессия, могут выступать и неодушевленные предметы. Агрессия является формой отреагирования физического, психологического дискомфорта, а так же стрессов и фрустраций [2].

Агрессивность – устойчивая черта личности, готовность к агрессивному поведению. Её уровни определяются как научением в ходе социализации, так и ориентацией на культурно-социальные нормы [6].

Выделяют виды выражения агрессии: физическая агрессия (использование физической силы против другого лица); вербальная агрессия (крик, угрозы, проклятия, ругань); косвенная агрессия (направлена на другое лицо не прямыми путями); агрессия, которая ни на кого не направлена (взрыв ярости, проявляющийся в крике, топанье ногами, битье кулаками по столу и т.д.) [11]. По конечной цели определяется агрессия враждебная (её цель - причинить вред) и инструментальная (является средством достижения позитивной цели, причинение вреда не является целью) [2]. По направленности агрессия бывает внешняя, которая характеризуется открытым проявлением агрессии в адрес конкретных лиц или безличных обстоятельств, предметов, и внутренняя, которая представляет собой выражение обвинений, требований, адресованных самому себе [2; 11].

Среди детерминант агрессии наиболее значимыми являются: локус контроля, раздражительность, завышенный уровень притязаний, завышенная самооценка, эгоцентризм, деструктивные взаимодействия со сверстниками, средства массовой информации, отношения в семье [1].

Тревога – переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием неблагоприятия, предчувствием грозящей опасности [4]. Выделяют “объективную” тревогу, проявляющуюся в ситуации угрозы и “неадекватную” тревогу, проявляющуюся при нейтральных, неугрожающих условиях. Ситуативная тревога характеризует состояние субъекта в определённый момент, а тревожность является относительно устойчивым образованием [4].

Тревожность – индивидуальная психологическая особенность, связанная с ожиданием неблагоприятия, с предчувствием грозящей опасности [4]. Среди причин формирования тревожности значимыми являются как природные, генетические факторы (свойства нервной и эндокринной систем), так и, в большей степени, социальные факторы, а также некоторые личностные особенности. Определённый уровень ситуативной тревожности свойственен всем людям и является необходимой предпосылкой для приспособления человека к действительности. Наличие высокого уровня тревожности как устойчивого образования указывает на возможные нарушения личностного развития [9]. Для каждого возрастного этапа существуют определённые сферы жизни, вызывающие повышенную тревогу вне зависимости от наличия реальной угрозы или тревожности (как устойчивого личностного образования) [3].

По данным ряда исследований, связи между тревожностью и агрессивностью носят достаточно сложный характер. Обнаруживается отрицательная связь с прямым выражением агрессии и положительная – с косвенной, скрытой агрессивностью, а также с выраженностью агрессии, направленной на себя. Агрессивность выступает часто как способ ослабления тревожности или как ее «маска», т. е. форма поведения, с помощью которой скрывается тревожность [4]. Сочетание характеристик, связанных одновременно с повышенной тревожностью при повышенной агрессивности, создает сильное внутреннее противоречие, значительно затрудняющее социальную адаптацию человека. Такое противоречивое сочетание может служить основой для выраженного внутреннего конфликта и является предпосылкой дисгармоничного развития личности в будущем [7].

Согласно концепции Гарри Салливанна, формирование личности происходит под влиянием оценок и мнения значимых для индивида окружающих. В теории межличностных отношений Салливанна личность рассматривается как центр в серии межличностных взаимодействий. В ситуации взаимодействия она оказывается не устойчивой структурой, а точкой, через которую протекают различные процессы. Человек действует на основе персонификаций – целостных образов себя и других людей, сложившихся в процессе межличностного общения. Если взаимодействие с человеком вызвало тревогу, то персонификация окрашена негативно, а если в нём удовлетворялись какие-то потребности, формируется положительная персонификация. Тимоти Лири полагал, что в процессе взаимодействия с окружением личность (свойства личности, существенные при взаимодействии с другими людьми) проявляется в стиле межличностного поведения. Реализуя потребность в общении и в осуществлении своих желаний, человек соотносит своё поведение с оценками значимых других на уровне осознанного самоконтроля, а также с неосознанной символикой идентификации [5; 8].

Нами была обследована группа подростков $N = 167$ (мальчиков и девочек) в возрасте от 14 до 16 лет. Для определения уровня агрессивности был использован опросник Басса-Дарки, для определения уровня тревожности – шкала личностной и ситуативной тревожности Спилбергера-Ханина, для определения стилей межличностных отношений – методика диагностики межличностных отношений Т. Лири. Полученные данные были подвергнуты корреляционному анализу (по критерию τ -Кендалла и анализу по критерию Н-Краскала-Уоллеса).

По критерию Н-Краскала-Уоллеса установлены влияния и взаимовлияния между тревожностью (ситуативной и личностной) и раздражением, враждебностью, обидой, подозрительностью, чувством вины, а также взаимовлияние личностной тревожности и физической агрессии. При этом просматривается наибольшее взаимовлияние тревожности и враждебности, которая формируется из обиды и подозрительности.

Выявлено, что ситуативная тревожность подростков находится во взаимовлиянии с “независимо-доминирующим” стилем, а также ситуативная тревожность влияет на 3 стиля межличностных отношений: “покорно-застенчивый”, “зависимо-послушный”, “ответственно-великодушный” (стили вектора G-доброжелательность). Личностная тревожность находится в отношении взаимовлияния с вектором V-доминирования, где ведущую роль играет “недоверчиво-скептический” стиль межличностных отношений, а также личностная тревожность находится во взаимовлиянии с “покорно-застенчивым” стилем.

Вектор доминирования (V) у подростков положительно взаимосвязан с агрессивностью, вербальной агрессией, физической агрессией и отрицательно взаимосвязан с чувством вины, ситуативной

тревожностью. Вектор доброжелательности (G) у подростков отрицательно взаимосвязан с агрессивностью, вербальной агрессией, подозрительностью.

“Властный-лидирующий” стиль межличностных отношений характеризуется уверенностью в себе, организаторскими умениями, умениями руководителя, при высоких показателях нетерпимости к критике, потребности управлять другими [8]. Установлена положительная взаимосвязь между “властным-лидирующим” стилем и вербальной агрессией, негативизмом - оппозиционная манера в поведении [4]. Негативизм и враждебность влияют на “властный-лидирующий” стиль, который, в свою очередь, оказывает воздействие на агрессивность, на вербальную агрессию, на негативизм, на враждебность, а также на обиду, на чувство вины, которое указывает на возможное негативное отношение к себе, ощущение угрызений совести, на ситуативную тревожность. Подросток с выраженным проявлением лидерских качеств, умений руководителя, вероятнее будет проявлять агрессивность, вербальную агрессию, негативизм, враждебность, но вместе с этим будет обидчив, будет испытывать чувство вины, может быть тревожным.

“Независимый-доминирующий” стиль межличностных отношений характеризуется уверенностью, независимостью, соперничеством. При высоких показателях - выраженное чувство собственного превосходства, с тенденцией иметь особое мнение, занятие обособленной позиции [8]. Установлена положительная взаимосвязь между “независимым-доминирующим” стилем и негативизмом. Агрессивность, вербальная агрессия, негативизм, подозрительность подростка влияют на проявление “независимого-доминирующего” стиля, который влияет на перечисленные индивидуально-психологические особенности личности, а так же влияет на враждебность и на личностную тревожность. Высокий уровень агрессивности, вербальной агрессии, негативизма, подозрительности подростка влияет на демонстрацию в поведении независимости, чувства собственного превосходства, тенденцию иметь особое мнение, занятие обособленной позиции, но при этом возникает тревожность. Сочетание характеристик, связанных одновременно с повышенной тревожностью при повышенной агрессивности, создает сильное внутреннее противоречие, затрудняющее социальную адаптацию человека, является предпосылкой дисгармоничного развития личности в будущем [7]. Преобладающий “независимый-доминирующий” стиль может затруднять социальную адаптацию подростка.

“Прямолинейный-агрессивный” стиль межличностных отношений характеризуется непосредственностью, прямолинейностью, настойчивостью, при высоких показателях - чрезмерным упорством, несдержанностью, вспыльчивостью [8]. Обнаружена положительная взаимосвязь между “прямолинейным-агрессивным” стилем межличностных отношений подростка и агрессивностью, раздражением, вербальной агрессией, враждебностью, обидой. Агрессивность, вербальная агрессия, раздражение, негативизм, враждебность, подозрительность подростка оказывают влияние на проявление стиля межличностных отношений “прямолинейный-агрессивный”, при этом данный стиль влияет на перечисленные выше индивидуально-психологические особенности, а также на переживания обиды, но отсутствует влияние на тревожность подростка. При доминировании данного стиля агрессивность, враждебность является ведущим способом взаимодействия подростка с окружающими и достижения своих целей.

“Недоверчивый-скептический” стиль межличностных отношений характеризуется неконформностью, скептицизмом, при высоких показателях - обидчивостью, недоверчивостью, подозрительностью к окружающим, склонностью к критике [8]. Установлена положительная взаимосвязь между “недоверчивым-скептическим” стилем межличностных отношений подростков и агрессивностью, вербальной агрессией, раздражением, негативизмом, враждебностью, обидой, подозрительностью, чувством вины, тревожностью. Агрессивность, вербальная агрессия, раздражение, негативизм, враждебность, обида, подозрительность, тревожность (ситуативная и личностная) оказывают влияние на стиль межличностных отношений “недоверчивый-скептический”, который влияет на перечисленные индивидуально-психологические особенности, а также на переживание чувства вины (оно указывает на возможное негативное отношение к себе, ощущение угрызений совести) подростком. При выраженном стиле межличностных отношений “недоверчивый-скептический” подросток тревожен и агрессивен, а способом преодоления тревожности становится повышенная агрессивность, враждебность, но при этом подросток испытывает чувство вины, которое указывает на имеющиеся внутренние противоречия. Сочетание характеристик, связанных одновременно с повышенной тревожностью при повышенной агрессивности, создает сильное внутреннее противоречие, затрудняющее социальную адаптацию человека, является предпосылкой дисгармоничного развития личности в будущем [7]. Доминирующий “недоверчивый-скептический” стиль может затруднять социальную адаптацию подростка.

“Покорно-застенчивый” стиль межличностных отношений характеризуется скромностью, застенчивостью, при высоких показателях - полной покорностью, повышенным чувством вины, самоуничижением [8]. Выявлена положительная взаимосвязь между “покорно-застенчивым” стилем и обидой, чувством вины, тревожностью подростков. Физическая агрессия, негативизм, обида, чувство

вины, тревожность влияют на стиль межличностных отношений “покорно-застенчивый”, который сопровождается физической агрессией, переживанием обиды, чувством вины (которое указывает на возможное негативное отношение к себе, ощущение угрызений совести), тревожностью подростка. Если подросток проявляет физическую агрессию, тревожный, испытывает обиду, чувство вины, то способом снижения физической агрессии, тревожности, обиды, чувства вины становится застенчивость, самоуничижение в отношениях с окружающими, при этом расположение окружающих может давать подростку ощущение некоторой безопасности, но сохраняется тревожность, обида, чувство вины.

“Зависимый-послушный” стиль межличностных отношений характеризуется потребностью в помощи, доверии со стороны окружающих, при высоких показателях - сверхконформность, полная зависимость от окружающих [8]. Выявлена положительная взаимосвязь между “зависимым-послушным” стилем и обидой, чувством вины, тревожностью. Чувство вины, тревожность (ситуативная) влияют на стиль межличностных отношений “зависимый-послушный”, который сказывается на тревожности (личностной) подростка. Если подросток тревожен, испытывает чувство вины (последнее указывает на возможное негативное отношение к себе, ощущение угрызений совести), то способом снижения интенсивности тревожности и чувства вины может стать такое приспособление подростка к окружению, при котором он полностью зависит от окружающих, сверхконформен, что, возможно, даёт подростку некоторое ощущение безопасности (при этом может происходить размытие границ его Я), и возникает личностная тревожность.

“Сотрудничающий-конвенциональный” стиль межличностных отношений характеризуется стремлением к тесному сотрудничеству, дружелюбием к окружающим, при высоких показателях - компромиссное поведение, несдержанность в проявлении дружелюбия [8]. Выявлена положительная взаимосвязь между “сотрудничающим-конвенциональным” стилем и обидой, чувством вины (которое указывает на возможное негативное отношение к себе, ощущение угрызений совести). Чувство вины, враждебность влияют на стиль межличностных отношений “сотрудничающий-конвенциональный”, который сказывается на переживании подростком обиды, чувства вины. Если подросток враждебен, испытывает чувство вины, то способом снижения враждебности, чувства вины может стать чрезмерно позитивное, дружелюбное отношение к окружающим людям, в ущерб самому себе (это может давать подростку ощущение расположения, поддержки со стороны окружающих), но переживание обиды и чувства вины сохраняется.

“Ответственно-великодушный” стиль межличностных отношений характеризуется готовностью помогать окружающим, ответственностью, при высоких показателях - подчёркнутый альтуризм, сверхобязательность [8]. Выявлена положительная взаимосвязь между “ответственно-великодушным” стилем и чувством вины. Чувство вины, тревожность (ситуативная) влияют на “ответственно-великодушный” стиль межличностных отношений. Это оказывает влияние на переживание подростком обиды и чувства вины (которое указывает на возможное негативное отношение к себе, ощущение угрызений совести). Если подросток испытывает чувство вины, то способом снижения интенсивности чувства вины может стать забота об окружающих, сверхобязательность, иногда в ущерб себе и своим интересам. Это может давать подростку ощущение собственной значимости, одобрения со стороны окружающих, но при этом поддерживается переживание обиды и чувства вины.

Таким образом, экспериментально-психологическим исследованием установлено: между стилями межличностных отношений подростков, относящихся к неконформным тенденциям, наблюдается больше влияний и взаимовлияний с агрессивностью и враждебностью, чем между стилями межличностных отношений, относящихся к конформным тенденциям.

Список литературы

1. Бандура, А. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений / А. Бандура, Р. Уолтерс; пер. с англ. Ю. Брянцевой и Б. Красовского. – М.: Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО – Пресс, 1999. – 512 с.
2. Бэрон, Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон // пер. с англ. С. Меленевская, Д. Викторова, С. Шпак. – СПб.: Питер, 1997. – 336 с.
3. Малкова, Е. Е. Возрастная динамика проявлений тревожности у школьников // Вопросы психологии. – 2009. – № 4. – С. 24 – 32.
4. Прихожан, А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика / А. М. Прихожан [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: <http://psychlib.ru/mgppu/prj/PRI-001-.htm>.
5. Салливан Г. С. Интерперсональная теория психиатрии / Г. С. Салливан; пер. с англ. - СПб.: “Ювента” [Электронный ресурс]. – 1999. – Режим доступа: http://svitk.ru/004_book_book/7b/1810_salivan-teoriya.php.
6. Словарь психолога – практика / сост. С. Ю. Головин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Мн.: Харвест, 2001. – 976 с.
7. Собчик, Л. Н. Диагностика психологической совместимости / Л. Н. Собчик. – СПб.: “Речь”, 2002. – 80 с.

8. Собчик, Л. Н. Методы психологической диагностики. Вып. 3. Диагностика межличностных отношений. Модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Лири. Метод. руководство / Л. Н. Собчик. – М.: ВНИИТЭМР, 1990. – 47 с.
9. Сушкова, Ф. Уровень тревожности школьников растёт // Воспитание школьника. – 2006. – № 9. – С. 26 – 35.
10. Фельдштейн, Д. И. Проблемы возрастной и педагогической психологии / Д. И. Фельдштейн. – М.: Международная педагогическая академия, 1995. – 368 с.
11. Фурманов, И. А. Межпоколенная эстафета агрессии и насилия в семье: эндогенные и экзогенные факторы / И. А. Фурманов // Веснік БДУ. Серыя 3, Гіст. Філас. Псіхал. Палітал. Сацыял. Экан. Права. – 2009. – № 1. – С. 67 – 72.

Гирис А. М. – студент 5 курса факультета психологии ГрГУ им. Янки Купалы

Научный руководитель – доцент кафедры экспериментальной и прикладной психологии ГрГУ им. Янки Купалы А. В. Прудило

УДК 159.923

ГОЛУБ С. Н.

СВЯЗЬ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ И САМОАКТУАЛИЗАЦИИ

СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Осуществлен теоретический анализ проблемы самопрезентации личности в современной психологии. Изложены результаты эмпирического исследования связи самопрезентации и самоактуализации студентов-психологов. Был выявлен ряд статистически значимых отрицательных и положительных корреляционных связей между тактиками самопрезентации и самоактуализацией студентов-психологов.

Социальная сущность человека, раскрывающаяся и выражающаяся в потребности в общении, принятии, признании, самовыражении, предопределяет значимость формирования благоприятного впечатления, постоянство интереса современных исследователей к проблемам самопрезентации личности.

Под самопрезентацией понимается в различной мере осознаваемый и постоянно осуществляемый в межличностном взаимодействии процесс предъявления – «Я-информации» в вербальном и невербальном поведении субъекта самопрезентации с учетом специфики социальной ситуации [7].

Е. Джонс и Т. Питтман отмечали, что в основе процесса самопрезентации лежит мотив власти, т.е. стремление поддержать и расширить влияние в межличностных отношениях. Согласно Е. Джонсу и Т. Питтману, можно выделить пять основных стратегий самопрезентации. Каждая стратегия направлена на достижение одного из пяти видов власти (власть обаяния, власть эксперта, власть страха, власть наставника и власть сострадания). По их мнению, самопрезентация позволяет человеку использовать различные источники власти, расширяя и поддерживая влияние в межличностных отношениях [5].

Несмотря на универсальность мотивов самопрезентационного поведения, наблюдаются значительные индивидуальные различия в осуществлении и использовании тактик самопрезентации.

Личность постоянно развивается и совершенствуется. Но это развитие не было бы возможным без развития и самосовершенствования каждого индивидуума по отдельности. Абрахам Маслоу называл такие личности самоактуализирующимися [6]. Самоактуализация по Маслоу – это «полное применение талантов, способностей, потенциалов и т. д.», это постоянный процесс, при котором способности индивида применяются полностью, творчески и радостно [2].

Следует отметить, что на сегодняшний день большее количество специалистов из разных областей знания (педагоги, психологи, социальные работники) обращается к проблеме самоактуализации личности. Под самоактуализацией в современной психологии понимается сознательная деятельность человека, направленная на максимально возможное раскрытие и использование своего потенциала на благо общества и самого себя. Осознание и развитие личностью своего собственного потенциала позволяет эффективно воплощать способности в личной и профессиональной жизни, ощущать удовольствие от собственных достижений.

Целью нашего эмпирического исследования является изучение связи тактик самопрезентации с самоактуализацией студентов-психологов. Мы предполагаем, что существует связь между тактиками самопрезентации и самоактуализацией студентов-психологов.

Выдвинутая гипотеза проверялась в специальном эмпирическом исследовании, выборку которого составили студенты факультета психологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы в возрасте от 18 до 20 лет (37 человек). Для исследования психологического содержания структурных компонентов самоактуализации личности, выраженности уровней самоактуализации мы использовали «Самоактуализационный тест (САТ)» (адаптация Ю. Е. Алешинной, Л. Я. Гозман, М. В. Загина и М. В. Кроз, 1995) [1]. В целях изучения тактик самопрезентации студентов-психологов на этапе профессионального обучения использовался «Опросник измерения тактик самопрезентации (С. Ли, Б. Куигли и др.)»[4]. Данный опросник включает в себя двенадцать самопрезентационных тактик, семь из которых относятся к ассертивному типу, а пять – к защитному типу самопрезентации.

Для проверки нашей гипотезы о связи уровня самоактуализации и самопрезентации студентов-психологов использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Количественный анализ результатов осуществлялся с использованием пакета статистических программ STATISTICA 6.1. Результаты корреляционного анализа тактик самопрезентации и самоактуализации студентов-психологов представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Результаты корреляционного анализа тактик самопрезентации и самоактуализации студентов психологов ($p < 0,05$)

Психологические переменные	Результаты корреляционного анализа (r_s)
Отречение - контактность	-0,3504
Препятствование себе - поддержка	-0,4369
Препятствование себе - ценностные ориентации	-0,4724
Препятствование себе - самоуважение	-0,4150
Препятствование себе - самопринятие	-0,3857
Препятствование себе - принятие агрессии	-0,3799
Извинение - гибкость поведения	-0,3322
Извинение - контактность	-0,3472
Желание понравиться - ценностные ориентации	-0,3422
Запугивание - спонтанность	0,3744
Просьба - ценностные ориентации	-0,3753

Как свидетельствует таблица 1, нами был выявлен ряд статистически значимых отрицательных корреляционных связей между тактиками самопрезентации и уровнями самоактуализации студентов-психологов, а именно между контактностью студентов-психологов и такой тактикой самопрезентации, как отречение. Данная тенденция свидетельствует о следующем: чем в большей степени исследуемый респондент характеризуется способностью к быстрому установлению глубоких и тесных эмоционально-насыщенных контактов с людьми, тем в меньшей степени респондент использует такую тактику самопрезентации, как отречение, которая предполагает вербальное объяснение субъектом причин поведения прежде, чем затруднительное или неприятное положение произойдет. Обнаружена отрицательная корреляционная связь между такой тактикой самопрезентации, как препятствование себе, и следующими шкалами самоактуализации: поддержка, ценностные ориентации, самоуважение, самопринятие, принятие агрессии. Таким образом, чем в большей степени респондент разделяет ценности, а также способен ценить свои достоинства и недостатки, положительные свойства характера, тем в меньшей степени респондент ссылается на внешние препятствия (помехи) как причины своих неудач для предотвращения нежелательных выводов у объекта самопрезентации по поводу его (субъекта) недостатков. Так же отрицательна связь была выявлена между шкалами «извинение» и «гибкость поведения», «извинение» и «контактность», что свидетельствует о том, что существует связь

обратного характера между данными шкалами. Чем в большей степени респондент гибок в реализации своих ценностей в поведении, взаимодействии с окружающими людьми и способен быстро и адекватно реагировать на изменяющуюся ситуацию, тем в меньшей степени респондент будет признавать свою ответственность за любые обиды, вред, нанесенные субъектом другим, или за негативные поступки. Обнаружена отрицательная корреляционная связь между тактиками самопрезентации (желание понравится, просьба) и ценностными ориентациями. Данная тенденция свидетельствует о следующем: чем в большей степени респондент руководствуется ценностями, которые присущи самоактуализирующейся личности, тем в меньшей степени респондент будет нуждаться в совершении действий и поступков с целью вызвать у окружающих симпатию и в демонстрации собственной беспомощности, слабости. Необходимо отметить, что тактика «просьба» характеризуется своеобразием своего проявления и некоторой противоречивостью. Большинство зарубежных исследователей наделяют эту тактику ассертивными свойствами, опираясь на целенаправленную проактивность поведения субъекта самопрезентации, использующего эту тактику (для достижения цели субъект совершает необходимые активные действия) [4].

Нами была выявлена положительная статистически значимая корреляционная связь между спонтанностью студентов психологов и такой тактикой самопрезентации, как запугивание. При наличии связи прямого характера мы можем говорить о том, что чем в большей степени респондент спонтанно и непосредственно выражает свои чувства и может быть самим собой, тем в большей степени респондент склонен к высказыванию угроз с целью возбуждения страха у объекта самопрезентации (тактика используется для проектирования тождественности субъекта как сильного и опасного).

Проведенный корреляционный анализ (по Спирмену) на уровне значимости ($p < 0,05$) позволил установить взаимосвязь между показателями тактик самопрезентации и самоактуализацией студентов психологов. Нами выявлены как положительные, так отрицательные статистически значимые корреляционные связи между тактиками самопрезентации и самоактуализацией студентов-психологов.

Нами установлено, что в процессе самопрезентации, независимо от степени осознания своих поведенческих действий, студенты-психологи используют, как правило, практически весь спектр тактик и стратегий.

Полученные результаты требуют дальнейшего изучения по нескольким позициям, а именно: насколько достоверно значимы имеющиеся взаимосвязи по выявленным шкалам; является ли данная взаимосвязь шкал тенденцией или закономерностью применительно к студентам-психологам. Необходимо отметить, что проблема изучения процесса и результата формирования впечатления о самом себе в глазах других людей является одной из самых привлекательных не только для ученых, но и для практиков.

Список литературы

1. Гозман, Л. Я. Самоактуализационный тест / Л. Я. Гозман, М. В. Кроз, М. В. Латинская. – М.: Рос. пед. агенство, 1995. – 43 с.
2. Маслоу, А. Дальние пределы человеческой психики / А. Маслоу. – СПб.: Изд. группа «Евразия», 1997. – 430 с.
3. Михайлова, Е. В. Самопрезентация: Теории, исследования, тренинг / Е. В. Михайлова. – СПб.: Речь, 2007. – 224 с.
4. 18 программ тренингов: Руководство для профессионалов / под ред. В. А. Чикера. – СПб.: Речь, 2008. – 368 с.
5. Jones, E. E. Toward a general theory of strategic self-presentation / T. S. Pittman, E. E. Jones // Psychological perspectives of the self. - Hillsdale, New York: Erlbaum, 1982. – P. 231 – 263.
6. Maslow, A. Self-actualizing and Beyond / A. Maslow. – Challenges of Humanistic Psychology: N. Y., 1967. – 15 s.
7. Schlenker, B. Self-presentation / B. Schlenker // Handbook of Self and Identity. – 2003. – № 5. – P. 488 – 518.

Голуб С. Н. – студент 4 курса факультета психологии ГрГУ им. Я. Купалы

Научный руководитель – декан факультета психологии ГрГУ им. Я. Купалы, кандидат психологических наук, доцент Л. М. Даукша

ХАРАКТЕРИСТИКА СЕКСУАЛЬНЫХ АТТИТЮДОВ СТУДЕНТОВ

В статье дается описание и характеристика понятия сексуальных аттитюдов, а также приводятся классификации их видов. На основании положений теоретического материала было проведено эмпирическое исследование сексуальных аттитюдов студентов 2 - 4 курсов, обучающихся на гуманитарных специальностях. Полученные результаты позволяют составить описание отношения студентов к сексу, просмотру эротических материалов, а также определить гендерные особенности, проявляющиеся в сексуальном поведении.

В течение нескольких последних десятилетий исследователями в области сексуальности были зафиксированы изменения в моральных, мотивационных и поведенческих установках у мужчин и женщин относительно возраста сексуального дебюта, числа сексуальных партнеров, проявления сексуальной инициативы, отношения к эротике, сексуальному насилию и т.д. [2; 3; 7; 10].

Сексуальные аттитюды влияют на сексуальное поведение человека, его моральные принципы в сфере интимных отношений, формируют мнение о браке и семье, определяют стратегию выбора партнера и степень постоянства отношений, тип партнерского взаимодействия. Изучение данного вида аттитюдов необходимо для более полного понимания социальных процессов становления интимных человеческих отношений, а также для установления закономерностей и условий, согласно которым отдельные группы членов общества относятся к вопросам сексуальной жизни.

С учетом того, что сексуальный аттитюд является одним из видов социального аттитюда, и опираясь на положение о трехкомпонентной структуре аттитюда, уточним, что первый также будет включать в себя аффективный, когнитивный и конативный компоненты. Аффективный компонент сексуального аттитюда включает в себя эмоции и чувства в отношении объекта, на который направлена сексуальная деятельность субъекта. Когнитивный компонент состоит из знаний и убеждений индивида в отношении предмета сексуального аттитюда, а также из осознания социальной обстановки. Конативный компонент содержит в себе определенную программу действий, касающихся сексуального объекта. Анализ сведений о предметах аттитюдов конкретного человека, его эмоциональном состоянии, а также наличии определенного поведенческого паттерна в совокупности составляют факторы, через изменение которых можно влиять на сексуальное поведение индивида [5; 6; 8].

Существует несколько видовых классификаций сексуальных аттитюдов. Некоторые зарубежные исследователи, к примеру, J. Davidson, N. Moore, C. Harris, S. Cotten, J. Riggs, S. Hendrick, C. Hendrick, M. Slapion-Foot и др., фокусируются на том, что в целом сексуальные аттитюды можно разделить на «консервативные» и «либеральные» («разрешительные»). Люди, придерживающиеся позиции либеральных аттитюдов, допускают положительную оценку случайного секса, большого количества сексуальных партнеров, секса «на одну ночь». В свою очередь люди, имеющие консервативные аттитюды, придают особое значение сексу с известными сексуальными партнерами, только в рамках брака или любовных отношений. Другая группа исследователей в большей степени освещает позитивную и негативную оценки добрачных половых связей и различных сексуальных стимулов. Представители этой группы, например L. Bay-Cheng, M. Martinussen, A. Zucker, также изучают отношение к верности, степень равенства в деятельности сексуального характера и поиске «сексуальной» новизны, а также уверенности индивидов в собственной сексуальности и сексуальный двойной стандарт. Еще одна группа исследователей, к которой принадлежат в частности E. Laumann, J. Gagnonn, R. Michael, S. Michaels, разделила общество на три основные категории в зависимости от понимания того, какую роль играет секс в жизни человека [1; 3; 4; 9; 11].

Известный американский сексолог Г. Ф. Келли детально рассматривает категории людей, выделенные в последней концепции [1]. Первая категория получила название «традиционной», или «прекреационной» (ориентированной на воспроизведение потомства). К этой категории относятся люди, которые полагают, что первичная цель сексуальной активности – размножение. Люди, принадлежащие к этой категории, единодушно не одобряют секс вне брака, равно как и сексуальные действия между людьми одного пола, хотя их мнения в отношении вопросов порнографии и абортотв заметно расходятся. Люди, рассматривающие сексуальную активность как естественный элемент близких отношений и любви, относятся ко второй категории – «реляционной» (ориентированной на отношения). Большинство людей, принадлежащих к этой категории, положительно воспринимают секс в контексте любых доверительных отношений, основывающихся на любви (отношения между супругами или между людьми, не состоящими в браке), и при этом крайне отрицательно воспринимают внебрачные связи, супружеские измены и обман сексуального партнера. Те индивиды, которые полагают, что основная цель секса – удовольствие, относятся к третьей категории – «рекреационной» (ориентированной на

развлечения). Люди, принадлежащие к этой категории, считают, что любые сексуальные отношения между согласными на них взрослыми людьми следует безоговорочно приветствовать, однако их взгляды на такие вопросы, как аборт и секс между людьми одного пола, не всегда совпадают.

Таким образом, сексуальный аттитюд – психический феномен оценки сексуального объекта в форме положительного или отрицательного отношения к нему, представленный в сознании человека в форме чувств, суждений, паттернов поведения и определенным образом влияющий на эмоции, мышление и поведение индивида.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 64 студента, обучающихся на 2-4 курсах.

Для проведения исследования использован опросник установок к сексу Айзенка (EIAS), позволяющий выявить установки в отношении различных форм сексуальной активности и материалам, содержащим эротические и порнографические образы. Респондентам также предлагалось ответить на вопрос: «Есть ли у Вас постоянный сексуальный партнер?», чтобы выяснить, влияет ли наличие сексуальных отношений на сексуальные аттитюды.

Результаты и их обсуждение

Результаты исследования преобладающих у студентов сексуальных аттитюдов представлены на рисунке 1.

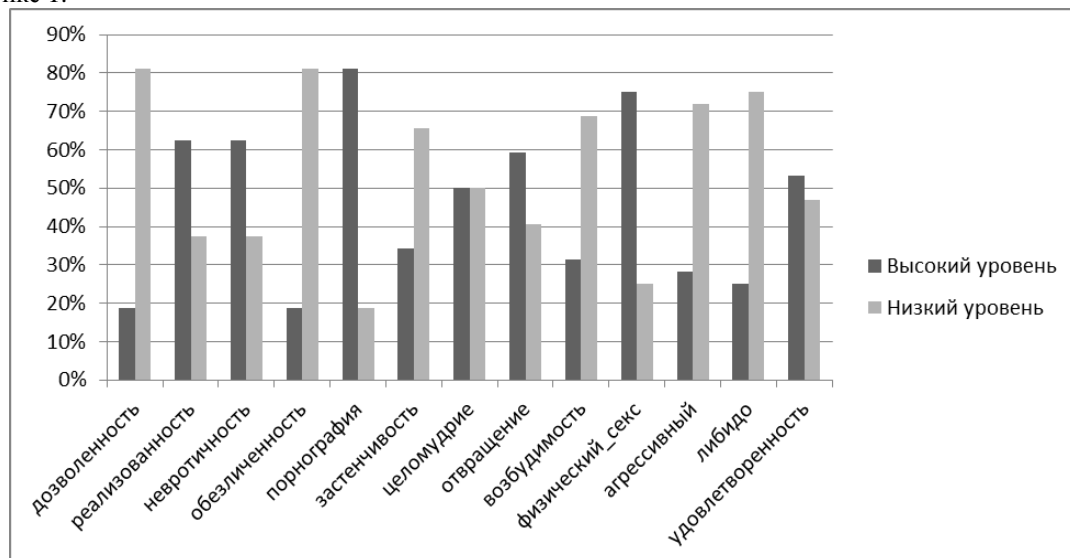

Рисунок 1 - Соотношение уровней сексуальных аттитюдов студентов

Согласно полученным данным, высокий уровень выраженности имеют показатели по таким шкалам как: реализованность, невротичность, порнография, отвращение к сексу, физический секс и удовлетворенность. Указанный уровень по данным шкалам наблюдается у более, чем 50 % испытуемых.

Высокий показатель по шкале реализованности говорит об общей удовлетворенности человека своей сексуальной жизнью в настоящее время, в то время как низкий балл по этой шкале - это признак серьезного разочарования этой областью отношений между полами.

Люди, получившие высокие оценки по шкале невротичности, как правило, имеют проблемы со своей сексуальной жизнью; им сложно контролировать или подавлять свои импульсы, они легко приходят в смятение или огорчаются из-за своих собственных мыслей или поступков. Эти люди постоянно озабочены какими-то проблемами, связанными с сексом, и тем самым делают себе только хуже.

Высокий показатель по шкале порнографии означает, что испытуемый одобряет (либо относится терпимо) и получает удовольствие от созерцания рисунков или фотографий, изображающих сексуальные сюжеты, или словесного описания сексуальных сцен, обычно в максимально откровенной форме.

Высокий показатель по шкале «физический секс» означает, что для испытуемого секс ставится выше всего и самому половому акту уделяется особое внимание за счет других сторон любовных отношений. Кроме того, получение физического удовлетворения ими ценится это гораздо выше, чем духовность в половых отношениях.

Люди, набравшие высокие баллы по шкале отвращения к сексу, с отвращением реагируют на некоторые виды секса, даже со своим постоянным партнером, а порой буквально заставляют себя вступать в половой контакт. Таким людям отвратительны даже те виды сексуального поведения, которые большинству людей представляются вполне нормальными.

Высокие баллы по шкале удовлетворенности имеют люди, чья сексуальная жизнь полностью соответствует их представлениям и желаниям.

По шкале целомудрия было получено соотношение 50/50 – половина опрошенных имеет высокие, половина – низкие баллы. Люди с высокими баллами, как правило, воздерживаются даже от самых незначительных проявлений сексуальной страсти, не любят думать на эту тему, да и вообще заниматься сексом. Кроме того, низкий балл указывает на более «нормальное» и обычное отношение к этой проблеме, а высокие баллы свидетельствуют о не совсем типичном поведении.

Низкий уровень обнаружены по таким шкалам как: дозволенность, обезличенность, застенчивость, возбудимость, агрессивность, либидо. Указанный уровень по данным шкалам наблюдается у более, чем 50% испытуемых.

Люди, получившие низкие баллы по шкале дозволенности, относятся к половым связям очень серьезно, они уважают брачные узы и не поддерживают «аморальность» ни в каком виде. Такое отношение характеризуется как консервативное.

Низкие баллы по шкале «обезличенный секс», характеризуют отсутствие тенденции рассматривать сексуального партнера только в качестве объекта для получения чувственного удовольствия, при которой не принимается во внимание его личность, индивидуальные особенности характера и темперамента и отсутствуют попытки войти с партнером в сколько-нибудь значимую личностную связь.

Люди с низким баллом по шкале застенчивости чувствуют себя менее нервно в отношениях с противоположным полом, их совсем или почти не смущают разговоры о сексе, и, как правило, они не боятся участвовать в сексуальных отношениях.

Низкие баллы по шкале «сексуальная возбудимость», или высокая сексуальная чувствительность, означают, что испытуемому необходим целый ряд определенных условий, чтобы прийти в состояние сексуального возбуждения.

Люди с низким баллом по шкале агрессивности, как правило, не склонны к враждебности и агрессивным импульсам по отношению к своим сексуальным партнерам.

Таким образом, большей части испытуемых присущи консервативные сексуальные аттитюды, т.е. низкий уровень одобрения внебрачных сексуальных отношений и открытой демонстрации эротики. Кроме того, испытуемые по большей части:

- удовлетворены своими сексуальными отношениями в данный момент времени;
- считают, что получение физического удовлетворения от сексуального контакта важнее духовности;
- оценивают порнографические материалы не отрицательно;
- имеют проблемы в сфере сексуальных отношений;
- считают отвратительными некоторые виды секса;
- не склонны к враждебности и агрессивности по отношению к своим сексуальным партнерам;
- не чувствуют себя нервно в отношениях с противоположным полом, не смущаются при разговорах о сексе, и не боятся участвовать в сексуальных отношениях;
- приходят в сексуальное возбуждение при соблюдении целого ряда определенных условий;
- рассматривают сексуального партнера не только в качестве объекта для получения чувственного удовольствия.

По итогам эмпирического исследования, нами было обнаружено, что большей части опрошенных присущи консервативные сексуальные аттитюды, т.е. низкий уровень одобрения внебрачных сексуальных отношений и открытой демонстрации эротики.

Среди опрошенных высокий уровень дозволенности, соответствующий позиции либеральных аттитюдов, имеют 12 человек (18,75 % опрошенных), среди которых в 2 раза больше мужчин (8 человек), чем женщин (4 человека). Низкий уровень, соответствующий позиции консервативных аттитюдов, имеют 52 человека (81,15 % опрошенных), из которых 24 мужчины и 28 женщин.

Также нами было установлено, что либеральные аттитюды имеют 12 человек (18,75 % опрошенных), среди которых в 5 раз больше человек имеют сексуального партнера (10 человек), нежели не имеют (2 человека). Консервативные аттитюды имеют 52 человека (81,15 % опрошенных), из которых у 24 есть партнер, а у 28 – отсутствует.

Следовательно, основную массу опрошенных, имеющих либеральные аттитюды, составляют мужчины и студенты, имеющие постоянного сексуального партнера (среди которых как мужчины, так и женщины), а основную массу опрошенных, имеющих консервативные аттитюды, составляют женщины и студенты, у которых отсутствует постоянный половой партнер (среди которых как мужчины, так и женщины).

Таким образом, большей части опрошенных присущи консервативные сексуальные аттитуды, т.е. низкий уровень одобрения внебрачных сексуальных отношений и открытой демонстрации эротики. Основную массу опрошенных, имеющих либеральные аттитуды, составляют мужчины и студенты, имеющие постоянного сексуального партнера (среди которых как мужчины, так и женщины), а основную массу опрошенных, имеющих консервативные аттитуды, составляют женщины и студенты, у которых отсутствует постоянный половой партнер (среди которых как мужчины, так и женщины).

Список литературы

1. Келли, Г. Ф. Основы современной сексологии / Г. Ф. Келли. – СПб.: Изд-во Питер, 2000. – 896 с.
2. Кон, И. С. Социологическая психология / И. С. Кон. – М.: Московский психолого-социальный институт; 1999. – 560 с
3. Крукс, Р. Сексуальность / Р. Крукс, К. Баур. – СПб.: Прайм-Еврознак, 2005. – 480 с.
4. Магун, В. С. Потребности и психология социальной деятельности личности / В. С. Магун. – Л.: Изд-во Наука, 1983. – 175 с.
5. Майерс, Д. Социальная психология Д. Майерс. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 688 с.
6. Ajzen, I. Understanding attitudes and predicting social behaviour / I. Ajzen, M. Fishbein. - New Jersey: Prentice-Hall. - 1975. – 138 p.
7. Bhatia, M. S. Attitude – Dictionary of Psychology and Social Sciences / M. S. Bhatia. – Delhi, 2009. – 406 p.
8. Bizer, G. Y. Attitudes Encyclopedia of Applied Psychology / G. Y. Bizer. – Elsevier Inc., 2004. – Vol. 1. – P. 245 - 249.
9. Gender Differences in Sexual Attitudes / S. Hendrick [et al.] // Journal of personality and social psychology. – 1985. – Vol. 48. – No 6. – P. 1630 - 1642.
10. Moreno, G. D. Differences in Female Attitudes Toward Sex Across Three Generations : dis. ... doc. In psychol. / G. D. Moreno; Carlos Albizu un-ty. – Miami, 2005. – 87 p.
11. Revision and Reability of a Measure of Sexual Attitudes / R. Hannon [et al.] // Journal of Human Sexuality. – 1999. – Vol. 2. - № 5. – P. 76 - 84.

Данильчик А. В. – студентка 3 курса факультета философии и социальных наук БГУ

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры психологии БГУ
Г. А. Фофанова

УДК 37.017.

ДЕНИСОВА Т. Е., РОМАШКО Н. В.

ХАРАКТЕРИСТИКИ АВТО- И ГЕТЕРОСТЕРЕОТИПОВ БЕЛОРУСКИХ И ПОЛЬСКИХ СТАРШЕКЛАССНИКОВ

В статье анализируются стереотипные представления образа белоруса и поляка в представлениях старшеклассников. Полученные данные позволили составить достаточно согласованные стереотипные портреты представителей указанных национальных групп. Охарактеризована структура представлений авто- и гетеростереотипов у современных старшеклассников.

Под социальным стереотипом обычно понимают упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо социальной группы или общности, с легкостью распространяемый на всех ее представителей. Нередко при определении социального стереотипа подчеркивают его целостность, ярко выраженную оценочную и ценностную окраску, нагруженность его так называемым ошибочным компонентом и т.п. В других случаях акцентируются его динамические характеристики - устойчивость, ригидность, консерватизм, - свидетельствующие о способности успешно сопротивляться любой информации, направленной на его изменение. Общим местом в определениях социального стереотипа является также признание его преимущественно негативным феноменом, препятствующим полному, адекватному взаимопониманию людей, трактовка его в качестве своеобразных шор, искажающих видение социальной реальности[1, с. 89].

Впервые термин «социальный стереотип» ввел в употребление У. Липпман. Согласно У. Липпману, **стереотипы** - это упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки» мира «в голове» человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права [4, с. 534]. С тех пор было предложено огромное количество конкретных определений социального стереотипа. В зависимости от теоретической ориентации автора на первый план выдвигаются соответствующие аспекты этого социально-психологического явления. Так, Т. Шибутани определяет **социальный стереотип** как «популярное понятие, обозначающее приблизительную группировку людей, с точки зрения какого-то легко различимого признака, поддерживаемое широко распространенными представлениями относительно свойств этих людей» [5, с. 534]. Р. Таджури понимает под **социальным стереотипом** «склонность воспринимающего субъекта легко и быстро заключать воспринимаемого человека в определенные категории в зависимости от его возраста, пола, этнической принадлежности, национальности и профессии, и тем самым приписывать ему качества, которые считаются типичными для людей этой категории» [5, с. 534].

А. Тэшфел суммировал главные выводы исследований в области социального стереотипа:

- 1) люди с легкостью проявляют готовность характеризовать обширные человеческие группы (или социальные категории) недифференцированными, грубыми и пристрастными признаками;
- 2) такая категоризация отличается прочной стабильностью в течение очень длительного времени;
- 3) социальные стереотипы в некоторой степени могут изменяться в зависимости от социальных, политических или экономических изменений, но этот процесс происходит крайне медленно;
- 4) социальные стереотипы становятся более отчетливыми («произносимыми») и враждебными, когда возникает социальная напряженность между группами;
- 5) они усваиваются очень рано и используются детьми задолго до возникновения ясных представлений о тех группах, к которым они относятся;
- 6) социальные стереотипы не представляют большой проблемы, когда не существует явной враждебности в отношениях групп, но в высшей степени трудно модифицировать их и управлять ими в условиях значительной напряженности и конфликта [5, с. 534].

Этнические стереотипы - упрощенные образы этнических групп - не сводятся, как известно, к совокупности мифических образов. Как отмечал А. Н. Леонтьев, «образ может быть более или менее адекватным, более или менее полным, иногда даже ложным, но мы всегда его «вычерпываем» из реальности [3, с. 255]. Стереотипные представления о своем/чужом этносе, составляющие определенный фрагмент картины мира, не всегда осознаются как таковые и могут существенно отличаться от сформулированных в официальной идеологии установок. Поскольку этнические стереотипы находят свое эксплицитное или имплицитное воплощение в языке, то исследование лексического материала может помочь выявить «наивные» представления носителей языка о своей и чужой этнической группе, а также позволит более объективно сформулировать содержание этностереотипов и определить тенденцию в оценке представителей своей и чужой группы. Изучение этностереотипов представляется важным как с точки зрения апробации методик, позволяющих исследовать ментальные сущности, так и с точки зрения полученных результатов, имеющих прагматическую ценность при совместном проживании различных этнических групп [1, с. 89]. Исторически сложилось, что Гродненская область входила в состав Речи Посполитой. На сегодняшний день это привело к тому, что на нашей территории проживает большое количество жителей польской национальности и это представляет большой интерес для кросс-культурного исследования этнических стереотипов.

Предмет нашего исследования: авто- и гетеростереотипы.

Цель: выявить различия авто- и гетеростереотипов белорусских и польских старшеклассников.

В нашем исследовании приняли участие старшеклассники белорусской национальности и старшеклассники польской национальности. Было опрошено 40 человек (20 белорусов, 20 поляков).

Материалом исследования стали вербализованные ассоциации, полученные в ходе направленного ассоциативного эксперимента. В эксперименте участвовали старшеклассники белорусской национальности и старшеклассники польской национальности

Исследование проводилось с помощью метода «Иерархии ассоциаций». Этот метод свободных ассоциаций, который был предложен Ж.-К. Абриком с опорой на работы П. Вержеса, заключается в том, что респондент должен привести все слова и выражения, которые ему приходят на ум по поводу слова-стимула «белорус» и «поляк». Спонтанный, а значит, менее контролируемый характер свободных ассоциаций позволил получить доступ к элементам семантического поля термина или изучаемого объекта гораздо быстрее и легче, нежели при использовании других методов (например, беседы). Словесные ассоциации отражают когнитивный процесс, вовлекающий ассоциативные смыслы (значения) слов; эти смыслы отражают культурные рамки различных групп, к которым принадлежат субъекты.

В свое время П. Вержес предложил использовать два индикатора для первичного выявления структурного статуса элемента представления: частоту встречаемости ассоциации и ранг ее появления в ответах респондентов. Ж.-К. Абрик отказался от критерия «ранг появления», заменив его на «ранг значимости». Соотнесение двух полученных результатов: частоты встречаемости термина и его выраженности - позволяет определить статус элементов представления, причем информация о частотности служит количественным показателем центральности элемента (его принадлежности к центральному ядру), а выраженность, которую ему приписывает субъект, - качественным показателем.

Всего получено 200 релевантных (понятых в соответствии с заданием) реакций-прилагательных на слова-стимулы «белорус» и «поляк». Каждому респонденту предлагается ранжировать приведенные им ассоциации по степени выраженности, для того чтобы охарактеризовать объект, о котором идет речь (от наиболее выраженного показателя к наименее). Таким образом, для каждой выборки мы располагаем совокупностью терминов, составляющих содержание представления, а также двумя индикаторами: частотностью ответов респондентов и числовым показателем выраженности этого показателя - рангом выраженности.

Результаты и их обсуждение

Автохарактеристики и гетерохарактеристики белорусов имеют много общего, однако имеются и некоторые различия, которые позволяют уточнить стереотипные представления старшеклассников о типичном белорусе.

Результаты исследования автостереотипов белорусов представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Автостереотипы белорусов

Часто встречающиеся и сильно выраженные (среднее значение 4,4)	Часто встречающиеся и слабо выраженные (среднее значение 2,5)
доброжелательные открытые трудолюбивые весёлые гостеприимные щедрые искренние спокойные	отзывчивые терпеливые дружелюбные вежливые толерантные
Редко встречающиеся и сильно выраженные (среднее значение 4,5)	Редко встречающиеся и слабо выраженные (среднее значение 2,0)
уравновешенные осторожные умные креативные замкнутые независимые ленивые подчиняющиеся безучастные заботливые красивые уникальные	миролюбивые эмпатичные любопытные активные смелые общительные простые честные эмоциональные жадные эгоистичные пунктуальные

Как видно из таблицы 1, ядро представлений старшеклассников белорусской национальности выглядит следующим образом: белорусы доброжелательные, открытые, трудолюбивые, весёлые, гостеприимные, щедрые, искренние и спокойные. Именно эти характеристики часто ассоциируются с белорусами, и они больше всего выражены в их национальном характере. Интегральный образ белоруса имеет явно выраженную положительную оценку, что, как правило, является неотъемлемой характеристикой автостереотипа. Однако, по мнению респондентов, такие качества, как отзывчивость, терпеливость, дружелюбие, вежливость, толерантность слабо выражены в характере белорусов. Самые высокие показатели были получены по таким критериям, как гостеприимность и спокойствие. Также старшеклассники, характеризуя свою национальность, употребляют такие прилагательные, как ленивые, безучастные, замкнутые. Обращает внимание на себя тот факт, что некоторые автохарактеристики являются противоречивыми. Так, к примеру, большое количество респондентов утверждает, что они трудолюбивые и это качество у них сильно выражено, однако некоторые уверены, что белорусы всё-таки ленивые и также это качество у них сильно выражено. Аналогично противоречивы качества открытости-

замкнутости. Если сравнить результаты исследования, проведённые 10 лет назад, с нашими результатами, то можно сказать, что представления белорусов о себе не изменились [1]. Например, 10 лет назад в автохарактеристиках белорусов присутствовали слова гостеприимный, добрый, толерантный, щедрый, веселый, мечтательный, тихий, трудолюбивый.

Результаты исследования гетерохарактеристик поляками белорусов представлены в таблице 2.

Таблица 2 - Гетерохарактеристики поляками белорусов

Часто встречающиеся и сильно выраженные (среднее значение 4,2)	Часто встречающиеся и слабо выраженные (среднее значение 2,2)
Гостеприимные Отзывчивые Весёлые Доверчивые Трудолюбивые Скромные	Дружелюбные Вежливые Нерешительные
Редко встречающиеся и сильно выраженные (среднее значение 4,3)	Редко встречающиеся и слабо выраженные (среднее значение 2,0)
Искренние Дружелюбные Склонны к пьянству Бесхитростные Неаккуратные Добросовестные Наивные	Инициативные Завистливые Простые Замкнутые Боязливые Спокойные

Как видно из таблицы 2, в гетерохарактеристиках поляков достаточно большое сходство качеств, уже названных в автохарактеристике свойств, но появляются также негативные оценки качеств типичного, по мнению польских старшеклассников, белоруса. В гетерохарактеристиках польских школьников ядро представлений выделенных характеристик, определяющих белоруса, выглядит следующим образом: гостеприимные, отзывчивые, веселые, трудолюбивые, доверчивые, скромные. В целом гетерохарактеристики поляков о белорусах положительны, однако прослеживается нотка негативизма в таких ассоциациях, как склонны к пьянству, неаккуратные, завистливые. Также польские школьники указали, что у белорусов слабо выражены такие качества, как дружелюбие, вежливость, нерешительность. Исследование, проведённое 10 лет назад, показало, что белорусы, по мнению поляков, добры, но терпеливы и бездейственны, а потому - бедны и несчастны [1]. Однако спустя 10 лет у представителей польской национальности изменилось мнение о белорусах: поляки считают, что белорусы стали решительней, уверенней в себе; такая черта, как боязливость, редко встречается и слабо выражена в гетерохарактеристике белорусов.

Содержание стереотипных представлений поляков о белорусах существенно дополняют автохарактеристики белорусов, что позволяет также утверждать, что в авто- и гетеростереотипах белоруса в целом преобладает позитивная оценка. Совпадение характеристик и их оценок в авто- и гетеростереотипах может рассматриваться как критерий истинности стереотипов.

Результаты исследования автохарактеристик поляков представлены в таблице 3.

Таблица 3 - Автостереотипы поляков

Часто встречающиеся и сильно выраженные (среднее значение 4,4)	Часто встречающиеся и слабо выраженные (среднее значение 2,1)
Аккуратные Воспитанные Образованные Весёлые Патриотичные Работящие	Хозяйственные Расчётливые Предприимчивые Рассудительные
Редко встречающиеся и сильно выраженные (среднее значение 4,3)	Редко встречающиеся и слабо выраженные (среднее значение 1,9)

Вежливые Религиозные Добрые Смелые Порядочные Деловые Независимые Гордые	Категоричные Находчивые Экономные Самоуверенные
---	--

Как видно из таблицы 3, ядро представлений старшеклассников польской национальности показывает, что поляки образованные, аккуратные, воспитанные, патриотичные, веселые и работающие. Именно эти характеристики часто ассоциируются с поляками, и они больше всего выражены в их национальном характере. Интегральный образ поляка имеет явно выраженную положительную оценку, что, как правило, является неотъемлемой характеристикой автостереотипа. Можно утверждать, что поляки оценивают себя положительно. Но, по суждениям респондентов, такие качества, как категоричные, находчивые, экономные, самоуверенные, слабо выражены в характере поляков. Самые высокие показатели были получены по таким критериям, как образованные, аккуратные, воспитанные. Также старшеклассники, характеризуя свою национальность, употребляют такие прилагательные, как вежливые, религиозные, добрые. Результаты исследования гетерохарактеристик белорусами поляков представлены в таблице 4.

Таблица 4 - Гетерохарактеристики белорусами поляков

Часто встречающиеся и сильно выраженные (среднее значение 4,3)	Часто встречающиеся и слабо выраженные (среднее значение 2,4)
Коммуникабельные Гостеприимные Отзывчивые весёлые активные целеустремлённые тактичные умные хитрые жадные	Дружелюбные Вежливые Ответственные
Редко встречающиеся и сильно выраженные (среднее значение 4,4)	Редко встречающиеся и слабо выраженные (среднее значение 2,1)
скучные злые строгие красивые уверенные в себе гордые креативные замкнутые независимые широкий кругозор самолюбивые искренние расчётливые	любящие свой язык почитающие свои традиции неповторимые инициативные завистливые индивидуальные терпеливые простые гибкие аккуратные

Как видно из таблицы 4, в гетерохарактеристиках белорусскими школьниками поляков ядро представлений выделенных характеристик, определяющих поляка, выглядит следующим образом: отзывчивый, коммуникабельный, далее по убыванию: хитрый, гостеприимный, тактичный, умный, целеустремлённый, весёлый, жадный и активный. В целом гетерохарактеристики белорусами поляков положительны, однако прослеживается нотка негативизма в таких ассоциациях, как жадный, хитрый, злой, расчётливый, самолюбивый. Также белорусские школьники указали, что у поляков слабо выражены такие качества, как дружелюбие, вежливость, ответственность. В результатах прошлых лет указывается, что белорусы считают поляков корыстными, скупыми, расчетливыми, предприимчивыми, прагматичными, жадными, рациональными, любознательными, умными, находчивыми, злопамятными,

жестокими, негостеприимными, недоброжелательными, гордыми. Если сравнить результаты прошлых исследований, то можно сказать, что представления белорусов о поляках в значительной степени не изменились. Как и ранее, белорусы считают поляков умными, расчётливыми, жадными, самолюбивыми, однако более гостеприимными.

Полученные нами результаты согласуются с результатами исследования Г. В. Гатальской и Н. М. Ткач: у белорусов такие черты, как сила, трудолюбие, ум, свободолюбие, аккуратность, выражены сильнее, чем у поляков. По таким качествам, как сила, трудолюбие, ум, свободолюбие, аккуратность, выявлена статистическая достоверность различий с поляками, а по таким критериям, как патриотизм, верность традициям коллективизма, обязательность, различия не являются статистически достоверными. Однако, по оценкам белорусов, поляки религиознее, предприимчивее, агрессивнее и в большей степени индивидуалисты (различия являются статистически значимыми) [4].

Анализ гетеростереотипов белорусов позволяет говорить об их позитивном отношении к своим соседям (полякам), связи с которыми активно развиваются в последние десятилетия, что, в свою очередь, способствует развитию оптимального межкультурного взаимодействия.

Содержания авто- и гетеростереотипов обнаруживает проявление одной из стратегий сохранения позитивного образа собственной группы, потерпевшей неудачу в экономическом соревновании. Западными психологами не раз отмечалось, что группы с более высоким статусом в экономической сфере имеют тенденцию характеризовать себя с точки зрения компетентности и экономического успеха, а группа с более низким экономическим статусом характеризует себя с точки зрения теплоты, сердечности и гуманности. Так, белорусы, создавая образ представителя своей национальной группы, больше использовали положительных характеристик, соотносимых с такими качествами, как доброжелательность, коммуникативность, подобные качества в значительно меньшей степени белорусы приписывают полякам. Поляков белорусы характеризовали больше как умных, активных, целеустремлённых, хитрых. В автостереотипе поляка в значительно большей мере по сравнению с белорусами выражен блок качеств, характеризующих предприимчивость, рациональность, деловитость.

В целом проведенный анализ показывает множественные пересечения и совпадения авто- и гетерохарактеристик, составляющих содержание стереотипов белоруса и поляка, что может свидетельствовать об истинности составленного представления и устойчивости данных стереотипов. Результаты исследования позволяют утверждать, что при восприятии школьниками белоруса и поляка преобладает позитивная направленность. Согласно так называемой «гипотезе контакта», чем дольше и глубже мирное взаимодействие групп между собой, тем выше истинность гетеростереотипов. Совпадение характеристик в авто- и гетеростереотипах также может рассматриваться как критерий истинности стереотипов.

Список литературы

1. Анисимова, Е. А. Этнические стереотипы белорусских, польских и русских студентов / Е. А. Анисимова, К. В. Вербова // Вестник ГрГУ. - Сер. 1. - 2003. - № 4. - С. 87 - 97.
2. Гатальская, Г. В. Психологические особенности национального характера белорусов / Г. В. Гатальская, Н. М. Ткач // Психология. - 2010. - № 1. - С. 30 - 35.
3. Леонтьев, А. Н. и современная психология: Сборник статей памяти А. Н. Леонтьева. - М.: МГУ, 1983. - 255 с.
4. Пашенко-де Превиль, Е. Карьера в представлениях молодежи: сравнительный анализ социальных представлений российских и французских студентов / Е. Пашенко-де Превиль // Вопросы психологии. - 2012. - № 4. - С. 48 - 60.
5. Шибутани, Т. Социальная психология. / Т. Шибутани. - М., 1969. - 534 с.

Ромашко Н. В. – студентка 4 курса факультета психологии ГрГУ им. Янки Купалы

Денисова Т. Е. – студентка 4 курса факультета психологии ГрГУ им. Янки Купалы

Научный руководитель – доцент кафедры общей и социальной психологии ГрГУ им. Я. Купалы, кандидат педагогических наук, доцент К. В. Вербова

КАДЕВИЧ В. Ю.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБКУЛЬТУРНОГО ФРЕЙМИНГА СТУДЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ, МЕДИЦИНСКИХ И ТЕХНИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛИЗАЦИЙ

В статье рассматривается проблема формирования и исследования субкультурного фрейминга студентов гуманитарных, медицинских и технических специальностей, а также описаны некоторые методы, позволяющие выявить, типизировать и изучить субкультурный фрейминг студенчества.

Во всех обществах есть группы, отличающиеся от большинства, имеющие свои взгляды на жизнь, нравы, культуру. Эта система ценностей той или иной группы называется субкультурой. Она формируется под влиянием различных факторов: возрастных, национальных, религиозных, социальных, профессиональных и т.д. Субкультура влияет на становление личностей членов соответствующих групп. Таким образом происходит фрейминг, «рамочная» установка восприятия, поведения, взглядов. Эти «рамки» формируют определенный образ жизни, взглядов, мышления и поступков, т.е. культуру данной группы.

Рассматривая субкультурный фрейминг студентов различных специальностей, например «медиков», «технарей» и «гуманитариев», можно выделить в этих группах как общие поведенческие черты, так и специфические. Таким образом, перед нами встает проблема определения межкультурного взаимопонимания и определения специфических межкультурных различий, а в некоторых случаях и разногласий.

Естественно, что субкультурный фрейминг вообще студентов как социально-возрастной группы тоже основывается на каких-то общих фреймах. Например, эта группа имеет определенный возрастной параметр, социальное положение, она включает (на данный период обучения) городское население, так как студенчество преобладает в городах, имеет определенный стиль поведения, язык, моду, интересы, нравы и т.д. Однако каждая будущая профессия (профессионализация) имеет свои истории, мифы, легенды, анекдоты, песни, шутки, традиции, обряды, ритуалы и церемонии, жаргон и другие отличия. И в основном эти отличия (субкультура) базируются на устоявшихся, можно сказать, узаконенных временем фреймах.

Например, сложилось мнение, что «гуманитарии» более чуткие и чувственные, культурные, возвышенные, в общем, эстетичные. Да и как иначе? Ведь это будущие деятели культуры и искусства, интеллектуальная элита общества. «Технари» считаются более дотошными, практичными. Они сухи в отношениях, умелы в обыденной жизни. Они в духовной сфере якобы более приземлены. «Медики» чаще рассматривают человека отстраненно, как пособие. Они часто вульгарны и циничны до неприличных откровений. Человеческая суть у них анатомична и физиологична. Но мы знаем врачей – известных писателей и певцов; «технарей» - ставших юмористами, поэтами и артистами; «гуманитариев» - ставших бездушными и черствыми, «служащими-бюрократами», - и перед нами предстает вся условность принятых градаций, клише, в конечном итоге фреймов.

Осознание того, что студенты той или группы ранее воспитывались в разных культурных формациях, в разных социальных сферах, по-разному воспринимают, интерпретируют внутренний и окружающий как социальный, так и природный мир; по-разному, в силу своих будущих и профессиональных отличий, реагируют, мыслят и исповедуют культурные ценности, поставило перед психологической наукой проблемы изучения формирования у студентов различных субкультурных фреймов.

Прежде чем рассматривать проблемы субкультурного фрейминга тех или иных социальных групп (в данном случае студентов, различных по направлениям и содержанию изучаемых в учебных заведениях знаний), необходимо определить понятие фрейминга. Основой значения этого слова, то есть его сутью, является фрейм (англ. frame – каркас, остов, структура).

Впервые это понятие ввел Ирвин Гофман (Goffman), он обозначил им способ, используемый в повседневной жизни для упорядочивания или структурирования мира по средствам утверждений, позволяющих распознавать и сортировать социальные феномены. Гофман обосновал фрейм как определение ситуаций, которые построены в соответствии с принципами организации, управляющей событиями – в частности, социальными – и нашей субъективной вовлеченности в них.[1]. Естественно, что невозможно категоризировать все имеющиеся социальные фреймы. Притом весьма проблематично определить, сколько таких фреймов существует. Тем более, что эти фреймы имплицитно подвижны и обладают размытыми границами.

В когнитивной психологии фрейм - это понятие, описывающее структурно оформленную единицу какого-либо конкретного знания, картинку, сценария, схемы и т.п., с помощью которой может быть идентифицирована воспринимаемая ситуация.

Американский ученый М. Л. Мински, занимающийся проблемами искусственного интеллекта, в 1970 году создал теоретическую модель структур знаний (названную «Теорией фреймов»). Мински высказал предположение, что наше знание закодировано в блоках, называемых фреймами, рамками. Это метафорическое обоснование он заимствовал из фотографии. Данные блоки или рамки облегчают понимание многих аспектов каждодневных явлений, позволяя получить быстрый доступ к информации, хранящейся в памяти, и соответственно отреагировать. Развиваясь, понятие фрейм стало родовым по отношению к понятиям схема, сцена, сценарий, когнитивная модель, модуль, ассоциативные связи, семантическое поле. Фреймы, организуя наше понимание мира в целом, тем самым организуют и обыденное поведение. При этом фреймы выступают и как типовые классификаторы, эталоны, с которыми сравниваются содержания, подлежащие классификации. С каждым фреймом связано несколько видов информации:

- о его использовании;
- о том, что следует ожидать;
- что делать, если ожидания не подтвердятся.

Формально фреймы представляют в виде структуры узлов и отношений между ними. Кроме связей внутри фрейма, возможны и межфреймовые отношения, когда они комбинируются в более крупные модули или рамки (библиотеки фреймов).

В. А. Янчук также заметил, что «большинство фреймов культурно вотканы в том смысле, что они не конструируются или вырабатываются индивидом заново от ситуации к ситуации или от одной активности к другой, а существуют как элементы, окружающие индивида и группу культуры и содержащие соответствующие ситуации значения» [7]. Далее автор пишет о том, что человеку в той или иной ситуации приходится делать выбор между различными направлениями, неопределенностями, присутствующими в ситуации, побуждая к более интерпретативному и контекстуальному пониманию фрейма. К тому же, продолжает В. А. Янчук, в социальной жизни существуют моменты и ситуации, в которых уместность тех или иных культурных фреймов очень неопределенна. Соответственно, фреймы должны пониматься и анализироваться как с культуралистской, так и с конструктивистской перспективы.

Таким образом, фреймы – весьма абстрактные понятия. Но они оказывают влияние на то, как та или иная группа или аудитория воспринимает тот или иной материал. Эта форма постановки вопросов, проблем, повестки дня не только диктует, *что* думать о вопросе, но так же и *как* думать об этом вопросе.

Термин framing (фрейминг) еще не имеет устоявшегося общепринятого определения. Однако наиболее известное и распространенное объяснение дословного перевода этого слова - «установление рамок» - поясняет, что в данном случае имеется в виду использование, как уже указывалось, рамки, каркаса, т.е. определение восприятий тех или иных явлений или событий в определенной «упаковке». Именно выбор определенных аспектов реальности делает их более заметными в коммуникативном тексте, популяризируя, таким образом, определенную трактовку проблемы, интерпретацию ее причин моральную оценку и возможное ее решение. Это объяснение фрейминга дал Роберт Энтман.

Именно Энтман в 1990 году проясняет терминологию и методологию фрейминга, определяет «рамки» как «схемы обработки информации», которые имеют место в особенностях новостного текста и которые усиливают специфическое восприятие и понимание событий.

Следовательно, использование и реализация идей культурных и субкультурных фреймов, определяющих отношения к событиям и происходящему, позволяет нам более конкретно воспринимать, локализовать и идентифицировать происходящее. В этом и заключается суть фрейминга. Итак, фрейминг – это концентрация внимания на области смысла, используя фреймы.

Необходимо отметить, что фрейминг – это такое качество коммуникации, которое побуждает к тому, чтобы одно значение было оценено и принято по сравнению с другим. Понимание фрейминга особенно важно ввиду того, что он может иметь большое влияние на содержание человеческих мыслей, суждений, действий. Т.е. это процесс, по средствам которого источник коммуникации может определить и сформулировать какой-либо политический вопрос или общественную дискуссию. Использование фрейминга позволяет, с одной стороны, манипулировать общественным мнением, с другой - выявить это манипулирование в сообщениях СМИ или других источников.

Итак, рассматривая вопрос «субкультурного фрейминга», необходимо осмыслить проблему формирования фрейминга у студентов, так как она формируется под влиянием различных факторов, по выражению В. А. Янчука, «как детерминанта взаимопонимания в условиях культурного многообразия». Особенно актуальна эта проблема в современных условиях.

Задача исследователей коммуникативного поведения и субкультурного фрейминга студентов заключается в обеспечении достаточного уровня типизации коммуникативных признаков и характеристик, чтобы такое описание было содержательным и достаточно обобщенным. Описывать целесообразно доминантные, наиболее часто проявляющиеся признаки, характерные для большинства или многих ситуаций общения, а затем уточнять их проявление в разных коммуникативных ситуациях.

Одним из междисциплинарных методов в социальных науках, который позволяет изучить субкультурный фрейминг студенчества, является контент-анализ, или специальный метод качественно-количественного анализа содержания документов, понимаемых в широком смысле (официальные и личные документы, материалы массовой и межличностной коммуникаций, литературы и искусства, сочинений и т. д.). Суть метода заключается в систематической и надежной фиксации определенных единиц изучаемого содержания, а также в квантификации получаемых данных. В последние годы контент-анализ приобрел весьма широкое распространение в исследованиях материалов массовой коммуникации.

Так как специфика любой науки прежде всего связана с ее предметом, а также с эмпирическими объектами следований, то контент-анализ в социальной психологии в первую очередь должен применяться для изучения человеческого общения, коммуникаций и их субъектов как представителей определенных микро- и макрогрупп. При этом непосредственными объектами исследования являются документы, рассматриваемые как сообщения. Понятие «сообщение» является именно социально-психологическим, в нем акцентируется динамический характер объекта, его включенность в коммуникационную систему, что подразумевает зависимость сообщения от личностных и групповых особенностей коммуникатора и реципиента. Поэтому в методологическом аспекте для контент-анализа в социальной психологии важно рассматривать сообщение как элемент коммуникационной системы в его отношениях с другими элементами.

Основными областями применения контент-анализа в социально-психологических исследованиях являются:

1. изучение через содержание сообщений социально-психологических особенностей их создателей (коммуникаторов, авторов) - как отдельных личностей, так и групп, в том числе скрытых (порой неосознаваемых) проявлений и тенденций, дающих о себе знать лишь кумулятивно, в потоке сообщений;
2. изучение реальных социально-психологических явлений (объекта, субстанции сообщений), которые отражены в содержании сообщений (в том числе явлений, имевших место в прошлом, которые недоступны для исследования другими методами);
3. изучение через содержание сообщений социально-психологической специфики различных средств коммуникации (антропологических, письменных, технических);
4. через содержание сообщений социально-психологических особенностей их реципиентов (адресатов, аудитории);
5. изучение через содержание сообщений (и ответных на них сообщений) социально-психологических аспектов воздействия (эффектов) коммуникации на реципиентов как представителей различных социальных микро- и макрогрупп, а также изучение успешности общения;
6. в социально-психологических исследованиях для обработки и уточнения данных, полученных другими методами (обработки открытых вопросов анкет и интервью, «словесных портретов», данных проективных методик, ассоциаций и т. д.);
7. специальное — науковедческое — употребление для изучения научной литературы по социальной психологии [3].

В исследовании фрейминга контент-анализ дает возможность «вытянуть» из текстовых массивов (сообщений) фреймы и конструкты и типизировать их. Описывать коммуникативное поведение и субкультурный фрейминг студентов сложно, так как они зависят от многих факторов, среди которых можно выделить субъективные и объективные. Понятно, что эти факторы затрудняют типизацию и, естественно, фреймирование. Притом, в ходе типизации фреймов надо учитывать, *что* студенчество той или иной группы считает своим, а *что* -привнесенным извне, *что* считает главным, а *что* - второстепенным.

Таким образом, для решения социально-психологических задач контент-анализ может применяться: а) как сугубо самостоятельный метод исследования содержания сообщений; б) в комплексе с иными методами, т. е. когда одновременно исследуется не только сообщение, но и другие звенья коммуникационной цепи; в) как вспомогательный метод обработки массивов данных, полученных другими методами.

К достоинствам метода контент-анализа следует отнести: возможность избежать влияния исследователя на изучаемый объект (элиминировать «эффект присутствия») по сравнению, например, с опросными методами; достижимость высокой степени надежности получаемых данных (документы наиболее удобны для перепроверки); возможность исследования социально-психологических явлений в

историческом плане посредством анализа документов прошлого; широкая доступность использования принципа лонгитюдного изучения (в том числе для целей прогнозирования).

Еще одним методом исследования субкультурного фрейминга, а так же типизации и классификации фреймов является оценочная биполяризация, которая может использоваться на субстрате, полученном в результате обработки первичных данных (сочинений, ассоциаций или иных сообщений) методом контент-анализа. Биполярные измерения широко распространены в психологических исследованиях личности, качества которой описываются парными прилагательными - антонимами (сильный - слабый, трудолюбивый - ленивый, хороший - плохой и т. д.). В практике биполярных измерений личности применяются опросники типа «полярных профилей» (М. Форверг), «семантического дифференциала» (Ч. Осгуд), тесты, содержащие перечни биполярных факторов (Дж. Гилфорд, Р. Кеттелл, Г. Айзенка), построение репертуарных решеток (Келли) и др.

Способность личности к биполярной оценке свидетельствует о двунаправленности ее отношений: человек вычленяет себя из окружающего мира с помощью оценки степени подобия себя окружающим и, как следствие, либо противопоставляет себя другим («Я» — «не Я»), либо включает их в систему своего внутриличностного общения («Я» — «другие Я»), что также является составляющей частью культурного фрейминга.

Биполярная оценка, таким образом, служит способом установления степени подобия индивида качествам тех «значимых других», которые попадают в его перцептуальную сферу. Сравнение себя с другими с помощью биполярной оценки оказывается основным механизмом социальной перцепции и субкультурного фреймирования реальности.

Следует отметить, что измерение оценочной биполяризации доказывает факт двунаправленности отношений личности как участника группы:

- 1) на задачу и дело группы;
- 2) на людей, их межличностные взаимоотношения.

Личность моделирует в своем поведении эту двуплановость отношений и проявляет ее в определенной степени оценочной биполяризации, завышая и занижая свою самооценку по сравнению с той, какую ей дают окружающие лица.

Следовательно, метод оценочной биполяризации может служить целям персонотрилогии аналогично социометрии. Первая вскрывает структурные характеристики личности как индивидуального субъекта общения, вторая - группы как социального субъекта [3].

Практическим выходом этих исследований является возможность выявления людей с различным уровнем социально-психологической совместимости по степени их подобия, сходства в способностях оценивать других людей и самих себя, а также фреймирования реальности. Это важно для комплектования групп, подбора руководителей, и достижения взаимопонимания в условиях культурного многообразия современного мира.

Таковы некоторые теоретико-методические вопросы использования контент-анализа и оценочной биполяризации в качестве методов социально-психологической диагностики субкультурного фрейминга и типизации фреймов студентов гуманитарных, медицинских и технических специализаций.

Список литературы

1. Гофман, И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта / И. Гофман. – М.: Институт социологии РАН, Институт фонда «Общественное мнение», 2004.
2. Джерджен, К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика: сб. статей / К. Дж. Джерджен. - Мн.: БГУ, 2003.
3. Кузьмин, Е. С. Методы социальной психологии / Е. С. Кузьмин, В. Е. Семенов. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1977.
4. Мазилев, В. А. Культурный фрейминг россиян и белорусов: постановка проблемы / В. А. Мазилев, В. А. Янчук // Социальный психолог. – 2011. - № 1 (21). - С. 71 - 79.
5. Ядов, В. А. Попытка расширенного толкования концепции фреймов И. Гоффмана / В. А. Ядов // Социология в мире коммуникаций: инновационные подходы (материалы конференции). – М.: СоПСО, ГУ ВШЭ, РФФИ, фонд Ф. Эберта, 2010.
6. Яницкий, О. Н. Социальные движения и теория фрейминга / О. Н. Яницкий. – М.: Институт социологии РАН, 2011.
7. Янчук, В. А. Культурный фрейминг как детерминанта взаимопонимания в условиях культурного многообразия / В. А. Янчук // Психологический журнал. - 2010. - № 2. – С. 41 - 48.
8. Янчук, В. А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонотрилогии: интегративно-эклетикический подход / В. А. Янчук. – Мн.: Бестпринт, 2000.

Кадевич В. Ю. – студент 4 курса факультета психологии ГрГУ им. Я. Купалы

Научный руководитель – декан факультета психологии Академии последиplomного образования, доктор психологических наук, профессор В. А. Янчук

УДК 37.013.

КОВАЛЬЧУК Е. Г.

СОЦИАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ БЕЛОРУССКИХ СТУДЕНТОВ В ОТНОШЕНИИ ТУРКМЕНСКИХ СТУДЕНТОВ

На основе данных эмпирического исследования раскрывается содержание и аффективный компонент социальных установок белорусских студентов в отношении туркменских студентов. Делается вывод об особенностях содержания социальных установок белорусских студентов в отношении туркменских студентов в зависимости от характеристик, связанных с общением (наличие опыта общения, длительность коммуникации, продолжается ли сейчас общение, количество знакомых туркменов, возможность и наличие конфликта).

Первые исследования установок были проведены еще Л. Ланге (1888) и Г. Мюстербергом (1889) [4, с. 64]. Их работы посвящены изучению установки как некоего состояния человека и объясняют физиологическую составляющую установок.

Понятие «социальной установки» было введено в 1918 г. У. Томасом и Ф. Знанецким, которые изучали адаптацию польских крестьян, эмигрировавших в Америку. Авторы этого термина предложили следующее определение: социальная установка – состояние сознания, регулирующее отношение и поведение человека в связи с определенным объектом в определенных условиях, и психологическое переживание им социальной ценности, смысла жизни [1].

С момента введения в науку понятие «социальной установки» претерпело множество изменений. Нами под социальной установкой понимается устойчивая система взглядов и оценок в отношении социальных объектов, предрасполагающая к определенному социальному поведению.

Этнические социальные установки ограничивают сферу общения между представителями разных этнических групп, задают некий алгоритм восприятия и действий (вербальная и невербальная коммуникация) чужой этнической группы и ее членов. Так, в теории социальных стереотипов А. А. Бодалева познание человеком другой личности сводится к соотнесению ее с эталоном, что определяет эмоциональные реакции на поведение личности, характер ответов на ее действия [2, с. 125]. Такая социально-познавательная активность может проявляться в неверной, жесткой генерализации и приводить к крайней форме негативных социальных установок – предубеждениям [11].

Культура Туркменистана, в отличие от белорусской, характеризуется другим языком, религией и соответственно общенациональными ценностями, нормами и правилами поведения, что может приводить к непониманию в межэтническом общении.

В то же время студенческий возраст считается периодом наиболее интенсивного созревания личностных особенностей человека и оформления мировоззренческих позиций. Это важнейший период развития этнического самосознания, его упрочения и закрепления [3].

Результаты социологических исследований, проведенных Центром социологических и политических исследований БГУ, показывают, что в белорусском обществе идет процесс формирования негативных стереотипов в отношении иммигрантов [10, с. 53].

Наиболее активно выражают свою этническую неприязнь те категории населения, которые только проходят фазу политической социализации, усваивают тиражируемые коллективные символы и ценностно-акцентируемые представления. Это, прежде всего, молодежь [5; 10].

Особую роль в формировании этнических социальных установок играет негативное отношение к иммигрантам, которое распространяется только на тех, кто по своему фенотипу выделяется из общей массы, говорит с акцентом или на другом языке [6, с. 41].

Предметом нашего исследования были социальные установки белорусских студентов в отношении туркменских студентов.

В исследовании, проходившем в один этап, приняли участие 95 студентов: 69 из них – белорусские студенты, остальные 26 – студенты, приехавшие из Туркменистана. Распределение по полу опрошенных студентов следующее – 61,1 % респондентов составили мужчины, 38,9 % – женщины.

В качестве метода исследования применялся анкетный опрос, включающий Диагностический тест отношений Г. У. Солдатовой (модификация Н. В. Ткаченко), позволяющий выявить когнитивно-аффективный компонент этнического стереотипа [9, с. 182 - 185]. Согласно Г. У. Солдатовой, стереотипы, предубеждения, предрассудки являются межэтническими установочными образованиями и социально-перцептивными феноменами этнической идентичности. Этнический стереотип представляет собой обобщенную систему вербальных признаков, имеющих устойчивую структуру. Одна из форм существования стереотипа – вербализация на основе семантических элементов естественного языка, т.е. приписывание качеств [7, с. 69].

Полученные данные (оценка выраженности 18 предложенных качеств у белорусских и туркменских студентов) подвергались статистической обработке с помощью факторного анализа. На основе факторного анализа с последующим Varimax-вращением было выделено 5 факторов, собственное значение которых превосходит единицу. Содержание социальных установок белорусских студентов в отношении туркменских студентов, таким образом, определяется следующими выявленными факторами: «негативные качества», «позитивные качества», «малодушие», «живость» и «опасливость» (таблица 1).

Таблица 1 – Содержание социальных установок белорусских студентов в отношении туркменских студентов на основе факторного анализа

Фактор	Качества (факторные нагрузки)	Общее описание	Название фактора
Фактор 1	Высокомерие (0,721), агрессивность (0,675), гордость (0,653), вспыльчивость (0,650), навязчивость (0,619), лицемерие (0,577), ехидность (0,564), темпераментность (0,423)	Данные качества не являются социально одобряемыми и могут вызывать у окружающих негативное отношение к людям, у которых эти качества ярко выражены	«Негативные качества»
Фактор 2	Покладистый (0,742), остроумный (0,689), педантичный (0,664), дипломатичный (0,623), аккуратный (0,472), вспыльчивый (-0,373), общительный (0,352), агрессивный (-0,325), осторожный (0,306)	Качества, вошедшие в фактор, в целом одобряются обществом и могут вызывать положительные эмоции к людям, имеющим эти качества	«Позитивные качества»
Фактор 3	Трусливый (0,775), бесхарактерный (0,720), лицемерный (0,488), гордый (-0,448), дипломатичный (-0,349)	Данные качества могут указывать на недостаток мужества, твёрдости духа, веры и решительности	«Малодушие»
Фактор 4	Активный (0,770), общительный (0,700), темпераментный (0,499)	Качества, вошедшие в фактор, отражают наличие энергичности в целом и в коммуникативной сфере, в частности	«Живость»
Фактор 5	Осторожный (0,720), ехидный (0,366), бесхарактерный (-0,340), трусливый (0,331), аккуратный (0,310), вспыльчивый (-0,304)	Наличие подобных качеств у человека говорит о его настороженности и опасении в выполнении действий	«Опасливость»

Для определения различий в содержании социальных установок белорусских студентов в отношении туркменских студентов полученная с помощью факторного анализа матрица данных подвергалась статистической обработке с применением непараметрического U-критерия Манна-Уитни. Статистически значимым считался уровень значимости $p < 0,05$.

Были получены следующие результаты:

1. *Своей этнической группе белорусы* приписывают позитивные качества, настороженность и опасение, а туркменам – негативные качества. Такая склонность белорусских студентов оценивать свою группу положительно, а аутгруппу (туркменских студентов) отрицательно может быть связана с наличием позитивных автостереотипов и негативных гетеростереотипов у белорусских студентов [7].

Туркменские студенты менее осведомлены о том, какие негативные и позитивные качества выражены у белорусских студентов. В то же время они склонны приписывать своей этнической группе в большей степени, нежели белорусам, негативные качества.

Белорусские и туркменские студенты в равной степени считают белорусов опасливыми, т.е. проявляющими некоторую настороженность и опасение.

2. Существуют гендерные различия в социальных установках в отношении туркменских студентов у белорусских студентов: *девушки* приписывают туркменским студентам дипломатичность, остроумие, покладистость, педаантичность, осторожность, аккуратность, общительность и активность, в то время как *юноши* не считают, что у туркменских студентов ярко выражены подобные качества.

Юноши, не имеющие опыта общения с туркменами, приписывают туркменским студентам агрессивность, вспыльчивость, лицемерие, ехидность, навязчивость, гордость, высокомерие, темпераментность, недипломатичность, бесхарактерность и трусливость. *Девушки, не имеющие опыта общения с туркменскими студентами*, не считают эти качества ярко выраженными у туркменских студентов.

3. В социальных установках в отношении туркменских студентов *у белорусских студентов, не имеющих опыта общения с ними*, преобладают качества по фактору «малодушный» (недипломатичный, смиренный, лицемерный, бесхарактерный, трусливый), наименее выражены позитивные качества и качества, входящие в факторы «живой» (темпераментный, активный, общительный) и «опасливый» (осторожный, ехидный, аккуратный, трусливый, невспыльчивый); негативные качества имеют среднюю степень выраженности.

Таким образом, у белорусских студентов, не имеющих опыта общения с туркменскими студентами, не выявлена валентность социальных установок в отношении туркменских студентов, т.е. одинаково распространены и позитивные и негативные социальные установки.

4. Существуют различия в социальных установках в отношении туркменских студентов *у белорусских студентов, которые познакомились с ними в университете и в общежитии* (ситуация бытового общения). Вторая группа белорусских студентов приписывает туркменам мужественность и решительность.

5. Сталкиваясь со сложностями в коммуникации, *белорусские студенты* приписывают туркменским студентам высокую энергичность и темпераментность. Но «живость» в общении не является основным затруднением. Среди основных сложностей, которые указывают белорусские студенты, на первом месте стоят языковые барьеры. У небольшого количества *туркменских студентов* вызывают трудности белорусское чувство юмора и традиционные ценности. Однако большинство из опрошенных туркменских студентов (65,39 %) не испытывают трудностей в общении с белорусскими студентами. Некоторые из них считают общение с белорусами более приятным, чем с членами своей группы.

6. Стоит отметить, что 94,3 % респондента, имеющих опыт общения с туркменскими студентами, считают возможными конфликты между белорусскими и туркменскими студентами. Однако такие предположения могут быть следствием распространения слухов, могут основываться на личном опыте либо вообще относиться к собственным умозаключениям. Для выявления влияния знаний о конфликте и источнике их получения необходимы дополнительные исследования.

7. Различия в зависимости от наличия (отсутствия) опыта общения с туркменскими студентами, наличия (отсутствия) коммуникации с туркменскими студентами на данный момент, продолжительности общения и количества знакомых туркмен в социальных установках в отношении туркменских студентов у белорусских студентов не выявлены.

Для более глубокого анализа аффективного компонента социальных установок белорусских студентов в отношении туркменских студентов белорусам, имеющим опыт общения с туркменами, было предложено ответить на шесть предложений, составляющих методику «Незаконченные предложения» Ж. Т. Уталиевой [8, с. 69, 84].

1. Данные ответов белорусских студентов, имеющих опыт общения с туркменскими студентами, на вопрос *«Когда я один (одна) в компании туркмен, мне всегда хочется ...»* позволили выделить следующие категории:

- установление коммуникации (участие, сотрудничество);
- избегание коммуникации (уход, выполнение деятельности, не связанной с коммуникацией и взаимодействием);

- отрицание ситуации;
- безопасность («хочется быть не одной», «хочется быть осторожной»).

Большинство белорусских студентов, имеющих опыт общения с туркменскими студентами (60%), предпочли бы избегать коммуникации либо вообще не оставаться наедине с туркменами в одной компании. Учитывая эти данные и ответы категории «безопасность» («хочется быть не одной», «хочется быть осторожной»), можно предположить, что присутствие других белорусов в компании туркменов должно будет повысить стремление к установлению коммуникации с туркменами у белорусов.

2. В соответствии с данными ответов на вопрос **«В отличие от белорусского народа, туркмены ...»** было выделено 3 категории:

- национальные характеристики (патриоты, выраженная идентичность, другая нация);
- негативные качества (агрессивный, вспыльчивый, высокомерный, гордый, ленивый, лицемерный, медлительный, противный, темпераментный). Следует отметить, что 15 (42,86 %) респондентов указали на качества, выявленные в данной работе как фактор «негативные качества», – агрессивный, вспыльчивый, высокомерный, гордый, лицемерный, темпераментный;
- позитивные качества (вежливый, дружный, милый).

Большой процент респондентов в категории «негативные качества» (62,86 %) может говорить о том, что в восприятии белорусских студентов существует ярко выраженный негативный образ туркменских студентов. Однако процент выбора категории «позитивные качества» также велик (20 %).

3. Ответы на вопрос **«Если бы среди моих предков были туркмены, то ...»** были разделены на 3 группы, причем все они имеют эмоциональную окраску:

- позитивная оценка ситуации (интеграция, уважение, «все было бы ок», идентификация). Подгруппа «идентификация» включает ответы 7 респондентов («я был бы туркменом», «я был бы наполовину/на четверть туркменом», «я бы не стыдилась этого», «у меня был бы темный цвет волос»), что составляет 20% от всех ответов.

- нейтральная оценка ситуации («ничего») – 22,86 %;
- негативная оценка ситуации («слава богу, нет») – 20 %.

Практически половина (42,86 %) опрошенных белорусских студентов, имеющих опыт общения с туркменскими студентами, положительно относится к тому, что среди их предков могут быть туркмены. В формулировке вопроса не уточняется, кто именно из предков мог быть туркменом (родители, прародители и т.д.), т.е. респонденты могли представлять себе какой-то обобщенный отдаленный образ предка, что увеличивает воспринимаемую дистанцию, следовательно, и уровень принятия описанной ситуации в сторону позитивного.

4. Данные ответов белорусских студентов, имеющих опыт общения с туркменскими студентами, на вопрос **«Если бы мне сказали, что по характеру я похож (а) на туркмена (туркменку), то ...»** позволили выделить следующие категории: уточнение, согласие; нейтральная реакция; негативная реакция (недоверие, противоречие, сопротивление); удивление.

Белорусские студенты не желают быть похожими на туркменов (45,71 % ответов из категории «негативная реакция»). 10 из 16 человек, ответ которых входит в категорию «негативная реакция», выбрали категорию «негативные качества» при ответе на вопрос «В отличие от белорусского народа, туркмены ...». Т.е. можно предположить существование связи между негативным образом туркменских студентов в социальных установках белорусских студентов и отсутствием желания быть на них похожими.

5. В соответствии с данными ответов на вопрос **«Если бы я женился на туркменке (вышла замуж за туркмена), то ...»** было выделено 5 категорий: изменение своего Я или другого; ущемление, развод; идентификация; отрицание, негативизм; счастье.

Процентное распределение ответов на вопрос по категориям мало различается. Наибольший процент выявлен в категории «отрицание, негативизм» – 34,29 %. Т.е. белорусские студенты предпочитают не выбирать в качестве супруга (супруги) туркменов.

6. Ответы респондентов на вопрос **«Если бы я был (была) туркменом (туркменкой), то ...»** были разделены на 5 групп: идентификация (отнесение себя к группе туркменов, принятие их ценностей, традиций, обычаев и т.д.); другие возможности (принадлежность к другой группе открывает новые возможности для самореализации); не был бы собой; должное («смирился», «принял как должное»); отрицание.

Процентное распределение ответов на этот вопрос по категориям мало различается. Однако стоит учесть большой процент неответивших (22,86 %), что может быть связано с неспособностью или нежеланием ставить себя на место другого. В этом плане важную роль играет туркменская культура как значительно отличающаяся от белорусской.

Таким образом, выявлено влияние на содержание социальных установок белорусских студентов в отношении туркменских студентов таких характеристик общения, как ситуация знакомства и сложности, возникающие в процессе коммуникации.

Полученные результаты могут способствовать разработке социальных и организационных мероприятий, целью которых будет формирование положительного отношения к образовательным иммигрантам из Туркменистана, получающим образование в нашей стране, их адаптация и оптимизация культуры межэтнического взаимодействия в студенческой среде.

Список литературы

1. Андреева, Г. М. Психология социального познания / Г. М. Андреева. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 288 с.
2. Бодалев, А. А. Личность и общение / А. А. Бодалев. – М. : Международная педагогическая академия, 1995. – 328 с.
3. Ениколопов, С. Н. Предубежденность в контексте свойств личности / С. Н. Ениколопов // Психологический журнал. – 2010. – №4. – С. 35 - 46.
4. Заливако, А. Г. Генезис научных идей о социальной установке / А. Г. Заливако // Психологический журнал / учредитель Минский институт управления. – Мн., 2009. – № 3. – С. 63 - 69.
5. Лебедева, Н. М. Социально-психологические установки московской молодежи по отношению к мигрантам / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко // Молодежь Москвы : адаптация к многокультурности / РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Комитет межрегиональных связей и национальной политики г. Москвы. – М. : Российский университет дружбы народов, 2007. – С. 230 - 273.
6. Письменная, Е. Е. Социальные последствия учебной иммиграции в Россию (вопросы теории и методики исследования) : автореф. дис. ... доктора социол. наук / Е. Е. Письменная; Ин-т социально-политических исследований РАН. – М., 2009. – 64 с.
7. Солдатова, Г. У. Психология межэтнической напряженности / Г. У. Солдатова. – М. : Смысл, 1998. – 389 с.
8. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология : практикум / Т. Г. Стефаненко. – М. : Аспект Пресс, 2008. – 208 с.
9. Тенянюк, М. Ю. Миграционные процессы в республике Беларусь : социологический аспект / М. Ю. Тенянюк // Социальное образование : стратегии инновационного развития : сб. науч. ст. / фил. Рос. гос. соц. ун-та в г. Минске; редкол. : И. В. Тимошенко (гл. ред.) [и др.]. – Мн. : РИВШ, 2010. – С. 52 - 57.
10. Ткаченко, Н. В. Особенности влияния этнонациональных установок на этнические предубеждения в раннем юношеском возрасте : дис. ... канд. псих. наук / Н. В. Ткаченко, Московский городской психолого-педагогический ун-т. – М., 2009. – 194 с.
11. Cherry, F. The nature of the nature of prejudice / F. Cherry // Journal of the History of the Behavioral Sciences. – 2000. – Vol. 36 (4). – P. 489 – 498.

Ковальчук Е. Г. – студентка 3 курса факультета философии и социальных наук БГУ

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры психологии БГУ, кандидат психологических наук, доцент Ю. С. Смирнова

УДК 159.947.3

КОНДРАТ О. Ю.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СПОСОБНОСТИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И СТИЛЯ ОСОЗНАННОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ У СУБЪЕКТОВ С РАЗЛИЧНОЙ РЕФЛЕКСИВНОСТЬЮ

Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи способности прогнозирования и стиля осознанной саморегуляции у субъектов с различной рефлексивностью. Полученные данные позволяют сделать выводы о наличии взаимосвязи между способностью к прогнозированию и стилем осознанной саморегуляции у субъектов с различной рефлексивностью. Практическая значимость данного исследования состоит в том что, что

использование его результатов может способствовать развитию способностей к прогнозированию и осознанной саморегуляции в юношеском возрасте на этапе самоопределения в учебной деятельности, в будущей профессии.

В современной психологии осознанной саморегуляцией называют системно организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижение принимаемых человеком целей [3].

Стилевыми особенностями саморегуляции называют такие особенности саморегуляции человека, которые устойчиво проявляются в различных видах произвольной активности, в поведении и практической деятельности. Среди стилевых особенностей саморегуляции различают стилевые особенности, характерные для регуляторных процессов планирования, моделирования, программирования и оценки результатов, реализующих различные звенья системы саморегуляции. Кроме того, выделены стилевые особенности, которые являются характеристиками целостной системы саморегуляции и одновременно обнаруживают свою принадлежность к личности как субъекту произвольной активности и являются ее свойствами [4].

Прогнозирование понимается как «специальное научное исследование, предметом которого выступают перспективы развития явления». В отличие от других форм опережающего отражения, прогнозирование имеет целенаправленный характер. При этом сознательно ставится цель получения прогноза, исследуются или подбираются основания для его построения, иногда определяется форма, в которой должен быть получен прогноз. Это может быть прогностическое умозаключение, образ будущего в виде модели, план будущего, гипотеза [5].

В состав рефлексии по необходимости входит вся система интегральных процессов. Однако они включаются в состав рефлексии не только в плане их направленности на решение непосредственно регулятивных задач, но и в плане направленности на решение саморегуляции, т.е. по отношению к регуляции внутренней деятельности. Следовательно, сама рефлексия как процесс синтезирует всю систему интегральных процессов и в значительной степени состоит в таком синтезе. Те свойства, которые обычно выделяются посредством анализа в процессе осознанной саморегуляции (вообще в сознании как в феномене), являются свойствами каждого из интегральных процессов и их совокупности: целенаправленность, возможность идеального предвосхищения результатов поведения (антиципирование), Свобода выбора (принятия решения), упорядоченность и осмысленность поведения (его планируемость и прогнозируемость), атрибут «отчёта о своих действиях» (контролируемость). Таким образом, можно говорить о некотором характере взаимосвязи между стилем осознанной саморегуляции и способностью к прогнозированию личности [1, 2].

Гипотеза настоящего эмпирического исследования состоит в предположении о том, что существует взаимосвязь между способностью к прогнозированию и стилем осознанной саморегуляции у субъектов с различной рефлексивностью.

Эмпирический материал собирался с помощью опросника «Стиль саморегуляции поведения – ССП-98» (В. И. Моросанова), методика «Диагностика рефлексии» (А. В. Карпов), методики «Способность к прогнозированию» (Л. А. Регуш).

При статистической обработке полученных данных мы использовали коэффициент ранговой корреляции Спирмена (R), U-критерий Манна-Уитни и H-критерий Крускалла-Уоллиса.

Математической и статистической обработке были подвергнуты 288 бланков с ответами 96 испытуемых. С целью выделения типологических групп испытуемых с высокой и низкой рефлексивностью была проведена стандартизация данных всей выборки. В результате стандартизации выделены три группы испытуемых. В группу высокорефлексивных вошло 12 испытуемых, в группу низкорефлексивных – также двенадцать испытуемых. У 72 испытуемых зафиксированы средние показатели рефлексивности, и мы отнесли их к группе лиц с амбивалентной рефлексивностью.

Таблица 1 – Взаимосвязь способности прогнозирования и стиля осознанной саморегуляции у высоко- и низкорефлексивных субъектов

Шкалы ССП 98	Способность к прогнозированию							
	Вся выборка N = 96		Высокая рефлексивность N = 12		Амбивалентная рефлексивность N = 72		Низкая рефлексивность N = 12	
	R	p	R	p	R	p	R	p
Шкала планирования	-	-	-	-	-	-	-0,59	0,039313
Шкала моделирования	-	-	-	-	-	-	0,58	0,045500

Шкала программирования	0,27	0,006706	-	-	-	-	-	-
Шкала оценки результатов	-	-	-	-	-	-	0,58	0,046484
Шкала гибкости	0,30	0,002371	0,88	0,000154	-	-	-	-
Шкала самостоятельности	-	-	-	-	-	-	-	-
Общий уровень саморегуляции	0,31	0,001495	-	-	0,26	0,026456	-	-

Из данных таблицы 1 видно, что на всей выборке испытуемых зафиксирована прямая корреляционная связь средней силы способности к прогнозированию с общим уровнем осознанной саморегуляции поведения ($R = 0,31$, $p = 0,001495$), а также с регуляторным процессом программирования ($R = 0,27$, $p = 0,006706$) и личностным свойством «гибкость» ($R = 0,30$, $p = 0,002371$). Из этого следует, что чем выше уровень программирования ($R = 0,27$, $p = 0,006706$), уровень гибкости ($R = 0,30$, $p = 0,002371$), а также общий уровень саморегуляции ($R = 0,31$, $p = 0,001495$), тем выше способность к прогнозированию и наоборот. Таким образом, у субъекта, способного прогнозировать, сформирована потребность в осознанном планировании деятельности, его планы в этом случае реалистичны, детализированы, иерархичны, действенны и устойчивы, цели деятельности выдвигаются самостоятельно. Субъект демонстрирует пластичность всех регуляторных процессов. При способности прогнозирования он легко перестраивает планы и программы исполнительских действий и поведения даже в случае возникновения непредвиденных обстоятельств. При возникновении рассогласования полученных результатов с принятой целью своевременно оценивает сам факт рассогласования, вносит коррекцию в регуляцию. Субъект, способный прогнозировать, позволяет адекватно реагировать на быстрое изменение событий и успешно решать поставленную задачу в ситуации риска.

Из данных таблицы также следует, что была выявлена взаимосвязь между уровнем гибкости ($R = 0,30$, $p = 0,002371$) и способностью прогнозирования у высокорефлексивных субъектов ($R = 0,31$, $p = 0,001495$). Можно сказать, что чем выше уровень гибкости у высоко рефлексивных субъектов, тем выше способность к прогнозированию. Соответственно данный субъект, способный прогнозировать, быстро и адекватно реагирует на какое-либо действие; легко переключается с одного действия на другое; при возникновении неожиданной ситуации успешно пытается её разрешить.

Из данных таблицы видно, что взаимосвязь была выявлена между уровнем планирования ($R = 0,31$, $p = 0,001495$), моделирования ($R = 0,31$, $p = 0,001495$), оценки результатов и способностью прогнозирования ($R = 0,31$, $p = 0,001495$) у низко рефлексивных субъектов. Из этого следует, что чем выше способность к прогнозированию, тем ниже уровень планирования ($R = 0,31$, $p = 0,001495$). Таким образом, субъект, способный прогнозировать, не имеет такой потребности, как в осознанном планировании своей деятельности, его действия не будут последовательны и самостоятельны. Способность к прогнозированию данного субъекта заключается в умении выделять значимые условия достижения целей как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем, что проявляется в адекватности программ действий планам деятельности, соответствии получаемых результатов принятым целям. В условиях неожиданно меняющихся обстоятельств, при смене образа жизни, такие субъекты способны гибко изменять модель значимых условий и, соответственно, программу действий. Субъект, способный прогнозировать адекватно оценивает сам факт рассогласования полученных результатов с целью деятельности и при этом гибко адаптируется к изменяющимся условиям.

Выводы.

Выявленные взаимосвязи подтверждают выдвинутую нами гипотезу. На основе результатов, полученных на всей выборке испытуемых, можно утверждать, что чем выше общий уровень саморегуляции, тем выше способность к прогнозированию и наоборот.

У высокорефлексивных субъектов хорошо выражен уровень гибкости, что позволяет быстро и адекватно реагировать на какое-либо действие; легко переключается с одного действия на другое; при возникновении неожиданной ситуации успешно пытается её разрешить.

У низкорефлексивных субъектов выявлена взаимосвязь между регуляторными процессами моделирования и оценки результатов и способностью к прогнозированию, что позволяет им адекватно оценивать себя и свои возможности, а также умение выделять значимые условия достижения целей как в текущей ситуации, так и в перспективном будущем.

У субъектов с амбивалентной рефлексивностью хорошо выражен общий уровень саморегуляции, что позволяет самостоятельно, гибко и адекватно реагировать на изменение условий, а также легко овладевать новыми видами активности, увереннее чувствовать себя в незнакомых ситуациях.

Список литературы

1. Карпов, А. В. Психология рефлексивных механизмов деятельности / А. В. Карпов. – М.: Институт психологии РАН, 2004. – 428 с.
2. Карпов, А. В. В. Психология рефлексивных процессов управления / А. В. Карпов, В. В. Пономорева. - М.; Ярославль: ДИА-пресс, 2000.
3. Конопкин, О. А. Осознанная саморегуляция как критерий субъективности / О. А. Конопкин // Вопросы психологии. – 2008. - №3. - С. 22 - 34.
4. Конопкин, О. А. Стилевые особенности саморегуляции деятельности / О. А. Конопкин, В. И. Моросанова // Вопросы психологии. - 1989. - № 5. - С. 18 - 26.
5. Регуш, Л. А. Психология прогнозирования: успехи в познании будущего / Л. А. Регуш. – СПб. Речь, 2003. – 352 с.

Кондрат О. Ю. – студентка 4 курса факультета психологии ГрГУ им. Янки Купалы

Научный руководитель – доцент кафедры экспериментальной и прикладной психологии ГрГУ им. Я. Купалы, кандидат психологических наук, доцент П. Р. Галузо

УДК 37.013

КРУК Ю. А.

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ПОЗНАНИЕ В ГРУППАХ ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМИ СТАТУСАМИ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи уровня развития способов межличностного познания и личностной идентичности в подростковом возрасте. Полученные данные позволяют сделать выводы о наличии прямой взаимосвязи между уровнем развития способов межличностного познания и личностной идентичностью у подростков. Результаты нашего исследования могут найти применение в разработке методики рефлексивного формирования способов межличностного познания у подростков, от чего в свою очередь зависит качество и продуктивность межличностных отношений и что позитивно влияет на развитие личностной идентичности.

Современное общество предъявляет достаточно высокие требования к уровню зрелости старшеклассников в связи с тем, что сразу по окончании школы они сталкиваются с необходимостью профессионального и личного выбора. Развитие личностной и социальной зрелости выпускников является одной из задач современной школы. Обеспечение личностного роста подрастающего поколения определяется комплексом разнообразных факторов, среди которых немаловажную роль играют психологические. Многие из них хорошо известны, однако в должной мере не изучены и нуждаются в дальнейшем научном анализе. К разряду таких психологических явлений относятся феномены личностной идентичности и межличностного познания.

Современная социальная среда с ее многовариантностью путей самоопределения и конкуренцией предъявляет новые требования к жизненной позиции и активности личности. Востребованными становятся такие субъективные характеристики, как личностная стойкость, «опора на себя», стремление к жизненному успеху и достижениям, постоянное саморазвитие. Вместе с тем, социально-психологические исследования последних лет показывают некоторые негативные характеристики социальной позиции современных российских подростков: инфантилизм как отсутствие осознанных и самостоятельных решений в значимых областях жизни, перенос ответственности за свою жизнь, социальная апатия, дефицит смысла будущего, гедонистическое и ситуативное восприятие своей жизни. Все это проявления, которые еще Э. Эриксонем были названы «спутанностью идентичности».

Под идентичностью в широком смысле понимают переживание человеком собственной уникальности, целостности и самоидентичности, а также чувство принадлежности к определенной социальной группе (расе, конфессии, политической партии и т.д.) [4, с. 12]. В соответствии с концепцией Э. Эриксона, в подростковом возрасте личностная зрелость определяется уровнем сформированности так

называемой «целостной (или достигнутой) идентичности». В отечественной психологии понятие «идентичность» рассматривается как близкое понятию «самоопределение» [1, с. 66]. Дж. Марсиа выделяет четыре статуса идентичности: достигнутая идентичность (самостоятельно осуществлён активный поиск решения проблемы, и оно принято), мораторий (идет активный поиск, но решение не принято), предрешение (собственный внутренний поиск не осуществлен, а решение принято под воздействием внешних обстоятельств), диффузная идентичность (поиск и выбор решения отсутствуют) [5, с. 557].

Многие авторы отмечают, что статус личностной идентичности служит интегральным показателем развития личности в подростковом возрасте. В этих работах изучаются проблемы стихийного становления статусов личностной идентичности подростков, а в качестве предмета исследования в первую очередь выступают содержание, структура, свойства различных статусов, а также факторы, влияющие на их генез и функционирование [4, с. 15; 5, с. 552]. Возможности и перспективы, а также особенности формирования личностной идентичности остаются малоисследованными.

Эльконин Д. Б. считает, что ведущей деятельностью, в рамках которой формируются основные новообразования подросткового возраста, является межличностное общение. Эффективность этого процесса во многом зависит от адекватности восприятия подростком образа сверстника, формирующегося в процессе межличностного взаимодействия. Согласно результатам исследований, выполненных Н. А. Рождественской и под ее руководством, адекватность понимания другого человека во многом определяется уровнем развития способов межличностного познания.

Результаты эмпирического исследования А. В. Сорина, полученные на выборке 194 подростка 13-15 лет, учащихся 8 и 10-х классов школ разного типа, подтвердили гипотезу, согласно которой в подростковом возрасте рефлексивное формирование стратегий межличностного познания способствует становлению более зрелых статусов личностной идентичности и развитию когнитивной сложности имплицитных теорий самовосприятия. Опираясь на эти данные, логично предположить, что у подростков стратегии межличностного познания находятся в причинно-следственных отношениях со статусом личностной идентичности [3].

Дж. Марсиа для операционализации теоретического конструкта «личностная идентичность» предложил концепцию статусов Эго-идентичности, ставшую впоследствии популярной и используемой в большом количестве исследований как отечественной, так и зарубежной психологии. Модификацию на российской выборке разработанного Дж. Марсиа комплекса методик, направленных на установление статуса личностной идентичности, провела В. Р. Орестова под руководством О. А. Карабановой. Входящая в состав этого комплекса методика незавершенных предложений позволяет определить как общий статус эго-идентичности, так и степень ее сформированности в определенных сферах (профессии, религии, политики, любви, дружбы, семьи, взаимоотношений полов) [1, с. 66].

Целью нашего эмпирического исследования являлось изучение взаимосвязи между уровнем развития способов межличностного познания и статусами личностной идентичности в подростковом возрасте.

Для диагностики сформированности способов межличностного познания мы использовали методику «Диагностика способов межличностного познания у подростков» [2, с. 68]. Методика состоит из 6 заданий, выполнение каждого из которых требует применения одного из способов межличностного познания:

- 1) использование адекватных и существенных критериев оценки сторон личности другого (мировоззрения, интеллекта, воли, эмоций, стиля общения и способностей);
- 2) использование вероятностных суждений о личностных особенностях и поведении человека;
- 3) оценка воздействия на человека таких внутренних и внешних факторов, как его личностные свойства, эмоциональные состояния и состояние здоровья, а также окружающие люди, обстоятельства и условия жизни;
- 4) всесторонняя оценка личностных свойств сверстника;
- 5) оценка личностных особенностей другого в их развитии; проверка своих суждений о сверстнике в типичной для него практической деятельности.

Для диагностики статуса личностной идентичности респондентов нами была использована методика «Незаконченные предложения», адаптированная В. Р. Орестовой под руководством О. А. Карабановой, позволившая определить общий статус эго-идентичности. С каждым респондентом работа проходила индивидуально.

С целью математической обработки полученных данных был использован непараметрический метод ранговой корреляции Тау-Кендала, который позволил выявить связь между данными общей Эго-идентичности и уровнем развития способов межличностного познания.

В результате эмпирического исследования нами была выявлена прямая статистически значимая функциональная взаимосвязь между уровнем развития способов межличностного познания и статусом

личностной идентичности. Статистическая обработка полученных данных и их анализ позволяют заключить, что балльная оценка степени овладения способами межличностного познания значимо коррелирует с общим баллом по Эго-идентичности ($r = 0.365$, $p \leq 0.05$): у большинства респондентов общий уровень сформированности способов межличностного познания находится в диапазоне средних значений и коррелирует со средним баллом личностной идентичности исследуемых нами подростков.

Также была выявлена корреляция между общим баллом личностной идентичности и одним из способов межличностного познания ($r = 0.349$, $p \leq 0.05$) – «использование вероятностных суждений о личностных особенностях и поведении человека». У подростков с высокими и средними баллами личностной идентичности уровень развития данного способа межличностного познания выше. Результаты исследования свидетельствуют о том, что гипотеза о существовании связи между статусом личностной идентичности и уровнем развития стратегий межличностного познания в подростковом возрасте подтвердилась.

Современный человек в повседневной жизни пользуется недостаточно эффективными способами познания и понимания другого человека, от чего в свою очередь зависит качество и продуктивность межличностных отношений. Сензитивным периодом для формирования способов межличностного познания является подростковый возраст.

В связи с полученными результатами нашего исследования можно предположить, что формирование способов межличностного познания позитивно влияет на развитие личностной идентичности у подростков, однако эти связи носят опосредованный характер. Подтверждение данного предположения является целью наших ближайших исследований.

Список литературы

1. Орестова, В. Р. Методы исследования идентичности в концепции статусов эго-идентичности Дж. Марсиа / В. Р. Орестова, О. А. Карабанова // Психология и школа. -2005. - № 1. - С. 39 – 90.
2. Рождественская, Н. А. Диагностика способов межличностного познания подростков: апробация методики / Н. А. Рождественская, А. В. Сорин // Вестн. Моск. ун-та. - Сер.14. - Психология. - 2009. - №4. - С. 67 - 76.
3. Сорин, А. В. Связь статуса идентичности с уровнем владения способами межличностного восприятия в подростковом возрасте // Материалы научно-практических конгрессов III Всерос. форума «Здоровье нации – основа процветания России» (Москва, 10.05.2007). - Т. 3. - М., 2007. - С. 487.
4. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эриксон. - М.: Прогресс, 1996.
5. Marcia, J. E. Development and validation of ego-identity status / J. E. Marcia // J. of Personality and Social Psychology. - 1975. - Vol. 3. - P. 551 – 558.

Крук Ю. А. – студентка 5 курса факультета психологии ГрГУ им. Я. Купалы

Научный руководитель – зав. кафедрой иностранных языков ГрГУ им. Я. Купалы, кандидат психологических наук, доцент О. К. Шульга

УДК 316.6 : 37.013.28]-053.6-057.874

КУЗМИЦКАЯ Ю. Л.

СОГЛАСОВАННОСТЬ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВОЗДЕЙСТВИЙ РОДИТЕЛЕЙ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО И ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

В статье обсуждаются вопросы дисциплинирования в семьях школьников. Детальному анализу подвержена проблема согласованности (взаимосвязи и взаимовлияния) дисциплинарных воздействий родителей по отношению к ребенку. Взаимно согласованным дисциплинарным воздействием в отношении детей младшего школьного и подросткового возраста выступает психологическая агрессия (повышение голоса, крики, различного рода ругательства, произнесение определенного рода угроз).

Одним из базовых компонентов родительско-детских отношений выступает дисциплинирование. *Дисциплинирование* понимается как действия, которые применяются родителями в целях регулирования поведения детей, предотвращения и профилактики возникающих проступков. Само понятие «дисциплина» в психологии имеет ряд неоднозначных теоретических взглядов и позиций, в отличие от понимания данной категории в педагогике. Дисциплина понимается, с одной стороны, как контроль за поведением ребенка посредством либо наказаний, либо поощрений [4]. С другой стороны, дисциплина определяется как процесс формирования у детей самоконтроля, волевых черт характера, самоуважения, уважения к другим и подчинение правилам [1]. Такая интерпретация категории «дисциплина» задает и определенное отношение со стороны как родителей, так и детей. В первом случае с дисциплиной связывают ряд отрицательных чувств, переживаний и последствий, в то же время дисциплина как процесс формирования самоконтроля в сознании большинства родителей связана с положительными, конструктивными последствиями.

Главным условием, обеспечивающим эффективность дисциплины ребенка, выступает единообразие и *согласованность дисциплинарных воздействий* со стороны родителей по отношению к ребенку. Соблюдение данного условия позволяет обеспечить, во-первых, стабильность детского реагирования на воспитательные воздействия родителей, во-вторых, снижает вероятность возникновения у детей невротических расстройств, нарушений поведения, агрессивного поведения и негативизма [4]. Непоследовательность в родительских дисциплинарных требованиях (когда один родитель, например, наказывает, а другой поощряет) дает ребенку рычаги манипулирования, что делает родительские дисциплинарные меры неэффективными.

В психологической литературе были сделаны попытки дифференциации (типы, техники, виды) дисциплинарных воздействий, описаны половозрастные различия в способах дисциплинирования детей родителями, как матерью, так и отцом, в то время как данных о согласованности действий родителей при разрешении проступков ребенка в психологической литературе нами не обнаружено.

По данным Р. Каас, Дж. Уотерс выделяют три основные *техники дисциплинирования ребенка* [4]: эмоциональное наказание; техника, основанная на утверждении силы; разъясняющая техника. *Эмоциональное наказание* – дисциплинарная форма, при которой родители воздействуют на чувства ребенка. Эмоциональное наказание выражается в следующих действиях родителей: отказ разговаривать с ребенком, лишение его родительской любви, изоляция ребенка, стимуляция чувства вины. Это наиболее сильный способ воздействия на ребенка, так как в этом случае действует сильная угроза – страх потери любви со стороны родителей. *Техника, основанная на утверждении силы*, включает в арсенал дисциплинирования физические наказания, лишение удовольствий и материальных ресурсов. В этом случае механизмом управления поведением ребенка является страх наказания. Наказывая ребенка, родители добиваются краткосрочного комфорта, но не могут повлиять на общую динамику развития. *Разъясняющая техника* является относительно мягким способом дисциплинирования, который характеризуется попытками объяснения проступков ребенка.

Таким образом, под *дисциплиной* можно понимать действия родителей или взрослых в ответ на совершаемый ребенком проступок с целью изменения или исправления его поведения [1]. Сущность родительской дисциплины состоит в приведении поведения детей в соответствие с родительскими представлениями и требованиями.

С целью определения согласованности дисциплинарных воздействий родителей в отношении детей было проведено эмпирическое исследование.

Метод и методика исследования. Метод исследования – опрос, методика: «Шкала тактики поведения родителей в дисциплинировании ребенка К. Меберта и М. А. Строоса». Для установления тактик, используемых родителями, на выборке младших школьников применялся рисуночный вариант данной методики [3].

Целью данной методики является: установление основных тактик используемых родителями (матерью и отцом) в настоящий момент по отношению к своим детям при разрешении, возникающих в повседневной жизни семьи конфликтных ситуаций по вопросам исправления проступков ребенка. Данная методика позволяет измерить уровень (степень выраженности) и вид дисциплинарных воздействий. М. А. Строос выделяет следующие шкалы, определяющие действия применяемые родителями в дисциплинировании. *Профилактическое дисциплинирование* – действия, которые применяются родителями в целях регулирования поведения детей, предотвращения и профилактики возникшего проступка (объяснение и разъяснение, предоставление возможности исправиться). *Психологическая агрессия* – вербальные и символические действия (повышение голоса, крики, различного рода ругательства, произнесение оскорбительных слов; произнесение определенного рода угроз). *Физическая агрессия* – физические нападения, применение физической силы родителями по отношению к своим детям (от культурно законного телесного наказания до преступных действий физического нападения).

Результаты эмпирического исследования.

Автором работы ранее были изучены особенности дисциплинарных воздействий родителей в семьях детей младшего школьного и подросткового возраста.

В исправлении проступков младших школьников отцы в большей степени применяют различные способы физического воздействия (телесные наказания, проявление жестокости и проявление чрезмерной жестокости), нежели матери. Матери в большей степени прибегают к использованию вербальных способов (дисциплинирование, психологическая агрессия). Преобладающими дисциплинарными тактиками со стороны матери по отношению к девочкам является профилактическая дисциплина, психологическая агрессия, как более «мягкие, женские» модели поведения; со стороны отца по отношению к сыну в сравнении с матерью чаще применяются телесные наказания, проявление жестокости и физическая жестокость, как более «жесткие, мужские» модели поведения [2].

Полученные данные позволяют говорить о достаточно традиционном распределении среди родителей моделей семейного воспитания, и как результат демонстрация мужских и женских моделей поведения родителями в соответствующем направлении (материнская модель в отношении девочек, отцовская модель воспитания в отношении мальчиков) [2].

В изучении тактик дисциплинирования в семьях подростков полученные результаты касаются использования психологической агрессии и телесных наказаний: данные тактики матери чаще, нежели отцы, используют в отношении детей. Матери чаще, чем отцы, используют психологическую агрессию в отношении мальчиков-подростков, а в отношении девочек-подростков – психологическую агрессию и телесные наказания. Существенных различий в использовании матерью и отцом определенных тактик в зависимости от пола ребенка выявлено не было [2].

Проведение ковариационного анализа позволило установить различия в согласованности родительских дисциплинарных воздействий.

Особенности в согласованности родительских тактик по отношению к детям младшего школьного возраста. В большей степени применение матерями тактики психологической агрессии влияет на использование отцами психологической агрессии ($F = 20,712$, $p \leq 0,001$); а также были выявлены влияния профилактической дисциплины – на проф. дисциплину ($F = 11,219$, $p \leq 0,002$); телесных наказаний – на телесные наказания ($F = 4,846$, $p \leq 0,033$). В свою очередь применение отцами профилактической дисциплины в большей степени влияет на использование матерями дисциплинирования ($F = 15,028$, $p \leq 0,001$), чем психологическая агрессия – на психологическую агрессию ($F = 12,818$, $p \leq 0,001$), а так же проявление жестокости – на профилактическую дисциплину ($F = 4,551$, $p \leq 0,038$). Данные корреляционного анализа позволили подтвердить полученные результаты. Было выявлено, что наиболее согласованными тактиками дисциплинирования у матерей и отцов по отношению к детям младшего школьного возраста являются: профилактическая дисциплина ($r = 0,56$, $p \leq 0,001$), психологическая агрессия ($r = 0,55$, $p \leq 0,001$); не согласованными оказались материнские тактики: телесные наказания, проявление жестокости, которые обнаруживают свое влияние, но при этом не взаимосвязаны.

Результаты эмпирического исследования показали различия в согласованности дисциплинарных тактик родителями по отношению к мальчикам и девочкам младшего школьного возраста.

Использование матерями профилактической дисциплины в разрешении конфликтов с мальчиками влияет на использование отцами проф. дисциплины ($F = 6,625$, $p \leq 0,018$), психологической агрессии – на психологическую агрессию ($F = 12,218$, $p \leq 0,002$). В разрешении конфликтов с девочками использование психологической агрессии влияет на использование психологической агрессии отцами ($F = 18,434$, $p \leq 0,001$) в большей степени, чем влияет использование телесных наказаний на психологическую агрессию ($F = 10,399$, $p \leq 0,004$), профилактической дисциплины – на проф. дисциплину ($F = 5,446$, $p \leq 0,030$).

Использование отцами дисциплинирования мальчиков влияет на использование профилактической дисциплины матерями ($F = 12,496$, $p \leq 0,002$) в большей степени, чем использование психологической агрессии – на психологическую агрессию ($F = 7,592$, $p \leq 0,013$). В исправлении проступков девочек использование профилактической дисциплины отцами влияет на проф. дисциплину девочек матерями ($F = 4,706$, $p \leq 0,042$), а так же использование психологической агрессии влияет на психологическую агрессию ($F = 4,524$, $p \leq 0,045$).

Более детальный анализ взаимосвязей материнских и отцовских тактик дисциплинирования с помощью корреляционного анализа позволил подтвердить полученные результаты согласованности действий родителей. Было установлено, что наиболее согласованными действиями родителей как по отношению к мальчикам, так и к девочкам младшего школьного возраста оказались профилактическая дисциплина ($r = 0,70$, $p \leq 0,001$; $r = 0,50$, $p \leq 0,008$) и психологическая агрессия ($r = 0,72$, $p \leq 0,001$; $r = 0,56$, $p \leq 0,002$).

Особенности в согласованности родительских тактик по отношению к детям подросткового возраста. Использование профилактической дисциплины матерями влияет на использование проф.

дисциплины отцами ($F = 25,541$, $p \leq 0,001$), телесных наказаний – на телесные наказания ($F = 8,791$, $p \leq 0,004$), психологической агрессии – на психологическую агрессию ($F = 5,598$, $p \leq 0,004$), проявление жестокости – на проявление жестокости ($F = 7,077$, $p \leq 0,010$). Результаты влияния отцовских тактик на материнские носят следующий характер: профилактическая дисциплина – на проф. дисциплину ($F = 24,135$, $p \leq 0,001$), психологическая агрессия – на психологическую агрессию ($F = 7,248$, $p \leq 0,009$) и проявление жестокости ($F = 8,253$, $p \leq 0,005$), телесные наказания – на телесные наказания ($F = 7,048$, $p \leq 0,010$). Выявленные особенности подтверждаются результатами корреляционного анализа: использование обоими родителями профилактической дисциплины ($r = 0,49$, $p \leq 0,001$), телесных наказаний ($r = 0,39$, $p \leq 0,001$), психологической агрессии ($r = 0,36$, $p \leq 0,001$) положительно взаимосвязано.

Результаты исследования выявили особенности согласованности дисциплинарных тактик родителями в отношении мальчиков и девочек подросткового возраста.

Использование матерями профилактической дисциплины в отношении мальчиков влияет на использование отцами проф. дисциплины в большей степени ($F = 15,972$, $p \leq 0,001$), чем использование проявления жестокости – на психологическую агрессию ($F = 6,348$, $p \leq 0,016$), телесные наказания – на телесные наказания ($F = 4,488$, $p \leq 0,041$). В свою очередь использование профилактической дисциплины матерями в исправлении проступков дочерей влияет на использование дисциплинирования отцами ($F = 7,507$, $p \leq 0,010$), психологической агрессии на профилактическую дисциплину ($F = 6,324$, $p \leq 0,017$) и психологическую агрессию ($F = 6,355$, $p \leq 0,016$), телесных наказаний на телесные наказания ($F = 6,288$, $p \leq 0,017$).

Отцовская тактика профилактической дисциплины в отношении мальчиков согласована с материнской ($F = 15,617$, $p \leq 0,001$). В исправлении проступков девочек отцовские тактики влияют на материнские: дисциплинирование, примененное отцом, влияет на проявление жестокости матерью ($F = 8,251$, $p \leq 0,007$), психологическая агрессия – на проявление жестокости ($F = 7,960$, $p \leq 0,008$), телесные наказания – на телесные наказания ($F = 4,543$, $p \leq 0,040$), психологическая агрессия – на психологическую агрессию ($F = 4,389$, $p \leq 0,044$).

Анализ взаимосвязей родительских дисциплинарных мер с помощью корреляционного анализа позволил подтвердить полученные результаты. Наиболее согласованными действиями родителей в отношении мальчиков оказались: профилактическая дисциплина ($r = 0,55$, $p \leq 0,001$) и телесные наказания ($r = 0,38$, $p \leq 0,012$); положительная корреляция была также обнаружена во влиянии проявления жестокости как материнской тактики дисциплинирования на проявление психологической агрессии отцом ($r = 0,38$, $p \leq 0,014$). В разрешении конфликтов с девочками наиболее согласованными оказались также психологическая агрессия ($r = 0,48$, $p \leq 0,002$) и телесные наказания ($r = 0,43$, $p \leq 0,005$) между которыми была обнаружена положительная корреляция.

Таким образом, по результату проделанного анализа взаимовлияний и взаимосвязей дисциплинарных воздействий родителей в семьях школьников можно сделать следующие выводы:

Во-первых, наиболее согласованными дисциплинарными воздействиями родителей по отношению к детям младшего школьного возраста является профилактическая дисциплина и психологическая агрессия. Данные тактики исправления проступка ребенка также являются согласованными в отношении мальчиков и девочек.

Во-вторых, применительно к подросткам взаимное влияние обнаружено в использовании как матерью, так и отцом профилактической дисциплины, психологической агрессии и телесных наказаний. Более разнообразными в согласовании оказались тактики исправления проступков девочек (психологическая агрессия и телесные наказания), в то время как по отношению к мальчикам согласованно используется родителями только профилактическая дисциплина.

В-третьих, взаимное влияние обнаруживается на уровне использования родителями психологической агрессии в дисциплинировании детей и младшего школьного, и подросткового возраста.

Список литературы

1. Карабанова, О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учеб. пособие / О. А. Карабанова. – М.: Гардарики, 2005. – 320 с.
2. Кузмицкая, Ю. Л. Половозрастные различия дисциплинарных воздействий родителей в семьях школьников / Ю. Л. Кузмицкая // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. ст. - Минск : РИВШ, 2012. - С. 114 – 120.
3. Фурманов, И. А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция / И. А. Фурманов. – СПб.: Речь, 2007. – 480 с.

4. Waters, V. The rational-emotive point of view of discipline / D. Dorr, M. Zax, J. W. Bonner // Ш. The psychology of discipline. - New York: International Universities Press, Inc., 1988. - P. 65 – 98.

Кузмицкая Ю. Л. – аспирантка 2 года заочной формы обучения факультета философии и социальных наук БГУ

Научный руководитель – заведующий кафедрой психологии БГУ, доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов

УДК 159.923 – 053.85

ЛАСКО Е. С.

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЙ АСПЕКТ КРИЗИСА СЕРЕДИНЫ ЖИЗНИ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

В рамках данной статьи мы делаем попытку проанализировать, охарактеризовать и обосновать присутствие смысложизненного компонента в одном из наиболее ярких феноменов в развитии взрослого человека – кризисе середины жизни; рассмотреть определения данного кризиса, выделить и структурировать его основные проявления в функционировании личности, а также дать его теоретическое обоснование, исходя из концепций различных авторов. Целью нашей работы является нахождение взаимосвязи между данными феноменологическими единицами, а именно, рассмотрение кризиса середины жизни через присутствие в нём проявлений, связанных с утратой, изменением и прочими модификациями смысла жизни в психическом развитии личности в период взрослости.

Проблема кризиса середины жизни является весьма актуальной на современном этапе развития психологической науки. Выделение этапа расцвета личности – акме – это значимый момент в характеристике взрослого человека, структурные и содержательные аспекты которого активно изучаются в психологической науке [1, с. 130].

Однако в настоящее время количество исследований в этой области ограничено. Поэтому большинство современных исследований опирается на более ранние представления о данном феномене. В этой связи необходимо рассмотреть кризис середины жизни с точки зрения различных авторов.

Термин «кризис середины жизни», или «кризис сорока лет», был введён Левинсоном. Представление о кризисе середины жизни стало популярным и общеупотребимым. Однако многие исследователи сомневаются в том, что о кризисе середины жизни можно говорить как о чём-то происходящем в норме и со всеми людьми, в том числе потому, что люди, зная о том, что в 40 – 50 лет наступает кризис, склонны усугублять собственные проблемы, квалифицируя собственные переживания как проявления кризиса, в то время как на самом деле не испытывают кризисных переживаний. В связи с критикой в адрес нормативно хронологически определённых кризисов взрослости Г. Крайг в своей книге «Психология развития» описывает эти явления под симптоматичным названием «Миф о кризисе середины жизни». Она рассматривает две модели переходного возраста – модель перехода и модель кризиса. Модель перехода предполагает, что перемены в жизни заранее планируются, и потому человек оказывается способным справиться с ними. Модель кризиса – противоположная. При кризисном течении середины жизни происходит утрата иллюзий, возникает болезненная неспособность справиться с возможными проблемами – разводами, потерей работы, с физиологическими признаками надвигающейся старости.

Тем не менее, середина жизни в западной психологии рассматривается как время, когда люди критически переоценивают свою жизнь, анализируют её. Но следует обратить внимание на то, что независимо от модели (перехода или кризиса), речь идёт об особом рода рефлексии, о взгляде на собственную жизнь. Речь, собственно, идёт о том, что человек в какие-то периоды жизни «делает», а в другие – осмысливает сделанное [2, с. 81].

Личностная зрелость, достигаемая во взрослом периоде жизни, побуждает человека к рефлексии. Анализируя свои жизненные планы, потенциальные возможности и реальные успехи, человек оценивает результативность своей собственной жизни. Понимание того, что время, отпущенное на достижения,

оказалось прожито с меньшим коэффициентом полезности, осознание необратимости времени и упущенных возможностей способны вызывать явление, называемое кризисом середины жизни. Переживание этого кризиса может быть довольно драматичным. Собственно, как и всякий кризис, кризис середины жизни связан с обострением противоречий в сознании человека и необходимостью их решать, он может сопровождаться переживанием внутренних конфликтов, разочарованием и смятением.

Наиболее распространённым проявлением кризиса является переживание неприятия собственного соматического старения. Более или менее заметно начинают проявляться сенсомоторные изменения. Другим знаковым явлением кризиса середины жизни может стать явление «опустевшего гнезда». И третья сторона кризиса связана с переживанием профессиональной несостоятельности. Некоторые обнаруживают неудовлетворённость профессиональной карьерой, отсутствие любимого дела, неустроенность взаимоотношений на рабочем месте и т.п.

Таким образом, названные три сферы могут вызывать кризис середины жизни. Существует мнение, что переживание кризиса середины жизни обычно свойственно зрелым личностям, способным к объективной самооценке. Ряд исследователей, напротив, считают, что кризис середины жизни скорее исключение, чем правило, и переживается людьми несамодостаточными. У большинства же людей, напротив, переход в средний возраст происходит плавно и связан с тем, что на смену юношеским тревогам и мечтаньям приходят реалистичные ожидания и рассудочное отношение к жизни. [3, с. 226].

Развитие аффективной сферы в период средней зрелости протекает неравномерно. Средний возраст может быть периодом расцвета применительно к семейной жизни человека, его карьере или творческим способностям, но при этом люди всё чаще задумываются о том, что они смертны и что их время уходит. В зрелом возрасте люди часто испытывают депрессию и чувство одиночества. Желание человека среднего возраста действовать без промедления и тут же получать результат изменяет структуру его мотивации, смещая образующие её компоненты в сторону удовлетворения обостряющихся потребностей. В контексте этих изменений происходит осмысление и переоценка жизни в целом, корректировка сложившейся системы ценностей в трёх связанных между собой сферах: личной, семейной и профессиональной. Резкие социальные и жизненные изменения в любой из этих сфер могут вызвать мотивационный кризис, связанный с ослаблением или отказом от ведущего жизненного мотива – смысла жизни и образованием так называемого экзистенциального мотивационного вакуума, преодолеть который ему помогают основные жизнеобеспечивающие потребности в самоуважении и самореализации [4, с. 289].

Дискутируется в психологии точка зрения о том, является ли этот возрастной период критическим. Некоторые авторы полагают, что в 40 – 42 года происходит некий «взрыв», у человека появляются ощущение бессмысленности прожитой жизни, первые признаки утраты молодости и проблемы со здоровьем, изменяется сексуальная жизнь (Р. Гаулд, Д. Левинсон, Д. Вейлант). В период средней зрелости происходит переосмысление собственной жизни в трёх основных сферах: личного мира, мира семьи и профессионального мира. Резкие социальные изменения в любой из этих сфер жизни могут вызвать мотивационный кризис, сопровождающийся сменой или ослаблением ведущего жизненного мотива. Ключевой точкой мотивационного кризиса является утрата и поиск новых жизненных смыслов. Осмысленность жизни характеризуется целенаправленностью жизни, интересом, эмоциональной насыщенностью и наполненностью, результативностью жизни и удовлетворённостью самореализацией (направленность в прошлое), локусом контроля (представление о собственной свободе выбора, способности определять цели и достигать их), управляемостью жизнью (убеждение в способности человека контролировать свою жизнь). Осмысленность жизни создаёт у человека чувство «внутренней опоры» и самоуважения [5, с. 105].

Левинсон и коллеги предполагают, что «переход середины жизни – это время умеренного или даже тяжёлого кризиса», т.к. большинство людей неоднозначно относятся к среднему возрасту. Средний возраст может быть периодом расцвета применительно к семейной жизни человека, его карьере или творческим способностям, но при этом люди всё чаще задумываются о том, что они смертны, что их время проходит, а также о том, что их годы бегут всё быстрее и быстрее. Некоторых людей в середине жизни начинают беспокоить вопросы реализации своего творческого потенциала и необходимости передать что-то следующему поколению, мучить опасения по поводу творческого застоя и упущенных возможностей, одолевая заботы о том, как сохранить близкие отношения с родными и друзьями. С каждым значительным событием взрослые люди переоценивают свою жизнь. То, как люди относятся к этому настоящему внутреннему зову, наряду с происходящими в их жизни событиями, определяет, станет ли средний возраст этапом плавного перехода и переоценки ценностей или периодом кризиса. Таким образом, середина жизни – это то время, когда люди критически анализируют и оценивают свою жизнь [6, с. 649].

Таким образом, есть основания полагать, что в переживании кризиса середины жизни присутствует смысло-жизненный компонент, в частности, в концепциях, изучающих кризис середины жизни,

прослеживаются некоторые понятия, характерные для протекания смысложизненного кризиса. Для более полного описания смысложизненного компонента в развитии личности в период кризиса середины жизни следует обратиться непосредственно к такому явлению, как кризис смысла жизни, и изучить основные подходы к пониманию данной феноменологической единицы.

Так, смысложизненный кризис в развитии личности можно описать с точки зрения различных авторов. Франкл заявляет, что смысл существует для жизни. Хотя, он подчеркивает, что у каждого индивида есть смысл в жизни, которого никто другой не может воплотить, все же эти уникальные смыслы распадаются на три основные категории: 1) состоящие в том, что мы осуществляем или даем миру как свои творения; 2) состоящие в том, что мы берем у мира в форме встреч и опыта; 3) состоящие в нашей позиции по отношению к страданию, по отношению к судьбе, которую мы не можем изменить [7].

Чудновский рассматривает смысл жизни как некий «буферный механизм», не допускающий одностороннего подчинения «внешнему» и вместе с тем препятствующий превращению человека в раба собственных потребностей и влечений, но при определённых условиях может происходить деформация данного механизма – он начинает служить негативно формируемому формированию личности [8, с. 119].

Он выделяет следующие основные характеристики адекватности смысла жизни: «Реалистичность» смысла жизни – его соответствие, с одной стороны, наличным объективным условиям, необходимым для его осуществления, с другой – индивидуальными возможностями человека, и «Конструктивность» смысла жизни – характеристика, отражающая степень его позитивного или негативного влияния на процесс становления личности и успешность деятельности человека [9, с. 75].

Можно также выделить характерные субъективные и поведенческие признаки кризиса смысла жизни:

1) смысловая регуляция и смыслообразование индивидуального жизненного пути (понимание, переживание и реализация смысла жизни); 2) осознанная произвольная саморегуляция жизненного пути; 3) психологическое отношение к смерти; 4) переживания психологического времени и психологического возраста; 5) психологическое отношение к прошлому, настоящему и будущему; 6) жизнеспособность и построение субъективной картины жизненного пути; 7) переживания общей неудовлетворённости либо удовлетворённости жизнью; 8) субъективный контроль жизни [10, с. 22].

В качестве теоретической основы для изучения кризисов развития взрослого человека может использоваться психология жизненного пути личности. Функциональным ядром жизненного пути личности является смысл жизни. Поиск и реализация смысла жизни выступают как основные задачи и как наиболее общие предпосылки для утверждения личности в качестве субъекта жизни. Поэтому наиболее серьёзным кризисом становления зрелой личности видится смысложизненный кризис – системный кризис, разваливающий систему психической регуляции жизненного пути, блокирующий становление личности как субъекта жизни, подрывающий её психическое здоровье [11, с. 20].

Изучив основные теоретические и эмпирические представления о двух данных феноменах, можно сделать попытку рассмотрения этих кризисов в своём единстве.

Зрелый возраст – период стабилизации личности, период, когда уже накоплен значительный жизненный опыт и вместе с тем сохраняется достаточно далёкая жизненная перспектива. Однако характер такой стабилизации существенно обусловлен своеобразием формирования смысложизненных ориентаций на предыдущих возрастных этапах. В ряде случаев период зрелости может быть временем «ломки» смысложизненных ориентаций и поиска нового жизненного смысла [12, с. 6].

В рамках возрастного подхода упор в объяснении детерминант кризиса делается на внутренние закономерности и механизмы, универсально присущие процессу психического развития личности, в том числе её ценностно-смысловой сферы и смысла жизни. Качественно-количественные преобразования смысла жизни, которые приурочены к определённым возрастам, собственно говоря, и детерминируют кризис – переломный момент в переходе смысла жизни в новое качество. Причём смысложизненный кризис характеризуется авторами исключительно как кризис зрелости, который вызревает изнутри и «генерируется» собственной активностью зрелой личности, направленной на рефлексии и переоценку жизненных ценностей.

Также исследователи выделяют влияние целого комплекса дополнительных факторов (биологических, социально-культурных, уникально-биографических, индивидуально-психологических), которые наслаиваются на возрастную динамику смысла жизни и могут как отягощать, так и облегчать течение кризиса. Сам по себе кризис смысла жизни – это обязательный этап, без прохождения которого невозможно прогрессивное стабильное развитие в дальнейшем [13, с. 96].

Подводя итог, можно говорить о том, что смысложизненный компонент занимает очень важное место в таком нормативном феномене развития взрослого человека, как кризис середины жизни. Более того, кризис середины жизни можно назвать смысложизненным кризисом в развитии личности, т.к. он является нормативным кризисом в развитии личности в период зрелости, благодаря которому

достигается новый, более высокий уровень личностной зрелости за счёт переосмысления взрослым человеком собственных жизненных ценностей.

Список литературы

1. Фельдштейн, Д. И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: Избранные труды / Д. И. Фельдштейн – 2 изд. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2004. - С. 130.
2. Поливанова, К. Н. Психология возрастных кризисов: Учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений / К. Н. Поливанова. – М.: Издательский центр «Академия», 2000. - С. 81.
3. Першина, Л. А. Возрастная психология: учеб. пособие для вузов. – 2 изд. / Л. А. Першина. – М.: Академический Проект: Альма Матер, 2005. - С. 226.
4. Деркач, А. А. Акмеология: учебник / А. А. Деркач. – М.: Изд-во РАГС, 2004. - С. 279.
5. Поляков, А. М. Психология развития: учеб. пособие для студентов психологических и педагогических специальностей учреждений, обеспечивающих получение высшего образования. / А. М. Поляков – 2-е изд. – Минск: ТетраСистемс, 2009. - С. 105.
6. Крайг, Г. Психология развития. / Г. Крайг, Д. Бокум. – 9 изд. – СПб.: Питер, 2005. - С. 649.
7. Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия (перевод Т. С. Дробкиной) / И. Ялом. - М.: "Класс", 1999. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/yalom01/index.htm>.
8. Деркач, А. А. Проблемы смысла жизни / А. А. Деркач // Вопросы психологии. - 1999. - № 1. - С. 119.
9. Чудновский, В. Э. К проблеме адекватности смысла жизни / В. Э. Чудновский // Мир психологии. - 1999. - № 2. - С. 75.
10. Карпинский, К. В. Осознанная саморегуляция жизненного пути личности / К. В. Карпинский // Психологическая служба. - 2003. - № 4. - С. 22 - 31.
11. Карпинский, К. В. Психологическая характеристика смысложизненного кризиса / К. В. Карпинский // Белорусский психологический журнал. - 2005. - № 1. - С. 20 - 23.
12. Чудновский, В. Э. Психологические составляющие оптимального смысла жизни / В. Э. Чудновский // Вопросы психологии. - 2003. - № 3. - С. 6.
13. Карпинский, К. В. Теоретические подходы к исследованию смысложизненного кризиса в психологии / К. В. Карпинский // Вестник ГрГУ. - 2007. - № 2. - С. 96.

Ласко Е. С. – студентка 5 курса факультета психологии ГрГУ им. Я. Купалы

Научный руководитель – заведующий кафедрой экспериментальной и прикладной психологии ГрГУ им. Я. Купалы, кандидат психологических наук, доцент К. В. Карпинский

УДК 159.947:923.2

МИХНО Д. И.

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМООЦЕНКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ И МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Представлены результаты исследования взаимосвязи самооценки профессионально важных качеств и мотивации достижения у студентов-психологов. Было установлено, что существует связь между самооценкой профессионально важных качеств и мотивации достижения у студентов-психологов 5 курса.

В настоящее время вопросы профессионального образования стали необычайно популярной темой исследования. Это связано, прежде всего, с необходимостью качественной подготовки специалистов в вузе. В условиях современной социокультурной ситуации, создавшегося рынка труда резко обострилась проблема подготовки функционально грамотных специалистов, способных быстро адаптироваться к изменяющейся социальной и профессиональной среде [2].

Предполагается, что этим условиям удовлетворяет личностно-ориентированная стратегия образования, реализуемая белорусской высшей школой, согласно которой вузы не только готовят специалиста как профессионально обученного человека, но и способствуют всестороннему развитию личности студента, формируют его общий и социальный интеллект. В результате возникает качественно

новый эффект – образованный человек, компетентная личность, стремящаяся и способная к постоянному профессиональному самообразованию и личностному самосовершенствованию, то есть субъект профессиональной карьеры, имеющий выраженную мотивацию достижения [1].

В связи с расширением сферы услуг в области практической психологии актуальной является проблема качества профессиональной подготовки психолога.

Профессия психолога, обладающая возможностью оказывать влияние на индивида, на группу людей, решать их практические задачи, приобрела специфическую ценность для общества. С учетом особенностей профессиональной деятельности психолога, в частности психолога-практика, особое значение приобретает его ответственность за свою работу.

Специфика профессии психолога такова, что при отсутствии у последнего необходимых для успешной профессиональной деятельности соответствующих личностных качеств, каким бы багажом профессиональных знаний он ни обладал, даже при наличии хорошо сформировавшихся профессиональных умений и навыков, он не может считаться специалистом высшей квалификации.

Сегодня существует множество научных психологических изданий, в которых исследуются личностные особенности психолога, критерии эффективности практической работы психолога.

Таким образом, определяющим фактором в профессиональной деятельности психологов, в первую очередь, является формирование у них необходимых профессионально важных качеств.

Профессионально важные качества личности, безусловно, предполагают формирование, развитие, углубление, расширение как в процессе получения соответствующего образования, так и непосредственно в контексте самой трудовой деятельности. Вместе с тем, успешность выбора профессии во многом определяется исходными личностными предпосылками для ее осуществления. Другими словами, благодаря взаимодействию имеющихся ресурсов и приобретаемых в профессиональной среде можно получить квалифицированного и компетентного специалиста. В противном случае обнаруживается противоречие между личностью и деятельностью, не позволяющее качественно решать профессиональные задачи, с одной стороны, и получать удовольствие от самой деятельности в качестве ее субъекта – с другой [3].

В зарубежной психологии уже в 1930 - 1940-е гг. началось понимание того, что изучение отдельных свойств личности в профессиональной деятельности недостаточно, и исследователь, ограничивающий себя такими рамками, неизбежно заходит в тупик. Это повлекло за собой переход к многостороннему, так называемому характерологическому описанию, позволяющему дать целостную личностную оценку профессионала.

Вместе с тем, поскольку одной из важнейших задач обучения является развитие личности студента в процессе формирования будущего специалиста-профессионала, постольку обучение должно способствовать становлению студента как активного субъекта своей деятельности, способного преодолевать трудности, стремящегося к успеху, к высококачественному выполнению деятельности.

В этой связи, исследование самооценки профессионально важных качеств студентов с разной мотивацией достижения имеет большое значение для повышения эффективности психологического образования.

Учитывая данные обстоятельства, в качестве цели своего исследования мы выбрали изучение особенностей связи самооценки профессионально важных качеств и мотивации достижения у студентов-психологов.

Мы предположили, что между самооценкой профессионально важных качеств и мотивацией достижения у студентов-психологов существует прямая связь.

Исследование проводилось на выборочной совокупности из 120 человек, которую составили девушки в возрасте от 17 до 24 лет. Принявшие участие в исследовании респонденты – студенты 1, 3 и 5 курсов факультета психологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Испытуемым для выявления самооценки профессионально важных качеств и мотивации достижения студентов-психологов были предложены две методики. Первая – методика нахождения количественного выражения уровня самооценки С. А. Будасси. Вторая методика – методика диагностики личности на мотивацию к успеху Т. Элерса.

В целом для 1, 3 и 5-го курсов по методике Будасси были получены следующие результаты.

Наибольшую долю испытуемых составили студентки с заниженной самооценкой профессионально важных качеств – 40 % (48 человек), испытуемых с адекватной самооценкой оказалось – 31,7 % (38 человек). Наименьшую долю составили респонденты с завышенной самооценкой – 28,3 % (34 человека).

Полученные благодаря данной методике результаты были обработаны нами отдельно по каждому из курсов.

Так, на первом курсе наибольшую долю испытуемых составили девушки с завышенной самооценкой профессионально важных качеств – 37,5 % (15 человек), испытуемые с заниженной

самооценкой составили – 32,5 % (13 человек). Наименьшую долю первокурсников составили респонденты с адекватной самооценкой – 30 % (12 человек).

На третьем курсе наибольшую долю испытуемых составили девушки с заниженной самооценкой профессионально важных качеств – 37,5 % (15 человек), испытуемые с адекватной самооценкой оказались представлены – 35 % (14 человек). Наименьшую долю составили лица с завышенной самооценкой – 27,5 % (11 человек).

На пятом курсе наибольшую долю испытуемых составили лица с заниженной самооценкой профессионально важных качеств – 50 % (20 человек), испытуемые с адекватной самооценкой составили – 30 % (12 человек). Наименьшую долю респондентов составили лица с завышенной самооценкой – 20 % (8 человек).

Обобщая полученные данные, можно сделать вывод о том, что для студенток 3 и 5 курсов факультета психологии более типична заниженная самооценка профессионально важных качеств, по сравнению с завышенной и адекватной. Это может быть связано с тем, что данные студентки уже имеют полное представление о профессии психолога, о том, с чем им придется работать и как.

Вместе с тем, студентам первого курса присуща завышенная самооценка своих профессиональных качеств. Это может свидетельствовать о том, что данные студентки не имеют четкого представления о профессии психолога, о том, что должен делать психолог и какими качествами он должен обладать.

По методике мотивации достижения на той же выборке студентов были получены следующие результаты. В целом на первом, третьем и пятом курсах наибольшую долю испытуемых составили лица со средним уровнем мотивации достижения – 49,2 % (59 человек), испытуемые с умеренно высоким уровнем мотивации составили – 36,7 % (44 человека), а испытуемые со слишком высоким уровнем мотивации – 10,8 % (13 человек). Наименьшую долю испытуемых составили лица с низким уровнем мотивации достижения – 3,3 % (4 человека).

На первом курсе наибольшую долю испытуемых составили лица со средним уровнем мотивации достижения – 50 % (20 человек), испытуемые с умеренно высоким уровнем мотивации составили 32,5 % (13 человек), а испытуемые со слишком высоким уровнем мотивации – 12,5 % (5 человек). Наименьшую долю составили лица с низким уровнем мотивации достижения – 5 % (2 человека).

На третьем курсе наибольшую долю испытуемых составили лица со средним уровнем мотивации – 50 % (20 человек), испытуемые с умеренно высоким уровнем мотивации составили – 42,5 % (17 человек). Наименьшую долю испытуемых составили лица со слишком высоким уровнем мотивации – 7,5 % (3 человека). Лиц с низкой мотивацией достижения не выявлено.

На пятом курсе наибольшую долю испытуемых составили лица со средним уровнем мотивации достижения – 47,5 % (19 человек), испытуемых с умеренно высоким уровнем мотивации – 35 % (14 человек), а испытуемых со слишком высоким уровнем мотивации – 12,5 % (5 человек). Наименьшую долю составили лица с низким уровнем мотивации достижения – 5 % (2 человека).

Эти данные свидетельствуют о том, что для студентов первого, третьего и пятого курсов наиболее типичен средний уровень мотивации достижения.

Третий этап нашего исследования заключался в выявлении взаимосвязи самооценки профессионально-значимых качеств и мотивации достижения с помощью метода ранговой корреляции Спирмена в пакете Statistica 6.0.

Были составлены матрицы шкал по данным методикам отдельно для каждого курса.

Согласно полученным результатам, у студентов первого и третьего курса взаимосвязи между самооценкой профессионально важных качеств и мотивацией достижения не выявлено. Самооценка профессионально важных качеств у первокурсников не имеет оснований, так как у них нет полного представления о том, какими качествами должен обладать специалист-психолог. У студентов третьего курса отсутствие связи между самооценкой профессионально важных качеств и мотивацией достижения можно объяснить тем, что у них в большей степени присутствует теоретическая подготовка, нежели практическая.

Полученные данные подтвердили, что у студентов пятого курса существует прямая связь между адекватной самооценкой профессионально важных качеств и умеренно высокой мотивацией достижения (0,464395), а также между завышенной самооценкой профессионально важных качеств и слишком высокой мотивацией достижения (0,376551), т.е. это говорит о том, что чем выше самооценка профессионально важных качеств, тем выше мотивация достижения.

Также существует обратная связь между завышенной самооценкой профессионально важных качеств и умеренно высокой мотивацией достижения (-0,354284), т.е. чем выше самооценка, тем ниже мотивация достижения.

Можно сделать вывод о том, что выдвинутая нами гипотеза о существовании взаимосвязи между самооценкой профессионально-значимых качеств и мотивации достижения у студентов-психологов подтверждается, а именно: чем выше самооценка, тем выше мотивация достижения.

Список литературы

1. Багай, А. М. Взаимосвязь самооценки профессиональных компетенций и мотивации достижения у студентов как субъектов профессиональной карьеры / А. М. Багай [Электронный ресурс]. - 2012. – Режим доступа: <http://psf.grsu.by/index.php/nau4naya-rabota/nirs/publ-i-doklady.html>.
2. Бодров, В. А. Психология профессиональной пригодности / В. А. Бодров. – М.: ПЕРСЭ, 2001. - 511 с.
3. Маленов, А. А. Особенности формирования профессионального самосознания в процессе получения психологического образования / А. А. Маленов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/konfep/Home/2-sekcia/malenov>.

Михно Д. И. – студентка 5 курса факультета психологии ГрГУ им. Я. Купалы

Научный руководитель – доцент кафедры общей и социальной психологии ГрГУ им. Я. Купалы, кандидат психологических наук, доцент Т. К. Комарова

УДК.159.9:316.6

НАГОРНАЯ Т. А.

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЭМПАТИИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА

В основе исследования лежат идеи ученых, занимающихся изучением социального интеллекта и эмпатии. В статье представлены результаты исследования социального интеллекта и эмпатии у студентов психологического и экономического факультетов, на основе которых можно сделать вывод о существовании взаимосвязи между выраженностью эмпатии и факторами социального интеллекта.

Понятие «социальный интеллект» синонимично коммуникативно-познавательной активности личности и выступает как интеллектуально-творческая способность, определяющая успешность общения посредством социального интереса. Социальный интеллект определяет адекватность понимания процесса общения и поведения людей, адаптацию к различным системам взаимоотношений. Социальный интеллект трактуется как процесс идентификации, сотрудничества и альтруизма, он направлен на построение позитивных отношений с другими людьми посредством общения.

Социальный интеллект обеспечивает понимание поступков и действий, речи, а также невербального поведения (жестов, мимики) людей. Он выступает как когнитивная составляющая коммуникативных способностей личности и как профессионально важное качество для профессий типа «человек – человек» [6, с. 29].

Термин «социальный интеллект» был введен в психологию Э. Торндайком в 1920 году для обозначения «дальновидности в межличностных отношениях [6, с. 15]. В отечественной психологии понятие «социальный интеллект» было предложено Ю. Н. Емельяновым, который подразумевал под ним устойчивую, основанную на специфике мыслительных процессов способность понимать самого себя, а также других людей. Социальный интеллект включает в себя сензитивность - особую, имеющую эмоциональную природу, чувствительность к психическим состояниям других, их стремлениям, ценностям и целям. Сензитивность, по мнению исследователя, предполагает эмпатию – способность вчувствования, эмоционального резонанса на переживания другого [4, с.23].

Исследуя феномен сензитивности, М. К. Тутушкина определяет ее как способность воспринимать окружающий и внутренний мир, позволяющую ориентироваться в человеческих взаимоотношениях, гармонизировать свое поведение и эмоции. В числе базовых основ сензитивности, наряду с эмпатией, М. К. Тутушкина называет знание себя, самопознание. Именно глубина и точность характеристик самопознания дают человеку уверенность в собственных силах [8, с.120].

Одни авторы связывают эмпатию с эмоциональной чувствительностью, с альтруизмом, с терпимостью к другим людям [9, с.17]. Ряд авторов основным и достаточным проявлением эмпатии считают сопереживание, эмоциональный отклик на состояние другого [1, с.22]. Некоторые

исследователи рассматривают эмпатию как вид чувственного познания, способность ставить себя на место другого человека, понимать аффективные ориентации других [5, с.87]. Другие ученые полагают, что эмпатия является основой межличностного познания и осуществляется через механизмы идентификации, заражения, проекции, моторного подражания [7, с.31]. Ряд исследователей считают эмпатию перцептивным актом, обслуживающим межличностные отношения, и определяют ее как осознание уникальной неповторимости другого [2, с.148].

Мы рассматриваем эмпатию как системное образование, которое включает в себя когнитивный (понимание эмоционального состояния другого человека), аффективный (сопереживание или сочувствие, которые испытывает субъект к другому лицу), конативный (помощь объекту эмпатии) компоненты.

Когнитивный компонент характеризуется постижением «личностных смыслов» другого человека. Воспринимая внешнюю экспрессию и поведенческие реакции объекта эмпатии, эмпатизирующий определенным образом осмысливает поступающую информацию, т.е. приписывает конкретную социальную роль, которая организует совокупность воспринимаемой информации в познавательную структуру. Эмоциональный компонент эмпатического взаимодействия предполагает восприятие субъектом эмпатии эмоций эмпатизируемой личности, передаваемых по каналам межличностной коммуникации, и активное воспроизведение воспринимаемых переживаний в собственной психике. Конативный компонент включает комплекс коммуникативных средств, используемых партнерами общения для внешнего выражения своих психических состояний, которые, в конечном счете, воплощаются в активных поведенческих реакциях помощи и содействия объекту эмпатии [7, с.49].

Эмпатия, как и социальный интеллект, позволяет регулировать взаимоотношения между людьми, способствует оптимизации отношений в коллективе.

Нами проведено эмпирическое исследование взаимосвязи между эмпатией и социальным интеллектом на базе факультета психологии и факультета экономики и управления «Гродненского государственного университета им. Я. Купалы». Выборку в исследовании составили 80 студентов в возрасте 18 - 23 лет. Из них 40 студентов (5 юношей, 35 девушек) психологического и 40 студентов (9 юношей, 31 девушка) экономического факультетов.

Для изучения социального интеллекта студентов был выбран тест Дж. Гилфорда и М. Салливана «Диагностика социального интеллекта» [3, с. 283]. Выбор теста в качестве исследовательского инструментария связан как с тем, что тест валиден, является одним из наиболее распространенных в психологической исследовательской практике методов измерения социального интеллекта, так и с тем, что этот тест позволяет получить информацию об интегральных и составных факторах социального интеллекта.

Диагностика эмпатии у студентов проводилась с помощью методики эмпатических способностей В. В. Бойко [1, с. 82], которая позволяет выявить как основной показатель уровня эмпатии, так и значимость рационального, эмоционального, интуитивного параметров в структуре эмпатии. Дополнительно в своем исследовании мы использовали методику А. Меграбяна и Н. Эпштейна [5, с. 123] «Опросник общих эмпатийных тенденций», который позволяет проанализировать общие эмпатические тенденции испытуемого, и тест эмпатийного потенциала личности (метод экспресс-диагностики эмпатии), разработанный И. М. Юсуповым. [9, с. 24].

С целью определения методов статистической обработки применительно к нашему исследованию нами было решено проверить распределение эмпирических данных на нормальность. Для этого мы использовали критерий Колмогорова-Смирнова. Полученные данные не отклоняются от нормального распределения.

Для выявления статистических взаимосвязей между выраженностью эмпатии и уровнем социального интеллекта у студентов использовался коэффициент корреляции по методу Kendall Tau. (таблица 1)

Все полученные данные сведены в таблицы значений коэффициентов корреляции между выраженностью эмпатии и уровнем социального интеллекта (таблицы 1, 2).

Таблица 1 - Таблица значений коэффициентов корреляции между выраженностью эмпатии и уровнем социального интеллекта у студентов

Переменные	Бойко ОБЩ ур. Э	Рационал. К	Эмоцион. К	Интуит. К	Установки к Э	Способность к Э	Идентифи кация в Э
1 суб	0,010115	-0,062140	0,101241	- 0,012964	-0,083971	0,067547	-0,092931
2 суб	0,021398	0,049895	0,146810	- 0,092409	- 0,157810*	-0,072599	0,009050
3 суб	0,238563*	0,029397	0,108392	0,066766	0,133925	0,207930*	0,105252

4 суб	-0,038521	-0,038311	0,083885	- 0,072233	-0,049899	-0,093940	0,007339
КО	0,062838	-0,029910	0,144421	- 0,066371	-0,059872	0,053531	-0,030362

Примечание: * - обозначены статистически значимые различия в выраженности психологических переменных

Умеренная прямая корреляционная связь была обнаружена между фактором «познание преобразований поведения» и шкалой «проникающая способность в эмпатии» ($r = 0,2$): чем выше фактор «познания преобразований поведения», тем ярче выражена «проникающая способность в эмпатии», и наоборот. Исходя из этого, можно сказать, что студенты, которые создают атмосферу открытости, задушевности и доверительности, коммуникабельны, способствуют эмпатическому постижению; они способны находить соответствующий тон общения с собеседниками в разных ситуациях, имеют большой репертуар ролевого поведения, то есть проявляют пластичность, обладают высокой чувствительностью к характеру и оттенкам человеческих взаимоотношений, что помогает им быстро и адекватно понимать то, что люди говорят друг другу (речевую экспрессию) в контексте определенной ситуации межличностного общения. И в то же время, такие студенты не способны сопереживать пожилым людям, по отношению к ним они ограничивают диапазон эмоциональной отзывчивости и эмпатического восприятия (отрицательная корреляционная связь между фактором «познание преобразований поведения» и шкалой «эмпатия со стариками», $r = -0,19$). Сочувствие к старым людям, способность входить в эмоциональный резонанс с пожилыми людьми, способность понять их переживания обнаружена у студентов, которые способны предвосхищать дальнейшие поступки людей на основе анализа реальных ситуаций общения (семейного, делового, дружеского), предсказывать события, основываясь на понимании чувств, мыслей, намерений участников коммуникации. Такие студенты умеют четко выстраивать стратегию собственного поведения для достижения поставленной цели, умеют ориентироваться в невербальных реакциях участников взаимодействия и знают нормо-ролевые модели и правила, регулирующие поведение людей (умеренная прямая корреляционная связь между фактором «познание результатов поведения» и шкалой «эмпатия со стариками», $r = 0,17$).

Таблица 2 - Таблица значений коэффициентов корреляции между шкалами эмпатии и уровнем социального интеллекта у студентов

Переменные	Э с родит.	Э с живот.	Э со старик.	Э с детьми	Э с худ. Гер.	Э с незнаком.	Юсупов, общ.	Меграбян, общ.
1 субтест	- 0,02281 7	- 0,04418 1	0,166749*	0,04333 1	0,06410 1	-0,116322	0,021987	0,099899
2 суб	- 0,12467 5	0,14896 8	-0,021313	0,06217 8	- 0,10252 7	-0,092591	-0,069201	0,011033
3 суб	- 0,01142 5	0,04973 0	- 0,194455*	0,02005 6	- 0,02187 6	0,109680	-0,000344	-0,042527
4 суб	- 0,09578 0	0,01017 3	-0,086232	0,03260 7	0,07838 9	0,041311	-0,072466	0,007966
КО	- 0,11257 8	0,05871 0	-0,023023	0,04937 8	0,01214 0	0,013867	-0,057567	-0,001686

Примечание: * - обозначены статистически значимые различия в выраженности психологических переменных

Также была обнаружена значимая отрицательная корреляционная связь между фактором «познание классов поведения» и шкалой «установки, способствующие эмпатии» ($r = -0,15$): чем выше «фактор познания классов поведения», тем менее выражены «установки, препятствующие эмпатии». Студенты, способные правильно оценивать состояния, чувства, намерения людей по их невербальным проявлениям, также способны читать невербальные сигналы другого человека, осознавать их и сравнивать с вербальными. Именно такие студенты проявляют интерес к другому человеку, реагируют на переживания других.

Для определения различий в выраженности эмпатии и факторов социального интеллекта у студентов психологического и экономического факультетов был использован t-критерий Стьюдента для независимых групп (таблица 3).

У студентов психологического факультета наиболее выражены фактор «познания преобразований поведения» и фактор «познания систем поведения». Полученные данные свидетельствуют о том, что студенты психологического факультета обладают более высокой чувствительностью к характеру и оттенкам человеческих взаимоотношений, чем студенты экономического факультета, что помогает студентам-психологам быстро и правильно понимать то, что люди говорят друг другу (речевую экспрессию) в контексте определенной ситуации, конкретных взаимоотношений. Студенты-психологи способны находить соответствующий тон общения с собеседниками в разных ситуациях и имеют большой репертуар ролевого поведения. Студенты психологического факультета лучше анализируют сложные ситуации взаимодействия людей, понимают логику их развития, чувствуют изменение смысла ситуации при включении в коммуникацию различных участников; путем логических умозаключений они могут достраивать неизвестные, недостающие звенья в цепи этих взаимодействий, предсказывать, как человек поведет себя в дальнейшем, отыскивать причины определенного поведения. Анализ данных исследования обнаруживает, что студенты экономического факультета иногда могут испытывать трудности в анализе ситуаций межличностного взаимодействия и, как следствие, имеют затруднения при адаптации к разного рода взаимоотношениям между людьми (семейным, деловым, дружеским и другим).

Таблица 3 – Результаты различий в уровне выраженности психологических переменных у студентов психологического и экономического факультетов

Психологические переменные	Ср.знач. Психол.	Ср.знач. Эконом.	t-критерий Стьюдента	Степень свободы (df)	Уровень значимости различий (p)
1 суб. «Истории с завершением»	9,22500	9,47500	-0,48948	78	0,625878
2 суб. «Группы экспрессии»	8,15000	7,52500	1,46205	78	0,147744
3 суб. «Вербальная экспрессия»	7,72500	9,15000	-2,61548*	78	0,010693
4 суб. «Истории с дополнением»	5,47500	6,87500	-2,77748*	78	0,006858
Композитная оценка	30,57500	33,02500	-1,97907	78	0,051337
Бойко общ. Ур. Э	19,32500	17,72500	1,60270	78	0,113043
Рацион. К Э	2,92500	2,92500	0,00000	78	1,000000
Эмоцион. К Э	3,60000	3,42500	0,45440	78	0,650800
Интуит. К Э	2,82500	2,30000	1,51971	78	0,132627
Установки к Э	3,85000	3,42500	1,59417	78	0,114943
Способность к Э	2,80000	2,75000	0,16350	78	0,870552
Идентификация в Э	3,22500	2,92500	0,80298	78	0,424427
Э с родителями	10,17500	9,75000	0,72018	78	0,473567
Э с животными	5,90000	6,10000	-0,41336	78	0,680478
Э со стариками	8,02500	8,05000	-0,06336	78	0,949642
Э с детьми	6,95000	6,85000	0,19924	78	0,842597
Э с худ. героями	6,65000	6,97500	-0,55754	78	0,578754
Э с незнакомыми	7,67500	8,17500	-0,84473	78	0,400846
Юсупов, общ. ур. Э	45,37500	44,40000	0,52684	78	0,599803
Меграбян, общ. ур. Э	23,47500	22,40000	0,91366	78	0,363709

Примечание:* - обозначены статистически значимые различия в выраженности психологических переменных

Таким образом, на основании результатов проведенного исследования, было установлено, что студенты психологического факультета продемонстрировали более высокую выраженность эмпатии, по сравнению со студентами экономического факультета. Студентам психологического факультета легче идентифицировать себя с окружающими людьми, они лучше понимают внутреннее состояние других и обладают большей способностью создавать благоприятные, доверительные отношения в коллективе, они анализируют сложные ситуации взаимодействия людей, понимают логику их развития, чувствуют изменение смысла ситуации при включении в коммуникацию различных участников.

Список литературы:

1. Бойко, В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других / В. В. Бойко. – М.: Информационно-издательский дом "Филинь", 1996. – 472 с.
2. Гаврилова, Т. П. Понятие эмпатии в зарубежной психологии. Исторический обзор и современное состояние проблемы / Т. П. Гаврилова // Вопросы психологии. – 2005. - №2. – С. 147 - 156.
3. Гилфорд Дж. Психология мышления / Под ред. А. М. Матюшкина. – М., 1965. – 456 с.
4. Емельянов, Ю. Н. Активное социально-психологическое обучение / Ю. Н. Емельянов. – Л., 1985. – 167 с.
5. Мегрбян, А. А. Личность и сознание (в норме и патологии) / А. А. Мегрбян. // Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1978. – 196 с.
6. Михайлова (Алешина), Е. С. Тест Дж. Гилфорда и М. Салливана. Диагностика социального интеллекта: метод. руководство. / Е. С. Михайлова (Алешина). – СПб.: Иматон, 2000. – 192 с.
7. Понамарева, М. А. Эмпатия: теория, диагностика, развитие: монография / М. А. Понамарева. – Минск: Бестпринт, 2006. – 76 с.
8. Тутушкина, М. К. Практическая психология. 4-е издание, переработанное: учебник / Под редакцией д-ра психол. наук, проф., акад. БПА М. К. Тутушкиной. – М.: «Дидактика Плюс», 2001. – 243 с.
9. Юсупов, И. М. Психология эмпатии (Теоретические и прикладные аспекты): Дис. ... д-ра. психол. наук. / И. М. Юсупов. – СПб.: СПбГУ, 1995. – 252 с.

Нагорная Т. А. – магистрант 2 курса заочной формы обучения факультета психологии ГрГУ им. Я. Купалы

Научный руководитель – доцент кафедры экспериментальной и прикладной психологии ГрГУ им. Я. Купалы, кандидат психологических наук Г. Ф. Михальченко

УДК 159.924.7

ОШМЯНА Д. И.

ЦЕННОСТНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ДОВЕРИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ К РОДИТЕЛЯМ

Статья посвящена проблеме формирования ценностных ориентаций юношей и девушек в контексте родительско-детских отношений. Рассматриваются терминальные и инструментальные ценностные ориентации старшеклассников, рефлексия старшеклассниками ценностных ориентаций родителей и ценностная интеграция старшеклассников с родителями.

В последнее время при изучении самых различных проблем отечественные психологи довольно часто обращаются к феномену доверия, указывая на его чрезвычайную важность для установления отношений между людьми. Личность в своих отношениях с другими людьми – как позитивных, так и негативных – всегда избирательна. Это обусловлено её предшествующим жизненным опытом, теми объективными связями, которые складываются у нее с со-субъектами отношений, а также общностью их ценностного отношения к миру. Особое значение этот момент приобретает в контексте доверительных отношений, в связи с чем научный интерес представляет изучение ценностных оснований выбора личностью другого человека как субъекта доверия. Известно, что именно юношеский возраст сензитивен к формированию ценностных ориентаций как устойчивого образования личности, способствующего становлению мировоззрения и отношения к окружающей действительности [1]. При этом если на макросоциальном уровне они формируются под влиянием общества, то в микросоциуме, каким является семья, происходит непосредственная «вертикальная трансмиссия» ценностей от родителей детям [4].

Семья представляет собой особый мир взрослых и детей, дающий им возможность духовного общения, эмоциональной и моральной поддержки друг друга, свободного выражения своих убеждений, мыслей и чувств. Как показывают данные исследований, несмотря на возрастающую потребность в эмансипации от родителей, потребность в доверительном общении в триаде «ребенок-мать-отец» достаточно высока в любом возрасте. При всем своем стремлении к самостоятельности дети нуждаются

в жизненном опыте и помощи старших в попытках разобраться в себе, в своих переживаниях, что особую значимость приобретает в юношеском возрасте.

С позиции теории ценностного обмена в качестве необходимого условия для придания старшеклассниками статуса субъекта доверия каждому из родителей выступает ценностная интеграция с ними, под которой понимается общность содержаний их ценностного сознания, своего рода ценностно-ориентационное единство семьи. Такое единство возникает на основе понимания и принятия старшеклассником ценностей своих родителей. Иными словами, в основе доверия к родителям лежит осознание старшеклассником тождественности содержания собственных ценностных ориентаций и рефлекслируемого им содержания ценностных ориентаций каждого из родителей. Единого определения понятия «доверие» в литературе не представлено, существует множество точек зрения относительно данного феномена.

В своем исследовании мы придерживались точки зрения А. Б. Купрейченко, согласно которой, доверие понимается как психологическое отношение, предполагающее выделение в его структуре когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов. «Когнитивный компонент включает представления о себе, втором участнике доверительных отношений и условиях взаимодействия, а также ожидания, связанные с поведением партнера. Эмоциональный компонент характеризуется эмоциональными оценками взаимодействующих сторон и самого процесса взаимодействия. Поведенческий компонент включает готовность к определенным действиям в отношении второго участника, в отношении самого себя и сложившихся условий. Например, готовность соблюдать нравственные нормы при взаимодействии с ним или готовность пожертвовать собственными интересами ради поддержания определенного уровня доверия» [2, с. 56].

Психологические отношения мы рассматриваем как особые состояния сознания, которые предшествуют реальному поведению личности и выражают готовность к этому поведению. Они охватывают, кроме готовности к определенному поведению, когнитивный аспект, проявляющийся в знании об объектах отношения, и эмоциональный аспект, выражающийся в эмоциональных переживаниях и в эмоционально окрашенной оценке объектов отношений. Наряду с этими аспектами в структуре психологических отношений выделяют оценочный аспект, который, в свою очередь, в зависимости от критериев или оснований психологической оценки, даваемой субъектом объекту отношения, может иметь вид не только эмоциональной оценки, прямо связанной с потребностной сферой субъекта, но и рациональной прагматической оценки, и ценностной, т.е. основанной на соотношении объекта оценивания и связи, в которой он находится с субъектом, с субъективной системой ценностей субъекта.

Отношения личности имеют избирательную направленность на объекты отношений. Этот процесс обусловлен предшествующим жизненным опытом личности и теми объективными связями, которые складываются у нее с объектами отношений [3]. А. Б. Купрейченко была выявлена высокая значимость принципов и ценностей, целей и мотивов личности в формировании ее отношения к другому человеку. Система ценностей и норм субъекта оказывает влияние на отношение к представителям различных социальных групп, а также на отношение к личным особенностям другого человека. Она отмечает, что доверяющее и недоверяющее поведение человека определяется социальными нормами, ожиданиями и убеждениями субъекта, но все же наиболее важным моментом является то, что доверие имеет ценностную основу [2].

С представленных выше позиций в эмпирическом исследовании нами изучались ценностные основания доверия старшеклассников к родителям. Выборку составили учащиеся 10-х классов средней общеобразовательной школы г. Гродно в количестве 60 человек, в том числе 30 юношей и 30 девушек. Для получения данных использовалась методика М. Рокича «Ценностные ориентации», адаптированная Б. С. Кругловым; для изучения доверия к родителям использовалась авторская методика оценки доверия-недоверия личности другим людям А. Б. Купрейченко [2].

На первом этапе исследовались ценностные ориентации старшеклассников. Для этого им предлагалось проранжировать предложенные ряды терминальных и инструментальных ценностей. Полученные данные обрабатывались с помощью метода ранговых оценок с последующей квартилизацией ранжированных рядов ценностей с учетом фактора пола старшеклассников. В результате были выявлены наиболее значимые для девушек и юношей ценности-цели и ценности-средства, которые соответственно составили содержание первого квартиля ранжированных рядов.

Установлено, что к числу наиболее значимых терминальных ценностей и девушки, и юноши относят такие, как «здоровье», «хорошие и верные друзья», «счастливая семейная жизнь».

Для девушек значимой ценностью является «любовь», тогда как юноши ориентированы на такую ценность как «интересная работа», что отражает достаточно традиционные женские и мужские жизненные установки.

Среди инструментальных ценностей также отмечается достаточно устойчивая триада значимых средств достижения жизненных целей, которую в обеих выборках составили «воспитанность», «чуткость», «жизнерадостность».

Кроме того, девушки выделяют такую ценность, как «честность», а юноши – «смелость в отстаивании своих взглядов».

На втором этапе исследования старшеклассникам было предложено проранжировать терминальные и инструментальные ценности так, как это сделали бы, по их мнению, родители. Таким образом, изучалась рефлексия старшеклассниками ценностных ориентаций родителей, то есть выявлялись представления детей о том, какими ценностями руководствуются их родители в реальной повседневной жизни.

Результаты свидетельствуют о том, что, по общему мнению старшеклассников, для матери главными ценностями-целями являются «здоровье» и «любовь». Девушки считают, что для матери также важны «интересная работа» и «материальная обеспеченность». С точки зрения юношей, мать больше ориентирована на такие ценности, как «счастливая семейная жизнь» и «самостоятельность».

Достаточно прагматичны представления девушек в отношении ценностей-целей отца, где главная роль отводится такой ценности, как «материальная обеспеченность». У юношей в представлении о приоритетных ценностях-целях отца главное место занимает его «уверенность в себе». При этом и юноши, и девушки признают, что для отца, как и для матери, значимы «здоровье», «счастливая семейная жизнь» и «любовь». Единство представлений юношей и девушек об инструментальных ценностях родителей отражается в признании ими значимости для обоих родителей таких ценностей, как «чуткость», «воспитанность» и «честность», в то же время для отца у юношей – «эффективности в делах», для матери у девушек – «ответственности».

Таким образом, сравнительный анализ содержаний первых квартилей ранжированных рядов ценностных ориентаций самих старшеклассников и рефлекслируемых ими ценностных ориентаций их родителей показывает, что имеет место выраженная «вертикальная трансмиссия» как терминальных, так и инструментальных ценностей. Об этом свидетельствует совпадение наиболее значимых для старшеклассников ценностей-целей и ценностей-средств с теми, которых, по их мнению, придерживаются в жизни их родители.

На следующем этапе обработки данных применялся корреляционный анализ по Спирмену. Коэффициент корреляции полных ранжированных рядов ценностей самих старшеклассников и рефлекслируемых ими ценностей родителей рассматривался как эмпирический показатель ценностной интеграции старшеклассников с родителями. Результаты корреляционного анализа показывают, что наиболее гармоничная ценностная интеграция с обоими родителями как в отношении терминальных, так и в отношении инструментальных ценностей характерна для юношей-старшеклассников. Так, коэффициент корреляции их терминальных ценностей и рефлекслируемых ценностей-целей отца у них равен 0,84, матери – 0,88; инструментальных ценностей – соответственно 0,73 и 0,72. Для девушек-старшеклассниц характерна более выраженная интеграция с терминальными ценностями отца ($r = 0,90$) по сравнению с ценностями матери ($r = 0,77$). В то же время в отношении ценностей-средств девушки более солидарны с ценностями матери, чем отца (соответственно $r = 0,65$ и $r = 0,57$). Сравнение показателей ценностной интеграции юношей и девушек с родителями показывает, что, по сравнению с девушками, юноши обнаруживают не только большую гармоничность, но и большую сближенность своих ценностных ориентаций с родительскими. Вместе с тем, характерно, что в целом старшеклассники независимо от фактора пола, разделяя жизненные цели своих родителей, более эмансипированы от них в выборе средств достижения этих целей. Выявленные различия ценностной интеграции с родителями на следующем этапе исследования рассматривались нами как фактор, влияющий на выраженность доверия к родителям у юношей и девушек.

Список литературы

1. Барабанова, В. В. Представления старшеклассников о будущем как аспект их социализации / В.В. Барабанова, М. Е. Зеленова // Психологическая наука и образование. - 1998. - №1. - С. 52 - 58.
2. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия / А. Б. Купрейченко. - М.:Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 564 с.
3. Поздняков, В. П. Психологические отношения индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности / В. П. Поздняков // Психологический журнал. - 2012. - Т. 33. - №5. - С. 5 - 15.
4. Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология / Т. Г. Стефаненко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН»; 1999. – 320 с.

Ошмяна Д. И. – студентка 5 курса факультета психологии ГрГУ им. Я. Купалы

Научный руководитель – доцент кафедры общей и социальной психологии факультета психологии ГрГУ им. Я. Купалы, кандидат психологических наук, доцент Т. К. Комарова

УДК 159.923

ПАРФЁНОВА Т. В.

СВЯЗЬ СПОСОБОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ И САМООЦЕНКИ ЛИЧНОСТИ У СТУДЕНТОВ

Статья посвящена описанию результатов исследования связи способов психологической защиты и самооценки личности у студентов.

Изучение неосознаваемых проявлений личности всегда будет представлять интерес для исследователей, поскольку то, что можно узнать легко, вряд ли будет являться действительно важным и значимым. К одним из таких неосознаваемых психических проявлений относится феномен психологической защиты. Психологическая защита, со времени ее описания в рамках психоаналитической модели личности, остается одним из самых дискуссионных научно-психологических понятий. В отечественной психологической науке общая теория психологической защиты представляет собой совокупность отдельных положений, гипотез, эмпирических исследований, не сформированных в системную концепцию. Защитные механизмы выступают в качестве структурной единицы психологической защиты. Среди исследователей нет единой точки зрения ни на общее количество защит, ни на степень их соотносительности друг с другом, ни даже на их ясные определения в некоторых случаях. В целом в современных представлениях о психологической защите имеют место две диаметрально противоположные тенденции. Значительная часть исследователей напрямую соотносит наличие защитных механизмов с болезнью личности и подчеркивает их «вредоносный» характер. Другие исследователи, напротив, высказывают суждения о том, что психологическая защита выступает постоянно действующей в нашей повседневной жизни возможностью здоровой адаптации к миру [1; 6]. Наше понимание психологической защиты совпадает со взглядами авторов, которые подчеркивают постоянно присутствующую в повседневной жизни адаптивную функцию механизмов психологической защиты. Это такие авторы, как Ф. В. Бассин, В. К. Мягер, Б. В. Зейгарник, Е. Т. Соколова и др. [1; 5; 6; 7].

Выбор психологической защиты и самооценки личности в качестве предмета исследования обусловлен особой значимостью этих психологических феноменов и их ролью в процессе психологической адаптации. Самооценка личности является одним из важнейших психологических образований, отражающим уровень развития самосознания и непосредственно участвующим в регуляции поведения и деятельности. По мнению ряда исследователей, выполняя регулятивные функции, самооценка выступает необходимым внутренним условием организации субъектом своего поведения, деятельности, отношений, в том числе и поведения, направленного на разрешение проблем [2; 3]. Очевидно, что психологическая защита и самооценка личности выступают во взаимосвязи. Анализ теоретических и практических аспектов заявленной проблемы показал, что, несмотря на наличие разнообразных исследований, посвященных изучению психологических защит и самооценки личности, проблема связи способов психологической защиты и самооценки личности у студентов требует специального изучения.

В исследовании приняли участие 180 студентов 2-3 курсов ГрГУ им. Янки Купалы, среди которых 90 юношей и 90 девушек в возрасте от 18 до 22 лет. Выборку в равном соотношении составили лица с разной самооценкой личности.

В качестве диагностического инструмента эмпирического исследования были использованы такие методы сбора данных, как методика «Нахождение количественного выражения уровня самооценки» С. А. Будасси, личностный опросник «Индекс жизненного стиля» Р. Плутчека, Г. Келлермана, Г. Конте.

Для выявления наличия и характера связи способов психологической защиты и самооценки личности у студентов мы использовали метод корреляционного анализа по Спирмену. Данные обрабатывались в программе «STATISTICA 6.0».

Результаты корреляционного анализа, полученные на уровне значимости 0,05, свидетельствуют о том, что:

1. существует умеренная, прямая связь заниженной самооценки личности с отрицанием ($r = 0,32$) и вытеснением ($r = 0,28$). Чем ниже уровень самооценки, тем более характерно для студентов отрицать внутренне неприемлемые мысли, желания, чувства и бессознательно забывать истинные, но неприемлемые мотивы поведения;

2. имеет место умеренная, прямая связь заниженной самооценки у девушек с замещением ($r = 0,47$) и умеренная, прямая связь ($r = 0,41$) завышенной самооценки у девушек с замещением. Следовательно, поведение, связанное с разрядкой подавленных эмоций на объектах, более доступных и представляющих меньшую опасность, для девушек с завышенной и заниженной самооценкой личности является характерным;

3. выявлена умеренная, прямая связь адекватной самооценки личности у девушек и способа защиты по типу проекции ($r = 0,37$). Значит, чем адекватнее самооценка у девушек, тем в большей степени для них характерно приписывание своих неприемлемых мыслей, чувств, другим людям;

4. существует связь завышенной самооценки личности у юношей и таких способов защиты, как отрицание ($r = 0,37$ – связь умеренная, прямая), вытеснение ($r = 0,48$ – связь умеренная, прямая), регрессия ($r = 0,51$ – связь средняя, прямая), компенсация ($r = 0,36$ – связь умеренная, прямая), замещение ($r = 0,53$ – связь средняя, прямая), реактивное образование ($r = 0,45$ – связь умеренная, прямая). Чем выше уровень самооценки личности у юношей, тем более характерно для них отрицать внутренне неприемлемые импульсы, бессознательно забывать их, проявлять инфантилизм в поведении, находить с помощью фантазирования подходящую замену реальному или воображаемому недостатку, прибегать к разрядке подавленных эмоций на объектах более доступных и представляющих меньшую опасность, предотвращать выражение неприятных мыслей путем преувеличенного развития противоположных стремлений;

5. существует умеренная, прямая связь адекватной самооценки у юношей и способа защиты по типу компенсации ($r = 0,37$). Это значит, что чем адекватнее уровень самооценки личности у юноши, тем более свойственно ему искать подходящую замену реальному или воображаемому недостатку с помощью фантазирования или присвоения себе каких-либо характеристик другой личности.

Таким образом, результаты предпринятого исследования свидетельствуют о том, что наиболее типичными способами защиты у студентов с заниженной самооценкой личности выступают отрицание и вытеснение – простые защиты, суть которых не «впустить» в сознание травмирующую психику информацию, т. е. проигнорировать её. Юноши с завышенной самооценкой имеют наиболее широкий репертуар психологических защит, что говорит об их выраженной потребности в сохранении устоявшегося представления о себе. Студенты с адекватной самооценкой личности имеют наиболее продуктивный вариант защиты.

Полученные данные могут быть использованы в работе психологической службы вуза для оказания адресной помощи в психологическом сопровождении студентов в период обучения.

Список литературы

1. Бассин, Ф. В. Проблема психологической защиты / Ф. В. Бассин, М. К. Бурлакова, В. Н. Волков // Психологический журнал. – 1988. – Т.9. - № 3. – С. 78 – 86.
2. Бороздина, Л. В. Что такое самооценка / Л. В. Бороздина // Психологический журнал. – 1992. – №4. – С. 99 – 100.
3. Гайфулин, А. В. Различные теоретические подходы в определении понятия самооценки / А. В. Гайфулин // Вестник ТГПУ. – 2009. – № 1 (79). - С. 73 – 76.
4. Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б. Д. Карвасарского. – СПб: Питер, 2006. – 752 с.
5. Романова, Е. С. Механизмы психологической защиты: генезис, функционирование, диагностика / Е. С. Романова, Л. Р. Гребенников. – Мытищи: Талант, 1996. - 144 с.
6. Соколова, Е. Т. Феномен психологической защиты / Е. Т. Соколова // Вопросы психологии. – 2007. – № 4. – С. 66 – 79.
7. Субботина, Л. Ю. Структурно-функциональная организация психологической защиты личности: автореф. дис. ...доктора психол. наук: 19.00.03 / Л. Ю. Субботина; Ярославль, 2006. – 23 с.

Парфёнова Т. В. – студентка 4 курса факультета психологии ГрГУ им. Янки Купалы

Научный руководитель – доцент кафедры общей и социальной психологии факультета психологии ГрГУ им.Я. Купалы, кандидат психологических наук, доцент Т. К. Комарова

УДК 159.9316.6

ПАРФЁНОВА Т. В.

СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНОЙ САМООЦЕНКОЙ ЛИЧНОСТИ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ КОНФЛИКТЕ

В статье описаны наиболее характерные стратегии поведения в конфликте у студентов с различной самооценкой. Приведены данные о различиях в предпочтениях стратегий поведения в конфликте у юношей и девушек. Описаны результаты изучения связи стратегий поведения в конфликте с самооценкой личности у студентов.

Одной из характерных особенностей нашего времени является постоянно усиливающийся интерес к тому, как влияет на людей широкое социальное окружение. В современном обществе человеческие взаимоотношения характеризуются чрезвычайной сложностью, которая определяется существующими личностными, социально-психологическими, возрастными, индивидуально-характерологическими и другими различиями между людьми. Эти различия могут стать базой для развития противоречий в их отношениях. Причем нередко возникающие противоречия преодолеваются через конфликт. В связи с этим изучение конфликтов является одной из актуальнейших задач современности.

Первые теории конфликта были созданы в рамках психоаналитической и социально-психологической традиций как ведущих психологических течений XX столетия. В рамках психоаналитической традиции (З. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг, К. Хорни, Э. Фромм, Г.-С. Салливан, В. Райх и др.) занимаются в основном рассмотрением внутренних конфликтов. Внимание психологов социально-психологической традиции (Р. Дарендорф, К. Левин, К. Томас, А. Рапопорт, Т. Шелинг; Н. В. Гришина, А. А. Ершов, Ф. М. Бородкин, Н. М. Коряк и др.) сосредоточено на исследовании межличностного, межгруппового конфликта [1; 2].

В исследовании мы предприняли попытку выявить характерные стратегии поведения в конфликте у студентов с разной самооценкой личности. Саму ситуацию конфликта рассматривали как процесс соперничества, «столкновение», вызванное противоречием установок, целей и способов действия по отношению к конкретному предмету или ситуации. В понимании сущности самооценки мы придерживались взглядов отечественных психологов: Б. Г. Ананьева, Л. И. Божович, М. И. Лисиной, А. И. Липкиной, В. В. Столина и других, которые изучали самооценку в рамках исследования проблем самосознания: она характеризуется как стержень этого процесса, показатель индивидуального уровня его развития [3]. Самооценка рассматривается нами как личностное образование, принимающее непосредственное участие в регуляции поведения и деятельности.

В предпринятом эмпирическом исследовании приняли участие 84 студента 2 – 3 курсов ГрГУ им. Я. Купалы, среди которых юноши (42 человека) и девушки (42 человека) в возрасте от 18 до 22 лет.

В качестве диагностического инструмента эмпирического исследования были использованы такие методы сбора данных как методика «Нахождение количественного выражения уровня самооценки» С. А. Будасси, методика «Стратегия поведения в конфликте» К. Томаса. При обработке данных применялся частотный анализ, ранжирование, метод квантилизации, метод сравнения выборок по U – критерию Манна – Уитни, анализ корреляционных связей по Спирмену.

Данные обрабатывались в программе «Excel» и «STATISTICA 6.0»

На основании результатов диагностики самооценки были выделены три группы респондентов: с адекватной, заниженной и завышенной самооценкой личности. Далее определялись характерные способы регулирования конфликтов у студентов с различной самооценкой. Результаты представлены в таблицах 1 – 3).

Таблица 1 – Результаты квантилизации ранжированного ряда стратегий поведения в конфликте у студентов с разной самооценкой личности

Название защитных механизмов	Частота фиксирования	Абсолютный ранг	Перцентиль (%)	Квартиль
<i>У студентов с завышенной самооценкой</i>				

Соперничество	12	2	30	Q ₂
Приспособление	12	2	30	
Сотрудничество	12	2	30	
<i>У студентов с адекватной самооценкой</i>				
Компромисс	16	1	10	Q ₁
<i>У студентов с заниженной самооценкой</i>				
Избегание	16	1	10	Q ₁

Результаты исследования показали: характерной стратегией поведения в конфликте для студентов с заниженной самооценкой личности является избегание. У студентов с адекватной самооценкой личности доминирует такая стратегия, как компромисс. В случае завышенной самооценки личности обнаруживается наиболее широкий репертуар используемых стратегий поведения в конфликте. Это такие тактики, как соперничество, сотрудничество, приспособление. Из этого следует, что студенты с заниженной самооценкой предпочитают не видеть разногласий, отрицать конфликт, воздерживаться от споров, дискуссий, возражений оппоненту. Студенты с адекватной самооценкой в конфликте стремятся урегулировать разногласия путем нахождения решений, выгодных обеим сторонам. Студенты с завышенной самооценкой способны урегулировать конфликт различными способами: ведением открытого противоборства, принесением в жертву собственных интересов ради интересов другого, поиском альтернативных вариантов выхода из конфликта.

На статистически значимом уровне обнаружены различия в использовании юношами и девушками с адекватной и завышенной самооценкой личности такой стратегии поведения, как соперничество в конфликте. Ведение открытого противоборства более характерно для девушек, чем для юношей с аналогичной самооценкой личности.

Таблица 2 – Различия стратегий поведения в конфликте у девушек и юношей с разной самооценкой личности по критерию Манна – Уитни

	Rank Sum ж	Rank Sum м	Z adjusted	p-level	2*1sided exact p
<i>Студенты с завышенной самооценкой личности</i>					
Соперничество	159,5000	246,5000	-2,03209	0,042146	0,044369
<i>Студенты с адекватной самооценкой личности</i>					
Соперничество	139,0000	267,0000	-2,94065	0,002827	0,002486
<i>Студенты с заниженной самооценкой личности</i>					
Компромисс	245,5000	160,5000	1,98285	0,047385	0,049736

Обнаружено статистически значимое различие в предпочтении юношами и девушками с заниженной самооценкой такой стратегии поведения, как компромисс. У девушек значение по данной шкале выше, чем у юношей. Следовательно, девушки чаще прибегают к поиску решений выгодных обеим сторонам.

Таблица 3 – Различия стратегий поведения в конфликте у девушек и юношей по критерию Манна – Уитни (без учета самооценки личности)

	Rank Sum ж	Rank Sum м	Z adjusted	p-level
Соперничество	1296,500	2273,500	-4,39253	0,000011
Сотрудничество	1901,000	1669,000	1,05228	0,292670
Компромисс	2201,500	1368,500	3,77056	0,000163
Избегание	1920,500	1649,500	1,23057	0,218485
Приспособление	1829,000	1741,000	0,39823	0,690458

В целом по выборке были обнаружены статистически значимые различия в использовании юношами и девушками таких стратегий поведения, как соперничество и компромисс. Данные тактики поведения в конфликте являются типичными для девушек.

Результаты корреляционного анализа, полученные на уровне значимости 0,05, свидетельствуют о том, что:

– п существует умеренная, прямая связь между адекватной самооценкой личности и стратегией сотрудничества ($r = 0,45$). Чем реалистичней личность оценивает саму себя, свои способности, правильно

соотносит свои силы с задачами разной трудности и требованиями окружающих, тем больше она будет нацелена на совместный поиск решений конфликта, максимально реализующих интересы обеих сторон;

– имеет место средняя, прямая связь адекватной самооценки личности у юношей и стратегией компромисса ($r = 0,64$). Чем реалистичней юноша оценивает себя, тем больше вероятность, что он предпочтет соглашение на основе взаимных уступок при решении конфликта;

– существует средняя, обратная связь между завышенной самооценкой личности у юношей и стратегией избегания ($r = - 0,59$). Чем выше юноша оценивает себя, тем меньше он будет стремиться уйти от конфликта;

– у девушек корреляционных связей между самооценкой и стратегией поведения в конфликте нами выявлено не было.

Таким образом, с точки зрения ценности межличностных отношений с противоборствующей стороной в случае отсутствия особой значимости причин конфликта выявленные предпочтения стратегий избегания, компромисса, приспособления можно оценивать как конструктивные способы поведения в конфликте. Но в более сложных ситуациях, где истинные причины конфликта имеют особую значимость, по мнению К. Томаса, необходимо использовать тактику сотрудничества, так как в случае избегания конфликта ни одна из конфликтующих сторон не достигнет успеха. Результаты исследования показали, что в данной выборке только 14 % студентов предпочитают в конфликте открыто обсуждать проблему и находить решения, полностью удовлетворяющие интересы обеих сторон. Эти результаты доказывают необходимость проведения коррекционных занятий, направленных на формирование у студентов навыков конструктивного поведения в конфликте.

Полученные данные могут служить основой для дальнейшего расширенного исследования по рассматриваемой проблеме. Результаты настоящей работы могут быть применены в консультативной и исследовательской практике, деятельности психологической службы ВУЗа, психологическом сопровождении студентов в период обучения.

Список литературы

1. Гришина, Н. В. Психология конфликта / Н. В. Гришина. – СПб.: Питер, 2003. – 783 с.
2. Картель, В. Ф. Теории конфликтов: классика и современность / В. Ф. Картель // Психологическая служба. – 2004. – № 6. – С. 95 – 104.
3. Захарова, А. В. Психология формирования самооценки / А. В. Захарова. – Минск, 1993. - 100 с.

Парфёнова Т. В. – студентка 4 курса факультета психологии ГрГУ им. Янки Купалы

Научный руководитель – доцент кафедры общей и социальной психологии факультета психологии ГрГУ им.Я. Купалы, кандидат психологических наук, доцент Т. К. Комарова

УДК 159.923

ПЕТУШОК Т. С.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИЧНОСТИ В СИТУАЦИИ ОНКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ

В данной статье сформулированы общие представления о личности, находящейся в ситуации онкологической болезни.

По данным Всемирной Организации Здравоохранения, злокачественные опухоли являются второй по частоте причиной смерти жителей планеты после сердечно-сосудистой патологии. Неутешительные статистические данные о распространённости онкологических заболеваний свидетельствуют о том, что с каждым годом эта проблема становится все серьёзнее. В настоящее время большое внимание уделяется изучению данной проблемы с точки зрения психологического и социального сопровождения данной категории граждан, так как медицинский прогноз при онкологической патологии тесно связан с качеством жизни и характером психологической адаптации к болезни. В связи с этим возрастает

актуальность исследований, которые позволяют понять всю многомерность и комплексность психоэмоционального статуса онкобольного, проходящего курс противоопухолевого лечения.

Любое научное исследование подразумевает детальное описание предмета и объекта своего исследования. Когда в качестве объекта исследования выступает особая категория граждан, возникает необходимость детального описания её специфических характеристик. Только в этом случае исследователь может претендовать на выстраивание исследования, проникающего в сущность проблемы, только тогда он может приблизиться к сущности изучаемого предмета, находящегося в рамках исследуемого объекта.

Следовательно, составление психологического портрета является одной из главных задач исследователя-психолога и психолога, работающего с онкобольными. Именно на основе данного портрета становится возможным проводить исследования, которые могут лечь в основу разработки психокоррекционных программ.

Анализируя накопившийся материал в сфере психоонкологии, можно с уверенностью сказать, что онкология в целом сопоставима с другими соматическими заболеваниями по спектру психосоматических проблем. В то же время эта область медицины имеет свои специфические отличия, связанные в первую очередь с особо тяжелыми стрессовыми факторами, сопряженными как с семиотикой диагнозов злокачественных новообразований, так и с высокой частотой неблагоприятной динамики заболевания, быстрой инвалидизацией, серьезными осложнениями, сопровождающими лечение опухолей (химиотерапия, лучевая терапия, обширные хирургические вмешательства, в том числе с выраженными косметическими дефектами). Именно поэтому при составлении психологического портрета онкологического больного необходимо четко выделять критерии, которые будут служить в качестве главных ориентиров для исследователя.

Наиболее наглядные, на наш взгляд, критерии для описания личности больного человека предложила М. Ивашкина [1]. Она предлагает следующую логику описания личности онкобольного, делая упор на такие аспекты, как: *а) качество жизни онкологического больного; б) характерные черты болеющего раком человека; в) отношение к болезни; г) изменения, происходящие с пациентом.* Вслед за ней попытаемся раскрыть сущностные особенности по каждому из критериев.

Качество жизни онкологического больного. Сегодня всё чаще в работе с онкобольными применяется паллиативный подход, позволяющий улучшить качество жизни пациентов и их семей, столкнувшихся с проблемами угрожающего жизни заболевания [2, 3]. Само понятие «качество жизни» получило широкое распространение в здравоохранении, так как позволяет оценить уровень физического, психологического, эмоционального и социального состояния пациента на основании его собственного субъективного восприятия [4, 5, 6, 7].

На сегодняшний момент разработаны следующие критерии оценки качества жизни, обусловленного здоровьем: 1) физические (сила, энергия, усталость, боль, дискомфорт, сон, отдых); 2) психологические (положительные эмоции, мышление, изучение, запоминание, концентрация, самооценка, внешний вид, негативные переживания); 3) уровень независимости (повседневная активность, работоспособность, зависимость от лекарств и лечения); 4) общественная жизнь (личные взаимоотношения, общественная ценность субъекта, сексуальная активность); 5) окружающая среда (благополучие, безопасность, быт, обеспеченность, доступность и качество медицинского и социального обеспечения, доступность информации, возможность обучения и повышения квалификации, досуг, экология); 6) духовность (религия, личные убеждения, смысловая составляющая) [7, 8].

Исследование качества жизни в онкологии играет исключительно важную роль. Это можно объяснить тем, что качество жизни является самостоятельным многофакторным показателем состояния больного. Так, по данным исследований выявлено, что онкобольные имеют проблемы во всех вышеупомянутых сферах. Отмечено значительное снижение качества жизни в физической сфере и сфере «Уровень независимости» [7]. В результате онкозаболевания большинство пациентов имеет сильное ограничение в хобби – 60 %, в половой жизни – 53 %, в профессиональной деятельности – 50 %. Заболеванию затронуло такие виды деятельности, как прием пищи – 77 %, сон – 67 %, физическую активность – 60 %, домашнюю работу – 53 %. Из источников социально-психологической поддержки онкологических больных наиболее значимы ближайшие родственники – 100 %, церковь – 67 %, пациенты по палате – 33 %, поддержка со стороны работы – 20 %, социальные работники – только 7 %. Психологическую поддержку со стороны сестринского персонала во время лечения положительно отметили 53 %, отрицательно – 40 %, частично – 7 % [9]. Также важно отметить, что существует связь между качеством жизни и стадией заболевания, от места локализации злокачественных новообразований [10].

Следующий критерий, который мы будем использовать для составления наиболее полной картины личности больного - это *характерные черты болеющего раком человека.* Под этим мы понимаем

особенности, диагностируемые при болезни, а именно психологические расстройства различной степени выраженности (от донозологических реакций на диагноз и прогноз заболевания до острых психозов).

Онкологический процесс выступает для психической деятельности в двух важных аспектах. С одной стороны (психогенной), диагноз заболевания, традиционно причисляемого к группе неизлечимых и, как следствие, повышено значимых, превращает один лишь факт заболеваемости в серьёзную психологическую травму, способную сформировать психические нарушения психогенно-реактивного характера. При этом среди основных факторов, влияющих на психику как пациента, так и его родных, выделяют следующие: фатальный характер диагноза, несмотря на успехи онкологии; калечащие операции и лечение; отсутствие гарантий против возникновения рецидивов и метастазов; наличие в 80% случаев выраженного болевого синдрома при отсутствии гарантий достаточного обезболивания; широко распространённое среди обывателей представление о заразности ракового заболевания. Это определяет и особенности реагирования на злокачественные новообразования [11].

Изучая психическое состояние онкологических больных, А. В. Гнездилов [12] отмечает, что у всех пациентов на всех этапах лечения наблюдаются определенные психогенные реакции, различающиеся, однако, по своим клиническим проявлениям и степени выраженности. К ним можно отнести широкий круг психических нарушений как невротического, так и психотического или субпсихотического уровней.

Многими клиницистами было показано, что у раковых больных нередки синдромы страха, тревоги, депрессии, маниакальный синдром, синдром эмоциональной лабильности [13, 14].

Результаты зарубежных исследований [15, 16] показали, что опухолевым больным свойственны такие особенности, как снижение уровня мотивации, эмоциональная глухость. Также частота и выраженность психических реакций на онкологическую патологию зависит во многом от локализации и характера болезненного процесса и наличия метастазов.

Стоит отметить, что вероятность возникновения расстройств зависит от характера основного заболевания, степени его тяжести, этапа течения, уровня эффективности терапевтических воздействий, а также от таких свойств, как преморбидный склад личности, возраст, иногда пол, реактивность. Кроме того, в процессе возникновения соматогенных расстройств могут участвовать дополнительные психотравмирующие факторы, не связанные с заболеванием, которые также необходимо учитывать при работе с пациентом.

Следующий критерий, по которому мы будем описывать онкобольного, – это *отношение к болезни*.

Исследования отношения человека к своей болезни и внутренней картины болезни (ВКБ), которые ещё в начале века начал Р. А. Лурия [17, с. 112], распространены и сегодня. Это явление описывается в большинстве исследований, посвященных личности в условиях болезни, и обозначается различными терминами: «сознание болезни», «соматонозогнозия», «реакция личности на болезнь», «переживание болезни» и т.п. [18, с. 272]. Различаясь в деталях, данные понятия описывают «все то, что испытывает и переживает больной, всю массу его ощущений, не только болезненных, но и его общее самочувствие, самонаблюдение, его представление о своей болезни, её причинах».

ВКБ в той или иной степени участвует в регуляции психической деятельности и поведении больного, а иногда полностью определяет это поведение. Это весь тот огромный внутренний мир больного, который представляет собой сложное сочетание восприятия и ощущений, эмоций, аффектов, конфликтов, психологических переживаний и травм.

Различные авторы выделяют разнообразные классификации ВКБ. Мы остановились на структуре ВКБ, предложенной В. В. Николаевой, которая включает четыре уровня:

- 1) чувственный, или сенситивный, – комплекс субъективных болезненных ощущений;
- 2) эмоциональный – эмоциональные реакции на вызванные болезнью ощущения и на последствия болезни в жизни человека;
- 3) интеллектуальный – знания о болезни и ее рациональная оценка, глубина осознания остроты, тяжести, последствий заболевания;
- 4) мотивационный – возникновение новых мотивов и перестройки преморбидной – доболезненной – мотивационной структуры и восстановлению здоровья (или отношение пациента к своему заболеванию и восстановлению здоровья) [19].

Предложенная схема учитывает весьма важный факт, что болезнь – это не только болезненные ощущения и их переживание, но и изменение мотивации.

Также на ВКБ влияет осознание пациентом своей жизни. Ряд таких состояний описан в классических работах Э. Кюблер-Росс [14]. Она проводила исследования в области смерти и процесса умирания. Основное внимание уделялось ситуациям, когда смерть возможна в любой момент, – например, в случае смертельного онкологического заболевания или другой смертельной болезни. Э. Кюблер-Росс выделила в процессе приспособления к мысли о смерти пять стадий. В основе данной классификации лежат особенности переживания человеком известия о возможной скорой смерти. Для каждой стадии характерны определённые поведенческие реакции и переживания.

Стадия отрицания (анозогнозическая фаза).

На данной стадии человек отказывается признать возможность своей смерти и занимается поисками других, более обнадеживающих мнений и диагнозов. Она характеризуется преуменьшением тяжести своего состояния, анозогнозией, убежденностью, что диагноз является ошибочным.

Стадия гнева (дисфорическая фаза).

Как только человек осознаёт то, что он действительно умирает, его охватывает гнев и обида, которые зачастую могут быть направлены на окружающих или на себя самого. Умиравший испытывает состояние крушения всех его планов и надежд. На данной стадии существует риск суицидального поведения.

Стадия торга (аутосуггессивная фаза).

На данной стадии человек ищет способы продлить жизнь, даёт обещания и пытается договориться с Богом. Врачами, медсёстрами или другими людьми, чтобы отсрочить смерть или облегчить себе боль и страдания.

Стадия депрессии (депрессивная фаза).

На этой стадии умирающий горюет о том, что он уже потерял, горюет о предстоящей смерти и разлуке с родными. Состояние характеризуется проявлением пессимизма, подавленности и пассивности.

Стадия принятия (апатическая фаза).

Человек смиряется со своей судьбой и с принятием ожидает своей развязки. Этот момент является моментом качественной перестройки жизни.

Следует отметить, что все перечисленные стадии не располагаются в строгом порядке и могут менять очерёдность. Несмотря на то, что данные стадии представляют собой нормальные реакции на приближение смерти, они не являются обязательными [20].

Выделяют динамику ВКБ на разных этапах клинического лечения. Клинико-психологические и психопатологические особенности при онкологической патологии зависят от этапа основного заболевания:

Поликлинический или диагностический этап.

Данный этап начинается с первых контактов больного с онкологической службой и характеризуется тревожно-депрессивным синдромом. При этом типичным является общее беспокойство, выраженная тревога, ощущение полнейшей безнадёжности, бесперспективности существования, мысли о неизбежной скорой мучительной смерти.

Этап поступления в клинику.

На данном этапе происходит некоторое снижение интенсивности переживаний. Это в существенной мере связано с психологической защитой типа: «Я болен. Возможно, у меня даже рак, но теперь я нахожусь в специальной больнице под наблюдением специалистов, которые сделают всё, чтобы мне помочь». На этом этапе преобладающей является такая симптоматика, как: тревожно-депрессивная, дисфорическая, тревожно-ипохондрическая, обсессивно-фобическая.

Предоперационный этап.

Здесь можно наблюдать резкий подъём интенсивности психогенных переживаний. В рамках тревожно-депрессивного синдрома преобладающим становится страх возможной гибели в процессе операции.

Этап выписки из стационара.

Не имеет специфических психопатологических феноменов.

Катамнестический этап.

На данном этапе около двух третей пациентов имеют особые нарушения психического состояния. Внешне они проявляются как стремления к самоизоляции. Попытки со стороны как-то «расшевелить» больного, как правило, не имеют никакого успеха. В переживаниях больного постоянно звучат депрессивные ноты, связанные не только с наличием онкологического заболевания, но и его последствиями – инвалидизацией, потерей привлекательности. Выражены страх рецидива заболевания и метастазов, социальная дезадаптация, вызванная инвалидностью, мысли о заразности заболевания и т.д. Больные становятся угнетёнными, испытывают чувство одиночества, бесперспективности, утрачивают прежние интересы, сторонятся окружающих, теряют активность. Прослеживая динамику выраженности описанных синдромов в процессе прохождения больных через клинику, следует отметить волнообразный характер этой динамики с двумя основными пиками на диагностическом и предоперационном этапах, т.е. в моменты наибольшей напряжённости стрессорных факторов.

Четвёртый критерий, по которому мы будем составлять психологический портрет больного, - *изменения, происходящие с пациентом.*

Раскрывая сущность данного критерия, по нашему мнению, необходимо подойти к этому вопросу с ракурса субъектного подхода, в рамках психологии жизненного пути, где данный подход выступает в качестве базового методологического принципа. Мы являемся сторонниками идеи о том, что личность

развивается в качестве субъекта своей жизни, где сталкивается с различными жизненными противоречиями. Данные противоречия, являясь с одной стороны, преградой при осуществлении смысла жизни, а с другой – механизмом переструктурирования этого смысла, возникают из-за необходимости решить ряд нормативных, с точки зрения субъектного подхода, задач. Так, выделяют следующие задачи нормативного развития личности как субъекта жизнедеятельности [21]: 1) поиск и обретение смысла жизни; 2) сохранение и удержание принятого смысла жизни вопреки любым жизненным обстоятельствам; 3) практическая реализация смысла жизни, предполагающая выстраивание индивидуального жизненного пути.

В свою очередь, узнав о диагнозе «злокачественная опухоль», человек сталкивается со столь мощным жизненным противоречием, что ранее принятый смысл жизни, который является важнейшим действенным фактором поведения, развития и здоровья личности, уже не в состоянии выполнять свои функции. В. В. Николаева [19] об этом говорит следующее: «Человек, попадающий в ситуацию болезни, сталкивается с ломкостью стереотипов, сложившихся в преморбиде». Поэтому онкобольной встречается с кризисом, в результате чего формируются новообразования. Вслед за Л. С. Выготским, под новообразованиями мы понимаем «новый тип строения личности и её деятельности, те психические и социальные изменения, которые впервые возникают и которые в самом главном и основном определяют сознание человека, его отношения к среде, его внутреннюю и внешнюю жизнь, весь ход его развития в данный период» [22, с. 248].

Анализируя проведённые психологические исследования в области психоонкологии, можно выделить следующие новообразования: фиксируется тенденция центрации онкологических больных на настоящем, а также нарушение механизма целеполагания, снижается возможность построения событийной перспективы; закрепляется позитивная установка на прошлое и фаталистическая на настоящее. Наблюдается общее снижение активности; изменяется вся иерархия мотивационно-потребностной сферы. Болезнь сужает свободу человеческого существования не только в настоящем, но и в перспективе будущего, происходит изменение восприятия временных интервалов, что приводит к разбалансированности временной перспективы. Повышается значимость потребностей в автономии и компетентности, сопровождающаяся снижением возможности построения планов на будущее. Происходит центрация на настоящем моменте без возможности продуктивного разрешения сложившейся ситуации [1, 23, 24].

Резюмируя всё вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

Онкологические заболевания и психическое состояние пациентов имеют двухканальную связь. С одной стороны, онкологическая патология провоцирует появление разнообразных психических переживаний (от донозологических до выраженных клинических психопатологических), с другой стороны, роль психологического преморбиды влияет на переживание болезни.

Этиопатогенез психических расстройств при соматических заболеваниях определяется взаимодействием трёх групп факторов: соматогенные факторы; психогенные факторы; индивидуальные особенности пациента.

Психогенные нарушения при онкологических заболеваниях представляют собой результат реакции личности на заболевание и его последствия. Одной из наиболее существенных составляющих является реакция на диагноз онкологического заболевания.

Обращаем внимание читателя на то, что в данной статье совершена попытка составления целостного психологического портрета личности в ситуации онкологического заболевания. Составленный психологический портрет требует теоретической доработки и эмпирической проверки, что в дальнейшем мы намерены осуществить в рамках написания магистерской диссертации.

Список литературы

1. Ивашкина, М. Г. Психологические особенности личности онкологических больных: дис. ...канд. психол. наук: 19.00.11 / М. Г. Ивашкина. – Москва, 1998. – 166 л.
2. Тюляндин, С. А. Интеграция паллиативной помощи в онкологическую практику / С. А. Тюляндин // Практическая онкология. - 2001. - № 1. - С. 3 – 4.
3. Гнездилов, А. В. Психические изменения у онкологических больных / А. В. Гнездилов // Практическая онкология. - 2001. - № 1. - С. 5 – 11.
4. Новиков, Г. А. Организационно-методологические проблемы эффективного обезболивания в паллиативной помощи онкологическим больным в России / Г. А. Новиков [и др.] // Практическая онкология. - 2001. - № 1. - С. 14 – 17.
5. Jamie, H. The Integration of Palliative Care and Oncology: the Evidence / H. Jamie, T. Jennifer. - Режим доступа: <http://www.cancernetwork.com/palliative-and-supportive-care/content/article>. – Дата доступа: 23.02.2013 г.
6. Алеева, Г. Н. Критерии качества жизни в медицине и кардиологии / Г. Н. Алеева, М. Э. Гурылева, М. В. Журавлева // Российский медицинский журнал. – 2006. – №2. – С. 1 - 4.

7. Черкасова, Е. А. Оценка качества жизни у больных с онкопатологией / Е. А. Черкасова, И. Л. Кром, И. Ю. Новичкова // Всероссийская научно-практическая Интернет-конференция с международным участием «Психосоматика: вчера, сегодня и завтра». - Режим доступа: <http://www.medconfer.com>. - Дата доступа: 30.03.2013.
8. Султанов, М. Г. Качество жизни и социальное функционирование с длительными сроками госпитализации: дис. канд. ...мед.наук. - Москва, 2005. - 236 с.
9. Сидорчук, Т. А. Технологии повышения качества жизни онкологических больных / Т. А. Сидорчук // Материалы конференции Технологии психолого-социальной работы в условиях мегаполиса 2010 года. - Режим доступа: <http://sociohom.ru/baza-znaniy/materialy-konferencii>. - Дата доступа: 30.03.2013.
10. Павлова, Т. В. Современные аспекты лечения и оценка качества жизни пожилых больных раком предстательной железы. / Т. В. Павлова, Д. В. Бессмертный, И. А. Павлов // Научные ведомости. - 2010. - №22 (93). - Выпуск 12/1. - С. 67 - 70.
11. Кюблер-Росс, Э. О смерти и умирании / Э. Кюблер-Росс. - София, 2001. - 320 с.
12. Гнездилов, А. В. Психические изменения у онкологических больных / А. В. Гнездилов // Практическая онкология. - 2001. - № 1. - С. 5 - 11.
13. Чаклин, А. В. Проблема века / А. В. Чаклин. - 2-е изд., дораб. и доп. - М. Знание, 1990. - 240 с.
14. Дудниченко, А. С. О важности оценки психического состояния онкологических больных и членов их семей / А. С. Дудниченко, Л. Н. Дышлева, А. Ю. Дышлева // Проблемы медицинской науки та освіти. - 2003. - № 3. - С. 13 - 18.
15. Partner, J. Z. Fatigue in patients with cancer: results with National Cancer Institute of Canada Clinical Trials Group studies employing the EORTC QLQ-C30 // Support Care Cancer. - 1997. - № 5. - С. 410 - 413.
16. Irvine, D. Psychosocial adjustment of women with breast / D. Irvine // Cancer. - 1991.
17. Лурия, Р. А. Внутренняя картина болезни и итрогенные заболевания. / Р. А. Лурия. - М.: Медицина, 1977.
18. Абрамова, Г. С. Психология в медицине: учеб. пособие / Г. С. Абрамова, Ю. А. Юдниц. - М.: ЛПА «Кафедра-М», 1998.
19. Николаева, В. В. Влияние хронических болезней на психику / В. В. Николаева. - М.: МГУ, 1987. - 166 с.
20. Гнездилов, А. В. Христианское служение в хосписе / А. В. Гнездилов. - СПб., 2003. - 83 с.
21. Карпинский, К. В. Неконгруэнтность смысла жизни и противодействие значимых других: факторы кризисного развития личности / К. В. Карпинский // Психология жизненного пути личности: методологические, теоретические, методические и прикладные проблемы : сб. науч. ст. - Гродно : ГрГУ, 2012. - С. 131 - 183.
22. Выготский, Л. С. Собрание сочинений. В 6 томах. / Л. С. Выготский. - М.: Педагогика, 1984. - Т. 4.
23. Василенко, Т. Д. Телесность и субъективная картина жизненного пути личности: автореф. ...дис. ...канд. психол. наук: 19.00.04 / Т. Д. Василенко. - Санкт-Петербург, 2012. - Режим доступа: <http://govrdocs.ru/docs/300/index-232989.html>. - Дата доступа: 05.04.2013.
24. Тхостов, А. Ш. Психология телесности. / А. Ш. Тхостов. - М.: Смысл, 2002. - 287 с.

Петушок Т. С. – магистрант 1 курса факультета психологии ГрГУ им. Я. Купалы

Научный руководитель – заведующий кафедрой экспериментальной и прикладной психологии, кандидат психологических наук, доцент К. В. Карпинский

УДК 159.9

ПЕЦКЕЛЮН С. Ю.

ВЗАИМОСВЯЗЬ САМООТНОШЕНИЯ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ В ПЕРИОД КРИЗИСА СЕРЕДИНЫ ЖИЗНИ

Представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи между самооотношением и ценностными ориентациями в период кризиса середины жизни.

Наряду с неоднозначностью и многоаспектностью толкования смысла, ценностных ориентаций и самооотношения, исследователи вносят неопределимый вклад в понимание источников, причин человеческого поведения, деятельности, саморазвития. Еще несколько десятилетий тому назад считалось, что во взрослом возрасте у человека нет значимых проблем, связанных с развитием личности, а зрелость считалась временем достижений. Однако работы Д. Левинсона «Сезоны человеческой жизни», Б. Ньюгартена «Осознание зрелого возраста», Ошерсона «Печаль о потерянном «Я» в середине жизни», а также изменения в структуре заболеваемости и смертности в этот возрастной период заставили

исследователей по-иному смотреть на психологию зрелости и назвать этот период «кризисом зрелости» [3].

Проблема изучения кризиса жизни и смысложизненного кризиса является важнейшей в современной психологии и психотерапии. Большинство трудов, посвященных кризисам, рассматривают их как специфически присущее человеку внутреннее восприятие психических взаимосвязей, происходящее благодаря определенной внутренней работе, как чувственное проживание некоторой ценности.

В настоящее время существует много психологических теорий (З. Фрейд, Э. Эриксон, Б. Ливехуд, Д. Эльконин, В. Давыдов), авторы которых утверждают, что полноценно функционирующая личность формируется путем прохождения некоторых стадий в своем развитии. И каждая стадия сопровождается кризисом – поворотным моментом в жизни человека, который возникает при переходе на следующую стадию психосоциального развития.

Ценностные ориентации являются важнейшим компонентом структуры личности. Наряду с другими социально-психологическими образованиями они выполняют функции регуляторов поведения и проявляются во всех областях человеческой деятельности. Ценности носят двойственный характер: они социальные, поскольку исторически и культурно обусловлены, и индивидуальны, поскольку в них сосредоточен жизненный опыт конкретного субъекта. Социальные ценности определяются как некое данное, имеющее эмпирическое содержание значение, соотносимое с чем-то, являющимся объектом деятельности. Ценности конкретной личности формируются под влиянием социальной среды, особенностей тех социальных групп, в которые она входит [4].

В современной психологии отсутствует единый подход к определению такого феномена, как отношение человека к себе, несмотря на то что он активно изучается как отечественными (А. Спиркин, Е. Соколова, И. Чеснокова), так и зарубежными (Д. Марвел, К. Роджерс, Р. Бернс) исследователями. Анализ работ, посвященных изучению отношения человека к себе, позволяет говорить о большом разнообразии используемых для описания его содержания психологических категорий. Можно назвать такие понятия, как обобщенная самооценка, самоуважение, самопринятие, эмоционально-ценностное отношение к себе, собственно самоотношение, самоуверенность, чувство собственного достоинства, самоудовлетворение, аутосимпатия, самоценность и др. [1].

Учитывая данные обстоятельства, в качестве цели своего исследования мы выбрали изучение взаимосвязи самоотношения и ценностных ориентаций личности в период кризиса середины жизни. В исследовании использовалась выборка, состоящая из 100 испытуемых, дифференцированная по признаку пола и возраста. Так, настоящая выборка представлена респондентами женского пола в количестве 50 человек и мужского – 50 человек. Возраст респондентов данной выборки – от 35 до 45 лет.

В качестве диагностического инструмента эмпирического исследования были использованы следующие методы сбора данных: опросник смысложизненного кризиса (К. В. Карпинский); пробная версия опросника кризиса середины жизни, полученная на основе анализа различных теоретических подходов к данной проблеме; морфологический тест жизненных ценностей (В. Ф. Сопов, Л. В. Карпушина) и методика исследования самоотношения (В. В. Столин). В анкетах были указаны следующие данные: пол, возраст. С целью выявления статистической значимой связи самоотношения и ценностных ориентаций в период кризиса середины жизни, нами использовался непараметрический метод корреляционного анализа Спирмена в пакете STATISTIKA 6.0.

Обнаружены следующие взаимосвязи: если человек переживает кризис середины жизни, то ему присущи такие изменения в жизненных ценностях, как понижение духовной удовлетворенности и собственного престижа. Это обусловлено тем, что человек начинает искать конкретную выгоду от взаимных отношений, пренебрегает общественным мнением и нормами, становится более уступчивым, избегает неудач и конфликтов [2] (показатель корреляции Спирмена равен $R = -0,312337$; $p = 0,001558$). Прямая связь самоотношения и кризиса середины жизни ведет к тому, что человек в этот период вызывает у других людей одобрение и понимание, индивид принимает себя таким, каким он есть, пусть даже с некоторыми недостатками (показатель корреляции Спирмена равен $R = 0,291140$; $p = 0,003295$).

Что касается смысложизненного кризиса, то при наличии прямой взаимосвязи с самоотношением можно проследить, что у человека повышается самопринятие, возникают внутренние конфликты, самообвинение и самоуничтожение. Это обусловлено тем, что у человека просматривается тенденция к чрезмерному самокопанию и рефлексии, протекающей на общем негативном эмоциональном фоне отношения к себе, отрицание этих качеств может говорить о закрытости, отрицании проблем. Индивид готов поставить себе в вину свои промахи и неудачи, собственные недостатки (показатель корреляции Спирмена равен $R = 0,324398$; $p = 0,000992$).

Также выявлена взаимосвязь между жизненными ценностями и самоотношением. В результате были выявлены множественные взаимосвязи – как обратные, так и прямые. Это говорит о том, что жизненные ценности сильно взаимосвязаны с показателями самоотношения. Чем больше у человека

выражены такие ценности, как креативность, достижения, материальное положение, социальные контакты, тем больше проявляется самоуважение, самопринятие, самооценочность, отражающее самоотношение (показатель корреляции Спирмена равен $R = 0,233047$; $p = 0,019627$). И наоборот, чем больше человек самоуверен, самопривязан и самопринимает себя, тем меньше он занимается саморазвитием и не следит за сохранением своей индивидуальности. А также если индивид достигает большего, сохраняет свою индивидуальность, занимается саморазвитием, креативностью, собственным престижем, то у него отсутствует внутренний конфликт, самообвинение и внутренняя неустроенность (показатель корреляции Спирмена равен $R = -0,268487$; $p = 0,006915$).

Мы также выявили различия глубины переживания кризиса середины жизни, самоотношения и ценностных ориентаций между мужчинами и женщинами по критерию Манна – Уитни. В результате статистической обработки было выявлено, что недостаток в материальном положении будут переживать больше мужчины, чем женщины, т. к. они стремятся к высокому уровню материального благосостояния, в связи с этим у них развивается чувство собственной значимости и повышается самооценка ($U = 672,5$ при $p = 0,015610$).

Полученные результаты, таким образом, позволяют обнаружить взаимосвязь между самоотношением и ценностными ориентациями в период кризиса середины жизни.

Список литературы

1. Кольшко, А. М. Психология самоотношения / А. М. Кольшко – Гродно: ГрГУ, 2004. – 102 с.
2. Михальченко, Г. Ф. Психодиагностика личности: рабочая тетрадь. В 5 ч. Ч. 2 / Г. Ф. Михальченко, О. Н. Кравчик, Ю. П. Шевелинская. – Гродно: ГрГУ, 2009. – 103 с.
3. Платонова, Д. Особенности переживания личностью кризиса середины жизни / Д. Платонова [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.psi.lib.ru/statyi/sbornik/ospkkr.htm>.
4. Пригожин, А. И. Качество целей / А. И. Пригожин // ОНС. Общественные науки и современность. – 2010. - № 2. – С. 126 – 139.

Пецкелюн С. Ю. – студентка 5 курса факультета психологии ГрГУ им.Я. Купалы

Научный руководитель – преподаватель кафедры экспериментальной и прикладной психологии ГрГУ им.Я. Купалы, магистр педагогических наук Е. А. Кот

УДК 159.923:17.02

ПОЖАРИЦКАЯ Е. И.

ФОРМИРОВАНИЕ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОЙ СФЕРЫ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ В ПОДРОСТКОВОМ И ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

В статье представлен краткий анализ подходов к определению ценностей, духовности и нравственности. А также дано краткое описание исследований ценностных ориентаций юношей, сравнительный анализ особенностей подросткового и юношеского возраста.

В настоящее время в мире сложилась ситуация, при которой особое звучание приобретает вопрос о ценностных ориентациях человеческого существования, о необходимости мобилизации духовно-нравственных и смысловых ресурсов как источников развития и саморазвития каждого человека. Актуальность проблемы нравственности и ценностных ориентаций личности определяется, во-первых, необходимостью построения полной картины нравственности как психологического феномена; во-вторых – ростом запросов со стороны практики в отношении поиска эффективных методов влияния на процесс нравственного становления личности, а также на становление ценностных ориентаций личности. Исходя из этого, целью написания данной статьи является систематизация представлений о нравственности, духовности и ее составляющих, а также анализ исследований, касающихся проблемы формирования ценностных ориентаций и духовно-нравственной сферы.

Интерес к исследованию духовно-нравственной сферы и ее составляющих, т.е. ценностных ориентаций, проявляют как зарубежные, так и отечественные психологи и философы. Согласно же определению Т. И. Пуховой, «Ценностные ориентации личности» – это сложнейшее полифункциональное образование, исследуемое в настоящее время на философском, социально-психологическом и индивидуально-психологическом уровнях. Значимость его определяется тем, что, занимая место на пересечении двух больших областей – мотивационной и мировоззренческой структур сознания, – ценностные ориентации выполняют функции регуляторов человеческого поведения и всех видов человеческой деятельности. Ценности представляют собой «руководящие принципы в жизни индивида, которые на данном уровне развития цивилизации являются значимыми универсальными человеческими требованиями, обеспечивающими возможность существования человечества» [1, с. 28].

Термин «ценности» введен в научный обиход немецким философом Р. Лотце сравнительно недавно – во второй половине 19 века (в 1874 году), но первые вопросы, имеющие аксиологический характер, были поставлены еще Сократом в 5 в. до н.э. С тех пор различные аспекты ценностной проблематики, так или иначе, рассматриваются во всех философских работах [2].

Особое место занимает исследование ценностной проблематики в работах В. Виндельбанда и Г. Риккерта, представителей баденской школы неокантианства, которые исходили из положения о том, что ценность представляет собой идеальное бытие, бытие норм, которые соотносятся не с эмпирическим, а с «чистым», трансцендентальным сознанием. Будучи идеальными сущностями в данной концепции, ценности не зависят от человеческих потребностей и желаний [3].

М. Шелер, представитель персонологического онтологизма, в своем учении различает «ценности» и их носителей. Философ определяет ценности как объективные феномены, которые не зависят от сознания субъекта и от предметов, в которых они являются. Ценности имеют своих носителей и непосредственно в них становятся действительными: такими носителями являются личности, вещи и т.д. Бытие ценностей, согласно Шелеру, независимо от бытия их носителей, т.к. ценности не являются свойствами их носителей [4].

В современной социологии и социальной психологии предлагается понимать ценности как общепринятые убеждения относительно целей, к которым человек должен стремиться. «Индивид осознает мир через призму ценностей; социальный мир, естественно, через призму социальных ценностей», – отмечает Г. М. Андреева [5, с. 121]. Именно в таком контексте проблема ценностей была включена в контекст социального познания. Идея рассмотрения ценностей как одной из детерминант этого процесса принадлежит А. Тешфелу.

Понимание ценностных ориентаций, изложенное в психологической науке, является, с одной стороны, конкретизацией философско-социальных представлений, с другой стороны, отражает попытку проникновения в глубины человеческой психики и на феноменологическом уровне отражает психологическую природу ценностей.

Значительный вклад в разработку понятия «ценностные ориентации» был внесен представителями гуманистической психологии. А. Маслоу рассматривает ценностные ориентации с позиции теории самоактуализации. Используя понятие «ценности» в качестве синонима понятия «потребности», исследователь указывает на то, что «базовая мотивация человека представляет собой уже сформированную иерархию ценностей, которые связаны друг с другом как высшие потребности и низшие потребности, сильные и слабые, более жизненные и необязательные» [6, с. 142].

Оригинальная трактовка ценностей принадлежит В. Франклу. Исследователь понимает ценности как смысловые универсалии: они кристаллизуются в результате обобщения типичных ситуаций, с которыми общество и человечеству пришлось сталкиваться [7].

В свою очередь Б. Г. Ананьев рассматривал ценности и ценностные образования как базальные, «первичные» свойства личности, определяющие мотивы поведения, формирующие склонности и характер [8].

Связь ценностных ориентаций и нравственности весьма пропорциональна, и если обратится к феномену нравственности, то можно отметить, что современные психологические исследования нравственности включают изучение ее гендерных аспектов и социальных установок (К. Гиллиган), роли социальной рефлексии (К. Бессингер, Дж. Джибс, Д. Фуллер), взаимосвязи с ретрибутивной и дистрибутивной справедливостью (С. Батсон, М. Боверс) и др. В свою очередь, отечественные исследователи рассматривают нравственную сферу личности как результат общественно-исторического развития и обосновывают ее социальную обусловленность и связь с деятельностью человека [9].

Рассматривая духовно-нравственную сферу и ценностные ориентации, нельзя обойтись без духовности, которая и является компонентом духовно-нравственной сферы. В связи с этим следует упомянуть, что, несмотря на широкий диапазон исследований сущности самого понятия «духовность», в научной литературе до сих пор нет однозначной его трактовки. Нет универсальной дефиниции этого понятия ни в современной философии, ни в психологии. Определению данного понятия мешают такие

причины, как плюралистичность философских взглядов на духовность, непроработанность данного теоретического конструкта в психологии и педагогике, отсутствие психодиагностических методик измерения уровня духовности и многие другие.

Очень интересное понимание духовности представляется в трудах Л. Н. Собчик, с которым вполне можно согласиться: «Духовность человека представляет собой умение выйти за рамки узкоэгоистичного стремления выжить, защитить себя от различных невзгод. Наполненная духовным богатством жизнь включает в себя не только сбор и накопление информации об окружающем мире, но и способность к рассмотрению своего внутреннего Я в контексте мироздания. Но при всем этом, человек выступает не в качестве пассивного «объекта», а в качестве активного «субъекта» деятельности, который направлен на усовершенствование и обогащение своего внутреннего мира. Этот «активный субъект» представляет собой личность, пытающуюся понять свое место в этом мире, стремящаяся наполнить свою жизнь неким смыслом и расходуящую свою активность во благо собственного духовного усовершенствования» [10].

В трудном положении оказались молодые люди, чьи духовные потребности в ряде случаев вытесняются материальными интересами. Это приводит к духовному обнищанию целого поколения, что может повлечь за собой постепенную духовную деградацию общества. Несмотря на декларируемые приоритеты духовно-нравственного воспитания молодого поколения, духовным воспитанием занимаются преимущественно религиозные организации, которые не могут предложить комплексного решения этой проблемы.

В связи с этим возникает необходимость всестороннего исследования психологических условий и факторов развития духовных потребностей молодежи, т.к. группа высших (духовных) потребностей личности формируется стихийно, в юношеской среде наблюдаются примеры бездуховности, в ряде случаев утрачиваются традиции гуманизма, взаимопомощи и добродетельного отношения друг к другу, что приводит к проявлению эгоизма, стяжательства, насилия, беспринципности и агрессивности у молодых людей [11, с. 6].

В работах психологов наблюдаются попытки выявления факторов, способствующих формированию духовных потребностей у подрастающего поколения. Так, в работе «Психологические условия и факторы развития духовных потребностей в юношеском возрасте» Д. С. Королева было установлено, что в юношеском возрасте духовные потребности, как внутренние психологические побуждения личности к созданию и укреплению собственных духовно-нравственных установок, могут быть сформированы в учебных условиях через принятие перспектив, разделение ценностей, формирование стереотипов, образование конвенций и соблюдение ритуалов под влиянием психологических факторов преодоления препятствий, расширения эрудиции, организации взаимодействия, поощрения самоутверждения и экспрессии чувств [11, с. 17].

Главным новообразованием ранней юности является готовность к личностному и жизненному самоопределению, поэтому большинство психологов концентрируют внимание на изучении ценностей и духовно-нравственной сферы юношей. Отечественные исследователи также указывают на то, что формирование системы ценностей начинается в период старшим подростковым и началом юношеского возраста. Согласно исследованию А. В. Киселевой о внутреннем ценностном конфликте как факторе агрессивного поведения юношей, было выявлено следующее: 1) наибольшие расхождения между значимостью и доступностью ценностей-целей в юношеском возрасте обнаруживаются у высокоагрессивных индивидов; 2) частое использование агрессивных моделей поведения относительно психологически и социально адаптированными юношами и девушками обусловлено внутренним ценностным конфликтом, проявляющемся в сильном расхождении двух плоскостей ценностного сознания - плоскости, вмещающей в себя представления о «ценном и значимом», и плоскости, включающей представления о «непосредственно доступном, легком для достижения в ближайшем будущем»; 3) факторный анализ, примененный к общей совокупности данных, позволил выделить 3 фактора (когнитивной опосредованности, осмысленности жизни, индивидуально-типологической опосредованности), свидетельствующие о том, что повышенная агрессивность у юношей и девушек, имеющих конфликтную ценностную сферу, может быть связана либо с пониженным уровнем умственного развития, либо с ярко выраженной экстравертированностью [2].

С. В. Молчанов, опираясь на свои исследования касательно сравнительного анализа морально-ценностных ориентаций юношеского и подросткового возраста, отмечает, что возрастная динамика развития морально-ценностной сферы в подростковом и юношеском возрасте определяется направленностью на решение задачи приобретения автономии и преодоления зависимости и находит выражение в возрастании значимости приоритетной ценности саморегуляции, мотивации изменения и саморазвития, самоуважения, искренности и чуткости при относительном снижении значимости ценностей любви к людям, равноправия и общительности [12].

Таким образом, обобщив все выше сказанное, можно обозначить следующее:

1) проблема ценностных и нравственных ориентаций в раннем юношеском возрасте является принципиально значимой для решения вопросов связанных с личностным развитием молодого человека, с решением им важнейшей из задач развития в этот период – период личностного самоопределения.

2) в современной психологии не существует единства в определении понятия «духовно-нравственная сфера личности», т.к. большинство исследователей разграничивают понятия духовности и нравственности, либо подразумевают только их частичное сосуществование.

3) анализ существующих исследований указывает на то, что нет четких представлений о развитии ценностных потребностей и духовно-нравственной сферы в юношеском возрасте, что являет собой весьма существенный пробел в данной области знаний.

Список литературы

1. Пухова, Т. И. Становление ценностных представлений / Т. И. Пухова // под ред. Е. Д. Дорофеева, Л. А. Седова. – М., 1997. – С. 16 – 30.
2. Киселева, А. В. Внутренний ценностный конфликт как фактор агрессивного поведения в юношеском возрасте: дис. ...канд. психол. наук: 19.00.13 / А. В. Киселева; ИП РАН. – М., 2005. – 220 с.
3. Виндельбанд, В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия / В. Виндельбанд. – М., 1993. – 53 с.
4. Scheler, M. Gesammelte Werke. Bern / M. Scheler. – Munchen, 1957. – 155 s.
5. Андреева, Г. М. Психология социального познания / Г. М. Андреева. – М., 2000. – 174 с.
6. Маслоу, А. Дальние пределы человеческой психики / А. Маслоу. – СПб.: Евразия, 2002. – 512 с.
7. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М., 1990. – 233 с.
8. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания / Б. Г. Ананьев. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.
9. Положива, А. Н. Некоторые аспекты развития духовно-нравственной сферы подростков / А. Н. Положива // Ананьевские чтения 2009 (Второе издание). Современная психология: методология, парадигмы, теории (Выпуск 2). [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://psihologia.biz/psihologia-psihologia-obschaya_693/nekotoryie-aspektyie-issledovaniya-nravstvenno-17376.html.
10. Собчик, Л. Н. Проблема духовности в психологии / Л. Н. Собчик [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: <http://bibliopsy.mospsy.ru/sob1.html>.
11. Королев, Д. С. Психологические условия и факторы развития духовных потребностей в юношеском возрасте: автореф. дис. ...канд. психол. наук: 19.00.13 / Д. С. Королев; ИП РАН. – Т., 2008. – 28 с.
12. Молчанов, С. В. Развитие морально-ценностной ориентации личности как функция социальной ситуации развития в подростковом и юношеском возрасте: автореф. дис. ...канд. психол. наук: 19.00.13 / С. В. Молчанов; ИП РАН. – М., 2005. – 27 с.

Пожарицкая Е. И. – студентка 3 курса факультета психологии ГрГУ им. Я. Купалы

Научный руководитель - и.о. зав. кафедрой возрастной и педагогической психологии ГрГУ им.Я. Купалы, кандидат психологических наук А. И. Янчий

УДК 159.9

ПОЗНЯК С. В.

ЛИЧНОСТНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРЕДУБЕЖДЕННОСТИ В ОТНОШЕНИИ ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫХ

В работе обосновывается необходимость проведения исследования, цель которого состоит в выявлении связи между преубеждениями студентов в отношении психически больных и их индивидуально-психологическими особенностями. В исследовании приняли участие 120 студентов, обучающихся на факультетах естественнонаучного и гуманитарного профиля. Методический аппарат: метод семантического дифференциала, пятифакторный личностный опросник МакКрае – Коста, методы статистической обработки данных –

факторный анализ, корреляционный анализ Спирмена. Представлены результаты факторного анализа, позволившего сгруппировать выделенные шкалы-характеристики в 7 факторов – «неприятие», «благополучие», «равнодушие», «отсутствие перспективы», «социальная девиация», «экстернальность», «моральное осуждение», которые отражают основное содержание предубеждений в отношении психически больных. Приведена интерпретация выделенных факторов. Анализируются статистически значимые взаимосвязи между выделенными факторами и индивидуальными особенностями респондентов, представленными факторами концепции «Большой пятерки» – факторами «привязанность», «самоконтроль», «эмоциональная неустойчивость» и «экспрессивность».

Предубежденное отношение к психически больным со стороны общества является причиной дополнительных страданий для этих людей, которым, напротив, необходима поддержка и помощь не только родственников и медицинского персонала, но и общества в целом.

Снижение качества жизни данной стигматизированной группы, низкая обращаемость за помощью к врачам с целью избежать последующей дискриминации, рост суицидальных попыток, являющихся следствием негативного и предвзятого отношения к психическим заболеваниям, и их носителям и в целом к психиатрии, требуют дальнейшего изучения проблемы предубеждений общества к психически больным, выявления факторов, которые могут определять структуры, содержание и валентность предубеждений.

Одним из наиболее сложных и спорных моментов является определение причин возникновения предубеждений. Важную роль среди данных причин играют психологические факторы. Все многообразие психологических факторов, которые оказывают влияние на возникновение предубеждений, их содержание и валентность можно условно разделить на две основные группы – личностные и ситуативные.

Однако ситуативные факторы предубежденности: принадлежность к группе, реалистический конфликт, социальный контекст, социальная идентичность – скорее способствуют проявлению предубежденности, нежели являются ее первопричиной [3, с. 450].

Первые попытки связать предубежденность к тем или иным объектам с индивидуальными особенностями была предпринята Т. Адорно, который выделил следующие типы характера: конвенциональный (предубеждения интегрированы в структуре характера); авторитарный (предубеждения выполняют функцию социальной идентификации и экономическую функцию – направление либидной энергии в соответствующее русло); «бунтовщик» (стремление выступать против тех, кто кажется слабым); «хулиган» (нежизнеспособностью сверх-Я), «фантазер» (посредством предубеждений конструирует псевдореальность, против которой направляет всю свою агрессию, возникшую в результате переживания собственной несостоятельности); манипулятивный тип (мир делится на схематичные поля, все рассматривается в качестве объекта, которым нужно манипулировать и понять в соответствии со своими шаблонами) [1, с. 48 – 52].

А. Назар также связывает предубеждения с индивидуальными особенностями человека, которые нашли свое отражение в концепции «Большой пятерки» – экстраверсией (широта и интенсивность межличностного взаимодействия, уровень активности, решительность), дружелюбием (доброжелательность к другим людям, склонность к сотрудничеству, доверчивость), сознательностью (организованность и настойчивость, ответственность, практичность, усердность), нейротизмом (напряженность, нервозность, нестабильность) и интеллектом (открытость опыту). Так, исследование показало, что предубежденность отрицательно связана с первыми четырьмя факторами [4, с. 613 – 615].

Цель нашего исследования состояла в изучении связи индивидуально-психологических характеристик студентов и их предубежденности в отношении психически больных.

В основу исследования легло представление о предубеждении как социальной установке, определяющей отношение к объекту, и способ его восприятия [2, с. 189].

В исследовании приняли участие 120 студентов в возрасте от 20 до 22 лет, обучающихся на факультетах естественнонаучного и гуманитарного профиля.

Для сбора данных в исследовании применялся метод семантического дифференциала с использованием биполярных шкал, разработанных Ю. С. Смирновой и А. Я. Серебрянской, применяемых с целью выявить представления студентов о людях, страдающих психическими расстройствами; пятифакторный личностный опросник МакКрае – Коста (перевод и адаптация А. Б. Хромова) для определения индивидуальных особенностей респондентов.

Для статистической обработки полученных данных использовался факторный анализ, применение которого позволило выявить основное содержание предубеждений в отношении данной стигматизированной группы; корреляционный анализ Спирмена для определения связи между индивидуально-психологическими характеристиками студентов и их предубежденностью в отношении психически больных.

Проведение факторного анализа позволило выделить 7 факторов, отражающих основное содержание предубеждений студентов в отношении психически больных:

1) «неприятие» – фактор, описывающий отношение студентов к психически больным, которое проявляется в отвержении, непонимании; а также негативно окрашенные эмоции, возникающие при взаимодействии с данной группой (злость, неприязнь);

2) фактор «благополучие» собрал утверждения, оценивающие положение психически больных как благополучное и подчеркивающие наличие у больных таких особенностей как смелость, уверенность, самостоятельность и открытость, которые позволяют использовать болезнь в своих целях;

3) «равнодушие» – данный фактор собрал в себя утверждения респондентов, подчеркивающие простоту, заурядность, «обычность» больных и, как следствие, отсутствие интереса к данной группе;

4) «отсутствие перспективы» представляет собой измерение, отражающее восприятие психически больных как обреченных, отрицание возможности улучшения их состояния и, как следствие, бесполезных для общества;

5) фактор «социальная девиация» (враждебный, опасный, черствый, преступный) характеризует поведение психически больного, как не соответствующее общепринятым стандартам поведения и способное нанести вред обществу;

6) «экстернатальность» как объяснение причин состояния психически больных внешними факторами; представление о психически больных как о жертвах, что определяет сочувственное отношение к ним;

7) «моральное осуждение» представляет собой измерение, которое характеризует личность психически больных с точки зрения их нравственности (нечестность, хитрость, эгоизм, расчетливость).

Взаимосвязи между факторными переменными, полученными в результате проведения факторного анализа на массиве данных, собранных при проведении семантического дифференциала предубеждений студентов, и факторами личностного опросника «Большой пятерки» изучались при помощи корреляционного анализа Спирмена.

В результате статистической обработки данных исследования были найдены следующие взаимосвязи:

1) значимые слабые положительные связи между фактором «привязанность и обособленность» личностного опросника и факторами «благополучие» ($r=0,21$; $p<0,05$) и «моральное осуждение» ($r=0,23$; $p<0,05$). Студенты, для которых характерна доброжелательность, склонность к доверию, открытому взаимодействию, склонны, прежде всего, подчеркивать те аспекты, которые характеризуют психически больных с точки зрения их социальной активности и нравственности;

2) значимая слабая положительная связь между фактором «самоконтроль–импульсивность» личностного опросника и фактором «благополучие» ($r=0,22$; $p<0,05$) и отрицательная связь с фактором «равнодушие» ($r=-0,21$; $p<0,05$). Таким образом, студенты с высоким уровнем сознательности и контроля над собой и своим поведением склонны подчеркивать наличие подобных качеств и у больных, в то время как студенты, отличающиеся импульсивностью, неустойчивостью интересов и слабым волевым контролем, равнодушны к данной группе, которая не может вызвать у них интереса, так как больные отличаются простотой, заурядностью, предсказуемостью;

3) значимая умеренная отрицательная связь между фактором «эмоциональная устойчивость–нейротизм» личностного опросника и фактором «социальная девиация» ($r=-0,30$; $p<0,01$). Студенты, характеризующиеся эмоциональной неустойчивостью, склонностью переживать негативные эмоции, высокой тревожностью с осторожностью относятся к психически больным, усматривая в их поведении угрозу для себя;

4) значимая умеренная отрицательная связь между фактором «экспрессивность–практичность» личностного опросника и фактором «неприятие» ($r=-0,31$; $p<0,05$). Студенты, нетерпимые к новому, догматичные, склонны проявлять в отношении психически больных отвержение, дистанцирование и неприязнь, злость, так как, не будучи склонными к познанию чего-то нового и подходя ко всему с прагматической точки зрения, они не видят во взаимодействии с данной группой никакого практического смысла.

Проведенное эмпирическое исследование позволило сделать вывод о преобладании в структуре предубеждений по отношению к психически больным людям негативных установок – отрицание возможности изменения, улучшения состояния психически больных; негативная оценка качеств больных в соответствии с нормами морали и права; неприязненное отношение к данной группе, выражающееся в отсутствии уважения, непонимании и проявлении агрессии; умаление достоинств, подчеркивание простоты, предсказуемости больных. Предубеждения, характеризующиеся положительной валентностью, касаются снятия ответственности за их заболевание с больных и подчеркивание их благополучия через наделение их такими качествами как смелость, успешность, открытость.

Проведенный корреляционный анализ позволил выявить взаимосвязи между основным содержанием предубеждений студентов в отношении психически больных и такими индивидуально-психологическими особенностями, как «привязанность» (доброжелательность), «самоконтроль» (сознательность), «эмоциональная неустойчивость» (нейротизм) и «экспрессивность» (открытость)

новому опыту). Так, предубеждения студентов, получивших высокие баллы по фактору «привязанность», характеризуются акцентированием благополучия больных и наличия у них таких качеств, как черствость, расчетливость, эгоизм. Благополучие больных, наделение их такими особенностями, как смелость, открытость, решительность, успешность подчеркивается и студентами с высоким уровнем самоконтроля, в то время как студентами с низкими баллами по данному фактору отмечается проявление равнодушия к данной стигматизированной группе, которое проявляется в характеристике больных как обычных, заурядных, неинтересных, предсказуемых людей. Студенты с низкой эмоциональной устойчивостью подчеркивают асоциальность больных; для студентов, получивших низкие баллы по фактору «экспрессивность», характерна агрессивная установка, отвержение психически больных.

Проведенное исследование отражает влияние личностных особенностей респондентов на содержание и валентность предубеждений в отношении психически больных. Дальнейшее изучение детерминант предубежденности позволит определиться с мишенями дестигматизации, что повысит ее эффективность.

Список литературы

1. Адорно, Т. Исследование авторитарной личности / Т. Адорно, Н. Сэнфорд, Э. Френкель-Брюнsvик, Д. Левинсон. – М. : Акад. исслед. культуры, 2001. – 412 с.
2. Кон, И. С. Психология предрассудка / И. С. Кон // Новый мир. – 1966. – № 9. – С. 187 – 205.
3. Ekehammar, B. The relation between personality and prejudice: a variable- and a person-centred approach / B. Ekehammar, N. Akrami // European Journal of Personality. – 2003. – Vol. 17, № 6. – P. 449 – 464.
4. Nazar, A. Classical and modern prejudice: attitudes toward people with intellectual disabilities / A. Nazar, B. Ekehammar, M. Claesson, K. Sonnander // Research in Developmental Disabilities. – 2006. – Vol. 27, № 6. – P. 605 – 617.

Позняк С. В. – студентка 5 курса факультета философии и социальных наук БГУ

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры психологии БГУ, кандидат психологических наук, доцент Ю. С. Смирнова

УДК 159.9

РОМАНЧУК С. И.

ВЗАИМОСВЯЗЬ МОТИВАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОСОЗНАННОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

Рассматриваются теоретические и эмпирические основы взаимосвязи мотивации учебной деятельности и осознанной саморегуляции студентов ВУЗа.

Одной из проблем оптимизации учебно-познавательной деятельности студентов является изучение вопросов, связанных с мотивацией учебной деятельности. Это определяется тем, что в системе «обучающий – обучаемый» студент является не только объектом управления этой системы, но и субъектом деятельности, к анализу учебной деятельности которого в ВУЗе нельзя подходить односторонне, обращая внимания лишь на «технологию» учебного процесса, не принимая в расчет мотивацию. Как показывают социально-психологические исследования, мотивация учебной деятельности неоднородна, она зависит от множества факторов: индивидуальных особенностей студентов, характера ближайшей референтной группы, уровня развития произвольной регуляции учебной деятельности [1].

Учебная мотивация определяется как частный вид мотивации, включенный в определенную деятельность, - в данном случае деятельность учения, учебную деятельность.

Учебная мотивация позволяет развивающейся личности определить не только направление, но и способы реализации различных форм учебной деятельности, задействовать эмоционально-волевую сферу. Она выступает в качестве значимой многофакторной детерминации, обуславливающей специфику учебной ситуации в каждый временной интервал [1].

Как и любой другой вид, учебная мотивация определяется целым рядом специфических для той деятельности, в которую она включается, факторов:

- характером образовательной системы;
- организацией педагогического процесса в образовательном учреждении;
- особенностями самого обучающегося (пол, возраст, уровень интеллектуального развития и способностей, уровень притязаний, самооценка, характер взаимодействия с другими учениками и т.д.);
- личностными особенностями учителя (преподавателя) и, прежде всего, системой его отношений к обучаемому, к педагогической деятельности;
- спецификой учебного предмета.

Учебная деятельность является полимотивированной, так как активность обучающегося имеет различные источники. Принято выделять три вида источников активности: внутренние, внешние, личные.

Взаимодействие внутренних, внешних и личных источников учебной мотивации оказывает влияние на характер учебной деятельности и ее результаты. Отсутствие одного из источников приводит к переструктурированию системы учебных мотивов или их деформации [2].

Поддержание активности в учебной деятельности осуществляется с помощью регуляторных процессов осознанной саморегуляции.

По определению О. А. Конопкина, психическая саморегуляция – один из высших уровней регуляции активности биологических систем, отражающий качественную специфику реализующих ее психических средств отражения и моделирования действительности, в том числе рефлексию субъекта на самого себя и свою активность, деятельность, поступки [3].

Уровень психической регуляции, организация и функционирование которого осуществляется и контролируется произвольно и осознанно, обозначается понятием «осознанная саморегуляция». При этом имеется в виду не постоянно развернутая актуальная осознанность всех моментов регуляции субъектом своей целенаправленной активности, а их принципиальная подвластность, «подотчетность» сознанию субъекта, доступность сознательному анализу, контролю и управления.

Исследование осознанной саморегуляции является, по сути, изучением механизмов той активности субъекта по организации и управлению своей деятельностью, общением и поведением, которая остается, как правило, скрытой от наблюдателя и не всегда специально и отчетливо осознается самим субъектом, но которая, вместе с тем, является выражением субъектности деятельности и поведения, их целенаправленности и произвольности.

О. А. Конопкин предлагает концептуальную модель саморегуляции, отражающую ее принципиальную внутреннюю структуру: общие и в то же время существенные для различных процессов регуляции моменты. Саморегуляция представлена в этой модели как целостная открытая система, состоящая из функциональных звеньев, основанием для выделения которых является их специфическая функция в общем контуре регулирования, абстрагированная от психических средств ее реализации [3].

Лишь определенная внутренняя структура саморегуляции при достаточной форсированности ее отдельных компонентов обеспечивает эффективность деятельности относительно ее цели. При этом компонентная структура саморегуляции инвариантна, постоянна для самых разных видов и форм произвольной активности человека. В зависимости от вида деятельности и условий ее осуществления одни и те же по своим функциям структурные компоненты саморегуляции могут реализовываться разными психическими средствами [5].

Общая модель указанной системы саморегуляции состоит из следующих функциональных звеньев:

- принятая субъектом цель деятельности;
- субъектная модель ее значимых условий;
- программа собственно исполнительских действий;
- субъектная система критериев успешности деятельности;
- контроль и оценка реальных наличных результатов;
- решение о коррекции системы саморегуляции.

Вслед за Конопкиным, Моросанова В. И. понимает осознанную саморегуляцию как системно организованный процесс внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижение принимаемых им целей [4].

Нами используется понятие осознанной саморегуляции как системно организованного процесса внутренней психической активности человека по инициации, построению, поддержанию и управлению разными видами и формами произвольной активности, непосредственно реализующей достижение принимаемых им целей [3].

На основе теоретического анализа литературы по данной теме была выдвинута гипотеза о взаимосвязи мотивации учебной деятельности и осознанной саморегуляции у студентов ВУЗа.

В исследовании принимало участие 120 студентов юридического факультета Гродненского Государственного университета имени Янки Купалы. В группу испытуемых вошли 67 девушек и 53 юноши.

Для решения поставленных задач были использованы следующие методы: Личностный опросник регуляции учебной деятельности (ЛОРУД) П. Р. Галузо; тест-опросник «Мотивация достижений» А. Мехрабиана; Комплексный опросник мотивации личности в процессе учебной деятельности (КОМ) Е. В. Карповой.

После первичной обработки данных было выявлено, что большинство студентов имеют средний уровень осознанной регуляции учебной деятельности –55,8 %, высокий уровень – 40 %, низкий уровень - 4,2 %.

Для достижения цели исследования нами в первую очередь было проведено изучение взаимосвязи мотивации учебной деятельности и осознанной саморегуляции у студентов ВУЗа. Для этого нами был использован корреляционный анализ по Кендаллу.

Полученные в ходе исследования результаты позволили сделать следующие выводы:

1. Чем ниже антимотивация (под антимотивацией следует понимать те мотивационные факторы, которые имеют прямую негативную направленность по отношению к учебной деятельности), тем выше понимание смысла учебной деятельности ($r=-0,569$, $p=0,0086$). Высокий уровень мотивации учебной деятельности (осознание ее целей, личностной значимости, возможности самореализации) дает возможность четкого представления о смысле учебной деятельности в структуре индивидуальной жизнедеятельности личности.

2. Чем ниже антимотивация, тем выше моделирование учебной деятельности ($r=-0,471$, $p=0,036$). Наличие мотивации учебной деятельности способствует формированию представлений об этапах, особенностях и результате учебной деятельности. Эти представления формируются с учетом внешних обстоятельств, в которых осуществляется процесс обучения, а также внутренних личностных качеств субъекта учебной деятельности.

3. Чем ниже мотивация достижения, тем выше планирование учебной деятельности ($r=-0,456$, $p=0,004$). Низкий уровень мотивации достижения приводит к планированию учебной деятельности таким образом, чтобы избежать неудач в процессе обучения. Этапы учебной деятельности распланированы таким образом, чтобы, в конечном счете, привести к должному результату-успеху.

4. Чем выше общий уровень мотивации учебной деятельности, тем выше планирование учебной деятельности ($r=0,445$, $p=0,004$). Студенты с высокой мотивацией учебной деятельности имеют четкое представление о значимости обучения в системе своей жизнедеятельности и в соответствии с этим составляют планы, намечают этапы их достижения.

5. Чем ниже антимотивация, тем выше контроль результатов учебной деятельности ($r=-0,467$, $p=0,003$). Мотивация учебной деятельности способствует формированию представлений о результате обучения (соответствии желаемого и действительного). Контроль результатов учебной деятельности позволяет соотнести достигнутые результаты с ожидаемыми, а также внести некоторые изменения в процесс учебной деятельности при их рассогласовании.

6. Чем ниже мотивация учебной деятельности, тем выше уровень осознанной саморегуляции ($r=0,744$, $p=0,005$). Низкая мотивация приводит к развитию осознанной саморегуляции учебной деятельности как компенсаторного механизма, то есть в процесс обучения включаются дополнительные осознанные механизмы регуляции учебной деятельности.

Выявленные взаимосвязи подтверждают выдвинутую нами гипотезу о наличии взаимосвязи мотивации учебной деятельности и осознанной саморегуляции у студентов ВУЗа.

Список литературы

1. Зерниченко, А. Н. Мотивационный процесс, структура личности и трансформация энергии потребностей / А. Н. Зерниченко, Н. В. Гончаров // Вопросы психологии. – 1989. – № 2. – С. 105 – 114.
2. Ильин, Е. П. Успешность деятельности, компенсации и компенсаторные отношения / Е. П. Ильин // Вопросы психологии. - 1983. - № 5. - С. 95 – 98.
3. Конопкин, О. А. Связь учебной успеваемости студентов с индивидуально-типологическими особенностями их саморегуляции / О. А. Конопкин, Г. С. Прыгин // Вопросы психологии. - 1984. - № 3. - С. 42 – 52.

4. Моросанова, В. И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека / В. И. Моросанова // Психологический журнал. – 2002. - № 6. - Том 23. – С. 6 – 17.
5. Чирков, В. И. Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека / В. И. Чирков // Вопросы психологии. – 1995. - № 3. – С. 116 – 132.

Романчук С. И. - студентка 5курса факультета психологии ГрГУ им.Я. Купалы

Научный руководитель - доцент кафедры экспериментальной и прикладной психологии, кандидат психологических наук, доцент П. Р. Галузо

УДК 159.9

РОМАШКО Н. В.

ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ В СЕМЬЕ

Обсуждается понятие физического и психологического насилия. Акцентируется внимание на двух различных точках зрения в толковании феномена психологического насилия: социополитической и психологической. Рассматривается проблема психологического насилия в супружеских отношениях. Анализируются результаты распространенности психологического насилия в семье и связи психологического насилия с эмоциональным состоянием супругов.

Значение семьи в жизни каждого индивида и в жизни общества невозможно переоценить. Семейное воспитание, наличие собственной семьи, внутрисемейные отношения – важнейшие факторы формирования и существования личности.

Семейные отношения позволяют индивиду раскрыться, способствуют личностному росту, но в то же время вынуждают следовать целям, которые не всегда сочетаются с его личными стремлениями и желаниями.

В настоящее время, в современной психологической науке проблема насилия в семье является актуальной. Супружеское насилие не имеет никаких экономических, образовательных, расовых или религиозных границ. Оно может происходить в семьях всех слоев общества. Причем в качестве агрессора и жертвы могут выступать как мужчины, так и женщины. Однако, несмотря на свидетельства статистики, что насилие над женами – более распространенное явление, все же некоторые жены могут представлять серьезную реальную угрозу для их мужей [3].

Супружеское насилие в целом – это неправомерное использование, употребление силы, власти и контроля, это попытка принуждать супруга и управлять им через физическое или психологическое воздействие [3].

Физическое воздействие включает истязания, пытки, избиение, толчки, царапание, кусание, хватание, удушение, посягательства сексуального характера, использование холодного и огнестрельного оружия [3].

Психологическое воздействие включает – многообразные разновидности принуждения (коммуникативного, сексуального, экономического и прочее), основу которых составляют вербальная и косвенная агрессии и различные формы проявления негативизма [3].

Проблема насилия как применения физической силы с намерением причинить боль или травмы партнеру в межличностных интимных отношениях уже в течение нескольких десятилетий интенсивно изучается западными социологами, криминологами, психологами, врачами и учеными из других областей знания. Однако отечественные ученые взялись за детальное исследование проблемы насилия в семье только около 10 - 15 лет назад. Полученные данные демонстрируют высокую частоту и интенсивность насильственных действий между близкими людьми и членами одной семьи. При этом большинство исследований было направлено на изучение насилия над женщинами. Однако важно отметить, что женщины не только являются жертвами межличностного насилия и убийств, но и активно совершают межличностное насилие. В настоящее время криминологи и психиатры отмечают тенденцию к росту преступной активности женщин. Более 200 исследований в разных странах свидетельствуют о гендерной симметрии в совершении насилия мужчинами и женщинами в межличностных отношениях [1].

Наряду с физическим насилием в семье, психологическое является наиболее распространенным. Вместе с тем, в отличие от сексуального и физического насилия, о нем говорят меньше всего. Причина этого отчасти состоит в том, что многие формы коммуникации между супругами, которые оцениваются ими как нормальные и допустимые, в действительности являются деструктивными и разрушительными для супружеского взаимодействия и достаточно травматичными по своим последствиям для каждого из партнёров. Многие люди, возможно, даже не догадываются, что являются жертвами психологического насилия [4]. Методы установления контроля над другими людьми базируются на систематическом, повторяющемся нанесении психической травмы. Эти методы спланированы так, чтобы исподволь постепенно внушать человеку чувство страха и беспомощности, разрушать его самосознание и связи с другими людьми, а также воспитывать патологическую преданность преступнику. Хотя насилие является универсальным методом внушения страха, угроза смерти или серьёзной травмы либо для самой жертвы, либо для кого-то из близких ей людей используется гораздо чаще, чем фактическое применение насилия. Страх усиливается из-за непредсказуемости вспышек насилия и из-за непосредственного принуждения к исполнению многочисленных тривиальных требований и мелких правил [2].

Анализ литературы показал, что не существует и общепринятого определения психологического насилия [4]. В отличие от физического или сексуального насилия, где единичный инцидент конституирует насилие, психологическое насилие определяется серией инцидентов или паттерном поведения, которые проявляются в течение некоторого времени. Психологическое насилие - это серия повторяющихся инцидентов (преднамеренных или нет), в которых человека оскорбляют, изолируют, унижают, контролируют или угрожают ему.

Как и многие другие формы насилия, проявляющиеся в межличностных отношениях, психологическое насилие базируется на власти и контроле [5]. Чаще же всего к психологическому насилию относят те модели поведения, которые можно квалифицировать как дезадаптивные и дисфункциональные, но никак не собственно насильственные.

Существуют, по крайней мере, две точки зрения на толкование феномена психологического насилия.

Социополитический подход. Главная цель психологического насилия - это стремление к получению и возможности контроля и власти, а не результат психологических нарушений самой личности и системы ее взаимоотношений. Так, например, с позиций правозащитных организаций любое воспитательное воздействие родителя по отношению к ребенку можно трактовать как психологическое насилие.

Психологический подход. При трактовке феномена психологического насилия сторонники данного подхода акцентируют внимание:

во-первых, на последствиях этого насилия (на наличие глубоких негативных эмоциональных переживаний и психологической травмы, возникающей в результате депривации или фрустрации потребности в безопасности);

во-вторых, опираясь на определенные психологические и социальные характеристики, они более четко разграничивают черты насильника и ненасильника, насильника и его жертвы;

в-третьих, учитываются факторы социального окружения.

Кроме того, психологический подход допускает более широкий спектр причин возникновения психологического насилия, обусловленных влиянием как личностных, так и ситуативных детерминант [4].

Анализ литературы по обсуждаемой проблеме показывает, что большинство авторов сходятся во мнении, что паттерн психологического насилия можно описать как террор и запугивание человека; принуждение делать что-либо; помещение или угрозу поместить человека в опасные для жизни условия; отказ замечать присутствие человека, признавать его значимость и достоинство; коммуникацию с целью демонстрации его бесполезности; обесценивание его мыслей, чувств и поступков; оскорбление, издевательство, обращение только по кличке, передразнивание, инфантилизация; физическое заточение; запрет на нормальные контакты с другими, ограничение свободы человека; развращение; эмоциональную холодность [4].

В психологической литературе, посвященной насилию в семье, отмечается, что агрессивные отношения между супругами могут стать моделью или образцом, на основе которых дети усваивают. Насилие является приемлемым или эффективным средством разрешения конфликтов с другими людьми. В модели социального научения образец вербальных и/или физических действий рассматривается как средство межличностного воздействия, благодаря которому возможно формирование (изменение) отношений или способа действий другого человека. Существенная роль при этом принадлежит влиянию первичных посредников социализации, а именно образца отношений и поведения родителей, на обучение детей агрессивному поведению [3].

Кроме того, описывается феномен так называемой «эстафеты насилия». Суть его сводится к тому, что дети, видевшие проявления насилия в отношениях между собственными родителями, склонны воспроизводить подобные действия в общении с другими людьми. Примечательно, что этот феномен имеет длительное действие: люди, бывшие в детстве свидетелями физического насилия между родителями, во взрослом возрасте сами становятся склонными к использованию физической силы в отношениях с супругами [3].

Таким образом, в процессе наблюдения за интеракциями и коммуникациями родителей у ребенка возникают представления о супружеских отношениях. Эти возникшие в детстве социальные репрезентации на основе интернализации символического значения супружеского поведения будут формировать ту мыслительную окружающую среду, которая в будущем определит восприятие и понимание индивидом реальности супружеских отношений и будет направлять его действия с позиции определенной супружеской роли. Вместе с тем, как отмечает В. А. Янчук, социальные репрезентации как направляют социальные действия личности, так и позволяют другим понять эти действия. При этом отмечается, что, когда личности разделяют одни и те же социальные репрезентации, действия понимаются и оцениваются релевантно. Когда социальные репрезентации не разделяются, происходит неверное истолкование действий.

Социальные репрезентации супружеских отношений, восприятие и понимание взаимодействия между мужем и женой в семье не только возникают, но и существуют в пределах определенной традиции и культуры. Если рассмотреть феномен физического насилия в супружеских отношениях, то можно отметить, что все еще существующий патриархальный уклад семейной жизни, а также большая физическая сила мужчины достаточно четко определяют, кто в семье выступает в роли агрессора, а кто – жертвы.

Сложнее дело обстоит с психологическим насилием, поскольку многие формы коммуникации между супругами, являющиеся по сути деструктивными и разрушительными для супружеского взаимодействия и достаточно травматичными по своим последствиям для каждого из партнеров, часто расцениваются как нормативные, а следовательно, вполне допустимые. Многие супруги, возможно, даже не догадываются, что являются агрессорами или жертвами психологического насилия [3].

Психологическое насилие часто сопровождает все другие формы насилия, но может проявляться и самостоятельно. Жертвами психологического насилия, как правило, становятся дети и женщины, а также самые незащищенные слои общества. Использование психологического насилия может иметь для его жертвы самые серьезные последствия. К примеру, многие люди, пережившие физическое или сексуальное насилие, отмечали, что психологическое насилие зачастую было более разрушительным и имело более долгосрочные эффекты. Это связано с тем, что климат неуважения человеческих чувств, когда человек находится под постоянной или частой критикой, на него кричат или его игнорируют, оказывает глубокое и сильное влияние, деформируя образ «Я» и самооценку личности [4]. К истязаемым женщинам и другим хронически травмированным людям фактически можно применить концепцию «привитой беспомощности». Продолжительный плен разрушает привычное ощущение сравнительно безопасной области инициативы, в которой есть место для проб и ошибок. Для такого человека любое независимое действие является нарушением субординации, что влечет за собой риск сурового наказания [2].

Психологическое насилие, если оно имеет место достаточно часто, обычно интернализуется жертвой и заставляет ее чувствовать страх, собственную незначительность, недостойность, недоверчивость, эмоциональную зависимость и непривлекательность, как будто бы этот человек настолько плох, что заслуживает только наказания и порицания. Впоследствии это может привести к формированию у человека психологии жертвы [4].

Вынужденная взаимосвязь (жертва - преступник) монополизирует внимание жертвы, становится частью ее внутреннего мира и продолжает поглощать ее внимание и после освобождения. После обретения свободы трудно восстановить контакты с внешним миром в таком виде, какими они были до освобождения. Все взаимоотношения рассматриваются сквозь призму крайней нужды. У людей, переживших в детстве жестокое обращение, нарушения во взаимоотношениях с окружающими усиливаются. Наблюдаются колебания в контактах, формируются неустойчивые, напряженные взаимоотношения. Изучение пациентов с пограничными расстройствами личности, которые в детстве испытывали жестокое обращение, позволило описать специфическую картину трудностей в общении. Такие люди тяжело переносят одиночество, но, вместе с тем, очень настороженно относятся к окружающим. Они колеблются между двумя крайностями: жалким подчинением и яростным бунтом, стремятся сформировать взаимоотношения «особой» зависимости с идеализированными людьми, которые проявляли бы о них заботу, но так, чтобы в них не наблюдались обычные связи [2].

По данным исследования И. А. Фурманова, Д. Я. Дмитриевой, были получены данные о распространенности психологического насилия в семье. Их анализ показывает, что психологическое

насилие в супружеских отношениях присутствует, но не в таких катастрофических масштабах, как этого можно было бы ожидать. В частности, никогда не подвергались психологическому насилию 72,2 % мужей и 61,7 % жен. К жертвам названного насилия, то есть тем, кто ему подвергается неоднократно и многократно, относятся 1,4 % мужей и 5,7 % жен. Следовательно, жены в семье подвергаются психологическому насилию примерно в четыре раза чаще, чем мужья. Следует отметить, что эти данные в основном базируются на городской выборке. Вполне возможно, что в небольших городках и деревнях это соотношение будет несколько иным [4].

Анализ общей структуры психологического насилия в супружеских отношениях показывает, что наиболее распространенными видами этого насилия, вне зависимости от пола супругов, являются: угроза нефизического наказания за несоблюдение требований, дистанцирование, словесные унижения, оскорбления, обзывания, отрицание прав и непризнание авторитета и ценности другого супруга; отказ в положительном подкреплении, эпизодическая снисходительность [4].

И. А. Фурманов, Д. Я. Дмитриева установили, что мужья чаще «страдают» от чрезмерного контроля со стороны своих жен. Это проявляется в ревности, потребности знать, где супруг находится все время и с кем, обвинениях в том, что он много времени проводит с другими людьми, стремлении посмотреть на них или познакомиться с ними, в слежке, управлении финансами таким образом, чтобы сделать супруга полностью зависимым, и др. Жены, в свою очередь, больше «страдают» от использования мужьями собственного привилегированного положения, что проявляется в требованиях подобострастия, отношении к супруге как к прислуге, сохранении за собой последнего «мужского» слова, в следовании традиционной полоролевой позиции в пределах семьи, четком разделении ролей мужчины и женщины [4].

Кроме того, жены в большей мере подвержены угрозам со стороны мужей причинить физические повреждения или сильно избить, запугиваниям, обесцениванию, игнорированию, обвинениям. Они чаще сталкиваются с фактами использования мужьями детей в качестве аргумента в споре [4].

Результаты исследования И. А. Фурманова, Д. Я. Дмитриевой показывают, что общий индекс психологического насилия супругов связан с их эмоциональным состоянием. Однако интенсивность эмоциональных переживаний у мужей и жен различна: индекс психологического насилия коррелирует с тревожностью (соответственно $r = 0,26$ и $r = 0,49$), депрессией (соответственно $r = 0,23$ и $r = 0,43$) и враждебностью (соответственно $r = 0,22$ и $r = 0,46$). Исходя из этого, можно утверждать, что супруги, которые подвергаются психологическому насилию, отличаются эмоциональным состоянием повышенного беспокойства, чувством страха, мрачным настроением, подавленностью или печалью, ощущением собственной неполноценности, чувством ненависти к окружающим людям или ситуациям, деструктивностью [4].

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что проблема насилия была, есть и останется актуальной, пока существует человеческий вид, потому что основой этого вида является семья. В семье закладываются основные принципы жизни, и насколько здоров сам институт семьи, настолько здоровое общество нас окружает.

Список литературы

1. Лысова, А. В. Насилие в добрых отношениях: модель факторов риска и способы профилактики: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / А. В. Лысова; Санкт-Петербург, 2008.
2. Пергаменщик, Л. А. Кризисная психология: учеб. пособие / Л. А. Пергаменщик. – Мн.: Выш. шк., 2004. – 239 с.
3. Фурманов, И. А. Социальные репрезентации форм психологического насилия в супружеских отношениях в добрый период / И. А. Фурманов // Психологический журнал. – 2007. – №1(13). – С. 60 - 67.
4. Фурманов, И. А. Взаимосвязь психологического насилия и эмоционального состояния супругов в семье / И. А. Фурманов, Д. Я. Дмитриева // Психологический журнал. – 2005. – №1(5). – С. 33 - 40.
5. Фурманов И. А. Стратегии коммуникативного контроля в межличностном взаимодействии / И.А. Фурманов // Белорусский психологический журнал. – 2004. – № 1. – С. 14 - 20.

Ромашко Н. В. – студентка 4 курса факультета психологии ГрГУ им. Я. Купалы

Научный руководитель – доцент кафедры общей и социальной психологии ГрГУ им. Я. Купалы, кандидат психологических наук, доцент Е. В. Костюченко

УДК 119.902.3

РЫБАК Т. С.

СЕМЕЙНО-ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПСИХОТРАВМИРУЮЩИЕ СОСТОЯНИЯ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ БРАКОМ В СУПРУЖЕСКОЙ ПАРЕ

В данной статье рассматриваются семейно-обусловленные психотравмирующие состояния, а также факторы, влияющие на стабильности семьи и удовлетворенности браком. Приведены результаты эмпирического исследования семейно-обусловленных психотравмирующих состояний и удовлетворенности браком в супружеских парах.

Семья, являясь основной формой организации жизни человека, выполняет множество функций. Однако выполнение в семье этих функций возможно лишь при условии однозначного понимания супругами своей семейной роли и ответственности по отношению к семье, а также при условии «здоровых» взаимоотношений между супругами. Согласованность распределения ролей между супругами, совместимость личных установок относительно семейного уклада и соответствие семейных ценностей являются основными факторами благополучия супружеских отношений.

В связи с быстро меняющимися социально-политическими условиями общественной жизни и демографическим кризисом изучение факторов стабильности семьи и удовлетворенности браком, а также проведение исследований семьи становится приоритетным направлением, так как семья играет огромную роль в жизни как отдельной личности, так и всего общества.

Исследователи определяют удовлетворенность браком как внутреннюю субъективную оценку, отношение супругов к собственному браку [1; 2; 3].

К факторам, влияющим на степень субъективной удовлетворенности браком, относятся:

- стадия жизненного цикла семьи;
- супружеский стаж;
- сходство ценностей у супругов;
- пол;
- наличие в семье детей;
- трудовая занятость;
- стратегии совладающего поведения (копинга), используемые супругами при решении семейных проблем;
- удовлетворенность работой;
- мотивы вступления в брак;
- срок предбрачного ухаживания;
- сексуальная удовлетворенность супругов;
- формирование образа счастливого замужества;
- комплементарность супругов;
- разделение домашнего труда;
- характер профессиональной деятельности женщины, обеспечивающий для нее «независимую» от семьи сферу самовыражения и дружеского общения [2, с. 36].

Нарушение перечисленных выше факторов приводит к хроническим психотравмирующим состояниям. На этом фоне возникает психическая травма. Понятие «психическая травма» плотно вошло в нашу повседневную жизнь, и обычно используется в отрицательном значении.

Под психической травмой понимается психическое переживание, в центре которого находится определенное травматическое эмоциональное состояние [3, с. 73].

Психотравмирующие переживания возникают под влиянием следующих обстоятельств:

1. События в семье в гораздо большей степени "принимаются близко к сердцу", чем аналогичные события в сфере трудовой деятельности, соседских отношений и т.д.;

2. Сферы домашнего хозяйства, досуга, эмоциональных и сексуально-эротических взаимоотношений теснейшим образом взаимосвязаны, и попытка внести в любую из них более или менее значительные изменения вызывает "цепную реакцию" изменений во всех других. В силу этой особенности от семейной травмы труднее уйти - у члена семьи при попытке избежать травматизации может возникнуть больше сложностей;

3. Особая открытость и, следовательно, уязвимость члена семьи по отношению к различным внутрисемейным влияниям, в том числе и травмирующим.

Наиболее значимыми психотравмирующими состояниями являются:

- состояние глобальной семейной неудовлетворенности;
- "семейная тревога";
- семейно-обусловленное непосильное нервно-психическое и физическое напряжение;
- чувство вины, связанное с семьей.

Таким образом, семейно-обусловленные психотравмирующие переживания являются тем фактором, который способствует трансформации нарушения жизнедеятельности семьи в нервно-психическое или соматическое расстройство индивида [4, с. 326].

Исследование, направленное на изучения психотравмирующих состояний и удовлетворенности браком, проводилось с января по март 2013 года в городе Гродно. В нем принимали участие супружеские пары в возрасте от 18 до 55 лет. Стаж супружеской жизни не менее 3 лет. Всего в исследовании принимали участие 60 респондентов (30 женщин и 30 мужчин).

По итогам исследования были сделаны следующие выводы:

1) 21 % женщин считает свой брак абсолютно неблагополучным, 17 % - признают отношения неблагополучными, 15 % - характеризуют отношения скорее неблагополучными, 12 % - определяют тип взаимоотношений как переходный, 11 % - признают отношения скорее благополучными, 8 % - благополучными, 8 % - абсолютно благополучными;

2) 28 % мужчин считают свой брак абсолютно неблагополучным, 18 % - признают отношения неблагополучными, 17 % - характеризуют отношения скорее неблагополучными, 4 % - определяют тип взаимоотношений как переходный, 12 % - признают отношения скорее благополучными, 13 % - благополучными, 8 % - абсолютно благополучными.

Изучая семейно-обусловленные психотравмирующие состояния, мы обнаружили, что 27 % женщин испытывают чувство вины, 20 % - испытывают чувство тревоги, 35 % - испытывают напряженность и у 18 % женщин не выявлены психотравмирующие состояния (рисунок 1).

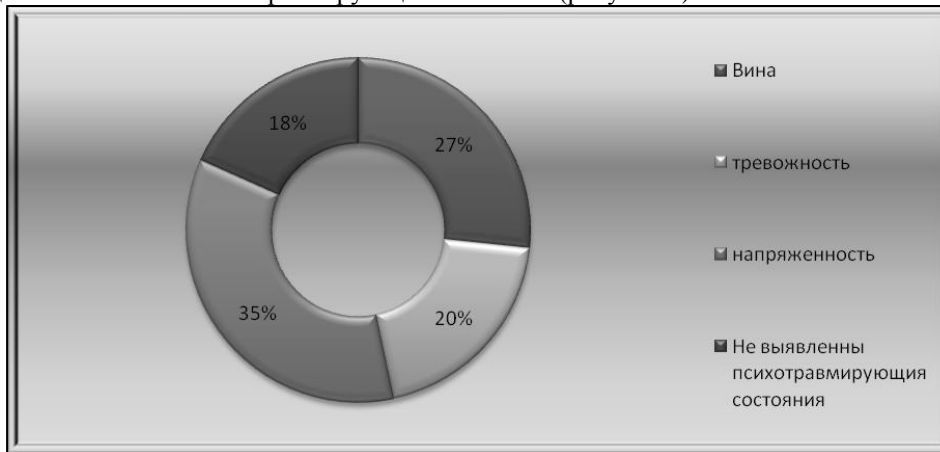

Рисунок 1 - Показатели выраженности семейно-обусловленных психотравмирующих состояний у женщин

Результаты исследования для мужчин выглядят следующим образом: 14 % мужчин испытывают чувство вины, 22 % - испытывают чувство тревоги, 31 % - испытывают напряженность и у 33 % мужчин не выявлены психотравмирующие состояния (рисунок 2).

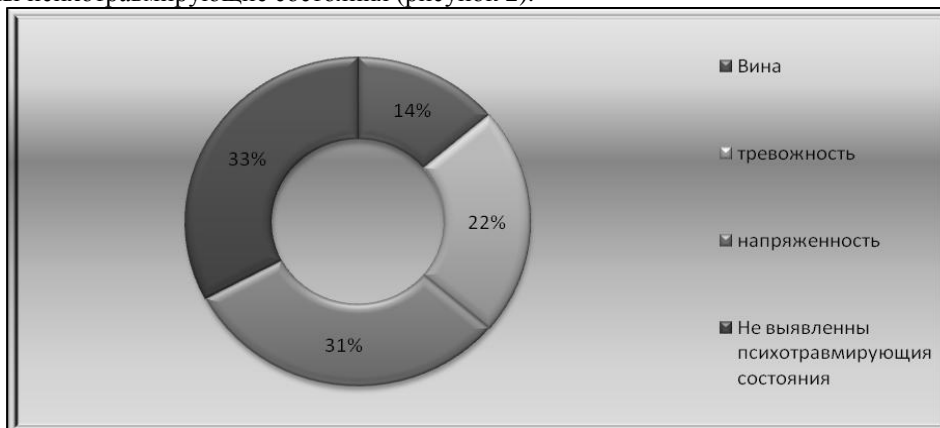

Рисунок 2 - Показатели выраженности семейно-обусловленных психотравмирующих состояний у мужчин

Люди, создающие семью, стремятся удовлетворить комплекс потребностей – в любви, в детях, в переживании общих радостей, в понимании, общении. Однако становление семьи – это не только реализация идеальных представлений о браке, которые сложились у будущих супругов. Это реальная жизнь двух, а затем и нескольких человек, во всей ее сложности и многообразии; она включает в себя непрерывные переговоры, заключения соглашений, компромиссы и, конечно, преодоление трудностей, разрешение конфликтов, которые есть в каждой семье. В связи с этой проблемой многими учеными проводились исследования влияния брака на удовлетворенность жизнью. Убедительные данные свидетельствуют о том, что большинство людей, испытывающих к кому-либо привязанность, чувствуют себя счастливее, чем те, кто этого лишен. Однако более важным является не сам факт брака, а качество брачных отношений.

В результате проведенного исследования было установлено, что есть как благополучные, так и неблагополучные семьи. В семьях, где партнеры не удовлетворены своей супружеской жизнью, женщины в большей степени считают свой брак неблагополучным, чем мужчины. В благополучных семьях женщины признают свой брак удачным чаще мужчин.

Из полученных результатов видно, что мужчины более оптимистично смотрят на брак в неблагополучных семьях. А женщины в благополучных семьях более счастливы по сравнению с мужчинами. Можно сделать вывод, что у женщин понятие «счастье» более ассоциируется с благополучным браком.

Проведенное исследование показало наличие связи между выраженностью семейно-обусловленных психотравмирующих состояний у супругов и степенью удовлетворенности браком.

Можно отметить, что в неблагополучных семьях мужчины испытывают психотравмирующие состояния меньше, чем женщины. Женщины же в неблагополучных семьях часто испытывают напряженность, чувство вины и тревоги.

Выяснилось, что мужчины испытывают психотравмирующие состояния реже, чем женщины и в благополучных семьях, и в неблагополучных. Женщины испытывают психотравмирующие состояния в меньшей степени в благополучных семьях, чем в неблагополучных.

Список литературы

1. Бурлачук, Л. Ф. Словарь-справочник по психологической диагностике / Л. Ф. Бурлачук, С. М. Морозов. – СПб.: «Питер», 2000. – 582 с.
2. Волкова, А. Н. Социально-психологические факторы супружеской совместимости / А. Н. Волкова // Вопросы психологии. – № 2. – 1989. – С. 36 – 44.
3. Психологический словарь / Под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – 8-е изд., перераб. и доп. - М.: «Педагогика. Пресс», 1996. – 571 с.
4. Эйдемиллер, Г. Психология и психотерапия семьи / Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис. – СПб.: «Питер», 2002. – 326 с.

Рыбак Т. С.– студентка 3 курса факультета психологии ГрГУ им. Я. Купалы

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры экспериментальной и прикладной психологии ГрГУ им. Я. Купалы Е. В. Савушкина

УДК 159.922.7

СЕВКО Н. Н.

КОРРЕКЦИОННАЯ РАБОТА КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ ТРЕВОЖНОСТИ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Коррекционно-развивающая программа является системой занятий по психологическому сопровождению эмоционального развития детей 5-7 лет.

В настоящее время значительная часть детей имеет психические расстройства, искажающие процесс нормального развития. Данные расстройства характеризуются такими состояниями, как тревога, фобия, депрессия и др., и требуют психокоррекционного воздействия. Эти эмоциональные расстройства представляют собой отклонение от нормы и приводят к нарушению социальных контактов. Изменения в жизни общества, порождающие неопределённость и непредсказуемость будущего, стали причиной усиления переживания эмоциональной напряжённости, тревоги, тревожности. Беспокойство, тревога, страх - такие же неотъемлемые эмоциональные проявления психической жизни, как и радость, восхищение, гнев, удивление, печаль. Мир детства полон всевозможных тайн, загадок, тревог. Тревожность лежит в основе многих психологических трудностей детства, в том числе многих нарушений развития. В связи с этим назрела необходимость контроля за ходом психического развития детей и коррекции возникших нарушений. Чаще всего появление тревожности у детей в той или иной степени обусловлено возрастными особенностями развития и носит временной характер. Если же состояние тревожности болезненно заострено или сохраняется длительное время, то это служит сигналом, признаком неблагополучия, говорит о физической или нервной ослабленности ребенка. Современным дошкольникам необходима специализированная психологическая помощь, восстанавливающая механизмы защиты, предупреждающая формирование неадекватной самооценки и саморегуляции поведения в будущем. Поэтому не последнюю роль в воспитании детей играют специалисты образовательного дошкольного учреждения, в которое попадает ребёнок. В силах педагога, психолога создание благоприятного психологического климата в группе, формирование у ребёнка чувства защищённости, уверенности в себе, адекватной самооценки.

Однако данному вопросу уделяется недостаточное внимание в дошкольных учреждениях. Ведь именно с поступлением в школу связано возникновение повышенной тревожности у детей. Поэтому, будучи ещё в детском саду, дети должны пройти тесты, выявляющие уровень тревожности, и преодолеть этот барьер в своём сознании. На наш взгляд, исследования в данном направлении помогут решить ряд психологических проблем старших дошкольников: проблемы развития личности в период кризиса 7 лет, трудности принятия на себя ребенком новых социальных ролей в связи с переходом из детского сада в школу, проблемы адаптации, успешности учебной деятельности и ряда других актуальных проблем. Решение проблемы детской тревожности требует как можно более раннего выявления тревожности с целью его дальнейшей коррекции и профилактики.

Актуальность вышеизложенной проблемы побудила нас к созданию коррекционной программы по снижению тревожности у дошкольников. Цель программы – помочь детям старшего дошкольного возраста справиться с переживаниями, которые препятствуют их нормальному эмоциональному самочувствию и общению со сверстниками. Программа включает в себя пять блоков.

Блок 1. Снятие состояния эмоционального дискомфорта. Развитие социальных эмоций.

Задачи: снизить эмоциональное напряжение; создать положительное эмоциональное настроение и атмосферу принятия каждого; развить способности понимать эмоциональное состояние другого и умение выразить свое; обучить приемам ауторелаксации.

Блок 2. Коррекция тревожности. Формирование социального доверия.

Задачи: помочь в преодолении негативных переживаний и снятии страхов; уменьшить тревожность; воспитать уверенность в себе; снизить эмоциональное напряжение.

Блок 3. Гармонизация противоречивости личности. Формирование адекватной самооценки у детей.

Задачи: корректировать поведение с помощью ролевых игр; учить распознавать эмоции по внешним сигналам; формировать моральные представления; снять эмоциональное напряжение; тренировать психомоторные функции.

Блок 4. Коррекция зависимости от окружающих. Обучение умению самостоятельно решать проблемы.

Задачи: дать возможность почувствовать себя самостоятельным и уверенным человеком; прививать новые формы поведения; учить самостоятельно принимать верные решения; учить навыкам саморасслабления.

Блок 5. Снижение враждебности во взаимоотношениях со сверстниками. Развитие навыков общения.

Задачи: корректировать поведение с помощью ролевых игр; формировать адекватные формы поведения; учить осознавать свое поведение; работать над выразительностью движений; регулировать поведение в коллективе.

В разработанной нами программе использовались следующие методы и приемы коррекции тревожности.

1. Игровая терапия. Игра дошкольника насыщена самыми разнообразными эмоциями: удивлением, волнением, радостью, восторгом и т.п. И это дает возможность использовать игровую деятельность не только для развития и воспитания личности ребенка, но и для профилактики и коррекции его

психических состояний. Использование игры в коррекционных целях способствует переносу отрицательных эмоций и качеств личности ребенка на игровой образ, благодаря чему дети получают возможность посмотреть на себя со стороны. Игротерапия позволяет изменить отношение ребенка к себе как субъекту социального взаимодействия, наполняет положительными эмоциями опыт ребенка через общение средствами творческого самовыражения. Именно в игре заложен основной потенциал возможностей творческого развития ребенка, освобождения его от негативных эмоций.

2. Куклотерапия. Этот метод широко используется, прежде всего, в силу возрастных особенностей дошкольников, для которых игра – это ведущая деятельность. У детей появляется возможность выразить свои переживания, мысли от имени куклы, а ширма позволяет спрятаться, отгородить себя от других, снять скованность, неуверенность. Это способствует переносу отрицательных эмоций и качеств личности ребенка на игровой образ. Куклотерапия повышает уверенность в себе, самопринятие. Куклы позволяют детям удовлетворить свою потребность в желаемой для ребенка модели поведения (быть смелым, ловким, уверенным, общительным и т.д.).

3. Психогимнастика, пантомима. Этот метод используется для того, чтобы помочь ребенку преодолеть барьеры общения, развить лучшее понимание себя и других, снять психическое напряжение, создать возможность для самовыражения. Этюды на выражение различных эмоций стимулируют слабо развитые эмоции, которые могут быть выражены неприемлемым способом. Ребенок учится выражать свои эмоции.

4. Рисуночная терапия. Дети с нарушением эмоциональной сферы обычно не могут выразить свои проблемы вербальным путем, а рисование – самый доступный вид деятельности для детей дошкольного возраста. Научившись выражать свои чувства на бумаге, дети начинают лучше понимать других, постепенно преодолевают робость и т.д. Кроме того, изучение рисунков позволяет лучше понять интересы детей, особенности их темперамента, переживаний и внутреннего мира. Рисуя, ребенок дает выход своим чувствам, желаниям и мечтам, перестраивает свои отношения в различных ситуациях и безболезненно соприкасается с некоторыми травмирующими образами.

5. Аутотренинг. Аутотренинг направлен на снижение психоэмоционального напряжения, внушение желаемого настроения. Психофизический покой, достигаемый в результате аутотренинга в сочетании с психогимнастикой, восстанавливает силы ребенка, у него возникает состояние приятной дремоты. Эти моменты используются для проигрывания с детьми некоторых психофизических состояний, и не разрешенные до этого проблемы, перерабатываясь головным мозгом, – «разрешаются». Аутотренинг воспринимается детьми как особая ненавязчивая игра, в результате которой они получают эмоциональное удовольствие, улучшается их настроение, самооценка, появляется вера в свои силы.

6. Релаксация. Релаксация снимает психическое напряжение, помогает достичь полного сосредоточения на себе, своих переживаниях и ощущениях, отключает от неприятных мыслей. Нужно постараться помочь каждому ребенку овладеть навыками саморегуляции и релаксации. Умение расслабляться поможет одним детям снять тревожность и напряжение, другим – сконцентрироваться, погасить возбуждение.

Опираясь на теоретические основы изучаемой нами проблемы, мы провели экспериментальное исследование тревожности у детей старшего дошкольного возраста.

В качестве испытуемых выступили воспитанники старших групп детского сада № 89 г. Гродно в количестве 40 человек.

Исследование проходило в три этапа:

1 этап – диагностика уровней проявления тревожности у старших дошкольников (тест тревожности М. Дорки, В. Амен; методика по выявлению тревожности и страхов А. И. Захаров);

2 этап – разработка и адаптация коррекционной программы по снижению тревожности;

3 этап – проверка эффективности программы по коррекции тревожности.

Для того чтобы выявить эффективность коррекционной программы, были созданы две группы детей: экспериментальная и контрольная. В экспериментальной группе проводилась коррекционная работа, а в контрольной тревожность детей не подвергалась коррекции.

В результате исследования были получены данные, которые представлены в таблицах.

Таблица 1 - Результаты ре-теста по диагностике тревожности (экспериментальная группа)

Уровень тревожности	Количество детей по уровню тревожности			
	Первичная диагностика		Вторичная диагностика	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Высокий	15	75%	3	15%
Средний	5	25%	11	55%
Низкий	0	0%	6	30%
Сумма	20	100%	20	100%

Таблица 2 - Результаты ре-теста по диагностике тревожности (контрольная группа)

Уровень тревожности	Количество детей по уровню тревожности			
	Первичная диагностика		Вторичная диагностика	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Высокий	14	70%	8	40%
Средний	6	30%	12	60%
Низкий	0	0%	0	0%
Сумма	20	100%	20	100%

Проведение коррекционных занятий привело к положительным результатам, о чем свидетельствуют данные повторной диагностики состояния тревожности детей: отмечается положительная динамика в снижении уровня тревожности.

Следовательно, нами были решены поставленные в исследовании задачи и достигнута цель. В заключение следует отметить достоверность выдвигаемой нами гипотезы о том, что при правильно подобранной работе по преодолению и коррекции тревожности у старших дошкольников выявленные проблемы и сложности могут быть решены. Программа не представляет собой законченный вариант, она может быть расширена и углублена практическими психологами.

Севко Н. Н. – студентка 6 курса факультета психологии ГрГУ им. Я. Купалы

Научный руководитель – доцент кафедры возрастной и педагогической психологии ГрГУ им. Я. Купалы, кандидат психологических наук, доцент Л. А. Семчук

УДК 159.923

СПАУСТИНАЙТИС Е. Г.

СВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ТАКТИК САМОПРЕЗЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Представлены результаты эмпирического исследования характера связи эмоционального интеллекта и тактик самопрезентации студентов-психологов. Выявлена отрицательная связь между эмоциональным интеллектом и защитными («отречение», «оправдание с принятием ответственности»), а также ассертивными («пример для подражания», «преувеличение своих достижений», «приписывание себе достижений», «желание/старание понравиться», «просьба/ мольба», «негативная оценка других») тактиками самопрезентации студентов-психологов.

Первоначально понятие «эмоциональный интеллект» появилось при разработке проблематики социального интеллекта такими исследователями, как Дж. Гилфорд, Х. Гарднер и Г. Айзенк. На современном этапе исследования эмоционального интеллекта представляют вполне самостоятельное направление [1; 2; 3; 5; 6; 7; 8]. Публикация в 1995 году книги Д. Голмена «Эмоциональный интеллект» принесла популярность взгляду на эмоции как область интеллекта.

Впервые термин «эмоциональный интеллект» в психологию ввели Джон Мэйер и Питер Сэловей. Они определили эмоциональный интеллект как способность воспринимать и выражать эмоции, ассимилировать эмоции и мысли, понимать и объяснять эмоции, а также регулировать эмоции (свои собственные и других людей) [7].

Среди отечественных исследователей эмоционального интеллекта наиболее известны работы И. Н. Андреевой [1] и Д. В. Люсина [6]. Согласно И. Н. Андреевой, «эмоциональный интеллект – это устойчивая ментальная способность, часть обширного класса ментальных способностей...» [1, с. 85]. Несколько иначе предлагает рассматривать данный конструкт российский психолог Д. В. Люсин. В его трактовке эмоциональный интеллект – это способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими [6, с.33].

В современной психологии представлены результаты исследования половых и возрастных различий эмоционального интеллекта. Как отмечают Е. А. Сергиенко, И. И. Ветрова, в исследованиях Н. И. Колесниковой выявлены взаимосвязи между общим уровнем жизнестойкости и идентификацией эмоций, сознательным управлением эмоциями. Н. И. Колесниковой показано, что высокий уровень макиавеллизма связан со снижением эмоционального интеллекта в области идентификации и понимания эмоций [7].

Данные Н. А. Выскочил свидетельствуют, что эмоционально стабильные люди, в отличие от эмоционально нестабильных, обладают высоким внутриличностным и межличностным эмоциональным интеллектом, а также лучше понимают свои и чужие эмоции и управляют ими. Экстраверты превосходят интровертов в понимании и управлении эмоциями других людей и обладают более высоким межличностным эмоциональным интеллектом, а у интровертов, в свою очередь, выше показатели по уровню контроля экспрессии [5].

Эмоциональный интеллект является предпосылкой организаторских способностей и эффективного поведения в межличностном взаимодействии. Исследования эмоционального интеллекта у людей разных профессий свидетельствуют о том, что у менеджеров статистически значимо выше показатели по шкалам «понимание и анализ эмоций» по сравнению с художниками и музыкантами [7]. Утверждается, что эмоциональный интеллект крайне важен для успеха в юридических, медицинских, педагогических и инженерных профессиях. Однако проблема взаимосвязи эмоционального интеллекта и самопрезентации будущих психологов не являлась предметом специального изучения, что и послужило основанием для настоящего исследования.

Цель нашего исследования заключается в изучении связи между уровнем эмоционального интеллекта и тактиками самопрезентации студентов-психологов. В исследовании принимали участие 40 студентов 3 курса факультета психологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. В качестве методов исследования были использованы: методика «Уровень эмоционального интеллекта», разработанная С. А. Беляевым, А. И. Янович, М. И. Мазуровым [4], и «Опросник измерения тактик самопрезентации» (С. Ли, Б. Куигли), адаптированный О. А. Пикулевой [9].

Методика «Уровень эмоционального интеллекта» (С. А. Беляев, А. И. Янович, М. И. Мазуров) позволяет исследовать уровень личностного эмоционального интеллекта, коммуникативного эмоционального интеллекта и общий уровень эмоционального интеллекта [4].

Исследования, проведенные О. А. Пикулевой в последние годы на российской выборке при помощи методики С. Ли, Б. Куигли, показали, что в процессе самопрезентации, независимо от степени осознания своих поведенческих действий, используется, как правило, практически весь спектр тактик и стратегий. Предпочтение тем или иным тактикам отдается в зависимости от социального контекста, личностных особенностей, а также целей и задач, обусловленных в основном социальным статусом и профессиональной деятельностью. По О. А. Пикулевой, к аттрактивным стратегиям самопрезентации относятся такие тактики, как «желание-старание понравиться», «извинение», «пример для подражания», к стратегиям «самовозвышения» – «приписывание себе достижений», «преувеличение своих достижений», «оправдание с принятием ответственности». Стратегия «силовое влияние» включает такие тактики самопрезентации, как «запугивание», «негативная оценка других»; стратегия «уклонение» или «уход от ответственности» включает тактики: «оправдание с отрицанием ответственности», «отречение», «препятствование самому себе». К стратегии «самопринижение» относится тактика самопрезентации «просьба-мольба» [9].

Для проверки нашей гипотезы о связи уровня эмоционального интеллекта и самопрезентации студентов-психологов использовался коэффициент ранговой корреляции Спирмена. Количественный анализ результатов осуществлялся с использованием пакета статистических программ STATISTICA 6.1.

В результате проведенного нами корреляционного анализа были получены следующие результаты. Личностный эмоциональный интеллект студентов-психологов связан отрицательной умеренной связью с такими тактиками самопрезентации, как «преувеличение своих достижений» и «пример для подражания».

Между коммуникативным эмоциональным интеллектом и тактиками самопрезентации «отречение», «желание/старание понравиться», «просьба/мольба» выявлена умеренная отрицательная связь. Таким образом, чем выше уровень коммуникативного эмоционального интеллекта студентов-психологов, тем в меньшей степени будущие психологи характеризуются действиями и поступками с целью вызвать у окружающих симпатии; демонстрацией собственной беспомощности, слабости и зависимости в целях получения помощи; вербальными объяснениями причин поведения прежде, чем затруднительное или неприятное событие произойдет.

Нами выявлена отрицательная умеренная корреляционная связь между уровнем коммуникативного эмоционального интеллекта и тактиками самопрезентации «приписывание себе достижений», «преувеличение своих достижений», что свидетельствует о следующем: чем выше коммуникативный

эмоциональный интеллект студентов-психологов, тем в меньшей степени для них характерны заявления о своих достоинствах и прошлых достижениях.

Коммуникативный эмоциональный интеллект студентов-психологов взаимосвязан *средней* отрицательной корреляцией с такой тактикой самопрезентации, как «негативная оценка других». Таким образом, чем выше уровень коммуникативного эмоционального интеллекта студентов-психологов, тем в меньшей степени для них характерны высказывания негативных и критических оценок в адрес других людей.

Общий уровень эмоционального интеллекта будущих психологов связан умеренной отрицательной корреляцией с такой тактикой самопрезентации как «оправдание с принятием ответственности», то есть чем выше общий эмоциональный интеллект, тем в меньшей степени студенты-психологи характеризуются желанием убеждать других в том, что результаты их деятельности более позитивны, чем они являются в действительности.

Общий уровень эмоционального интеллекта будущих психологов также связан умеренной отрицательной корреляцией с такими тактиками самопрезентации как «приписывание себе достижений», «преувеличение своих достижений».

Таким образом, в ходе работы реализована цель исследования: выявлен характер связи между уровнем эмоционального интеллекта и тактиками самопрезентации студентов-психологов. Нами установлена отрицательная связь между эмоциональным интеллектом и защитными («отречение», «оправдание с принятием ответственности»), а также ассертивными («пример для подражания», «преувеличение своих достижений», «приписывание себе достижений», «желание/старание понравиться», «просьба/ мольба», «негативная оценка других») тактиками самопрезентации студентов-психологов. Это обусловлено тем, что чем выше уровень эмоционального интеллекта будущих психологов, тем более эффективна самоподача личности и она может конструктивно предъявлять образ собственного «Я», способна корректировать своё поведение в соответствии с ожиданиями собеседника в процессе общения и социального взаимодействия, т.е. создавать наиболее благоприятное впечатление, что косвенно позволяет контролировать поведение других людей.

Список литературы

1. Андреева, И. Н. Эмоциональный интеллект: исследования феномена / И. Н. Андреева // Вопросы психологии. – 2006. – № 3. – С. 78 - 86.
2. Андреева, И. Н. Эмоциональный интеллект: непонимание, приводящее к «исчезновению»? / И. Н. Андреева // Психологический журнал. – 2006. – № 1 (9). – С. 28 - 32.
3. Белкина, О. А. Феноменология эмоционального интеллекта / О. А. Белкина // Вестник Московского городского педагогического ун-та. Серия: Педагогика и психология. [Электронный ресурс]. – 2009. – № 4. – С. 47 - 62. – Режим доступа: http://elibrary.ru/ query_results.asp.
4. Беляев, С. А. Разработка и стандартизация методики «Уровень эмоционального интеллекта» / С. А. Беляев, А. И. Янович, М. И. Мазуров // Психологический журнал. – 2009. – № 2. – С. 9 - 17.
5. Выходил, Н. А. Детерминанты уровня эмоционального интеллекта / Н. А. Выходил // Казанский педагогический журнал. – 2009. – № 11 - 12. – С. 123 - 129.
6. Люсин, Д. В. Современные представления об эмоциональном интеллекте / Д. В. Люсин // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д. В. Люсина, Д. В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2004. – С. 29 – 36.
7. Сергиенко, Е. А. Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея, Д. Карузо «Эмоциональный интеллект»: Руководство / Е. А. Сергиенко, И. И. Ветрова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – 176 с.
8. Симбирцева, Н. В. Современные теоретические представления об эмоциональном интеллекте / Н. В. Симбирцева // Вестник КемГУ. Психология. – 2008. – № 3. – С. 54 - 56.
9. 18 программ тренингов: Руководство для профессионалов / под ред. В. А. Чикера. – СПб.: Речь, 2008. – 368 с.

Спаустинайтис Е. Г. – студентка 5 курса факультета психологии ГрГУ им. Я. Купалы

Научный руководитель – декан факультета психологии ГрГУ им. Я. Купалы, кандидат психологических наук, доцент Л. М. Даукша

СТУПЧИК Е. Е.

**ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ
ЧЕЛОВЕКА**

В статье приводится теоретический анализ основных отечественных и зарубежных направлений исследований Интернет-зависимости, исследования ролевых и компьютерных игр, исследования нового компонента Я-концепции личности – Я-виртуальное.

На современном этапе очень важной проблемой является проблема интернет-зависимости. Интернет-зависимость связана с тем, что все люди имеют доступ к предлагаемой им продукции,

Не является исключением современная молодежь, которая черпает информацию, в том числе и психологическую, из интернета. Интернет является базой данных, благодаря которой ученые могут размещать большое количество информации, которую молодежь воспринимает. Одной из задач Сети является привлечение внимания молодых людей для того, чтобы хоть как-то информировать их о событиях. Являясь общественным ресурсом, Интернет представляет собой важный способ личного и профессионального общения, дает невероятные возможности для совершения открытий и творчества [4].

Информатизация – это не единственный положительный момент Сети. Как известно, существуют такие возможности, как заработок в сети, способ показать, проявить себя, разместив свою собственную страничку, написанные программы и прочее. Также через Интернет можно найти работу, старых друзей, которых давно потерял, общаться со знакомыми и незнакомыми людьми и др.

Каждый человек решает, какими услугами воспользоваться. Потребности и запросы у каждого человека разные. Можно отправлять электронное письмо в другие страны или оставлять сообщения для группы новостей. В сети можно найти новое программное обеспечение, различные документы, необходимые для профессиональной деятельности. В Интернете существуют огромные библиотеки всевозможной литературы, в первую очередь ценная научная литература. Один из наиболее важных аспектов Интернета – это форумы. Данный вид интернет-деятельности позволяет общаться тысячам, миллионам людей. Форумы имеют возможность разделять общение по темам и категориям, таким образом, что каждый человек может общаться там, где ему интересно. Чаты и ICQ дают возможность разговаривать в реальном времени. Перечисление положительных моментов Интернета на этом не заканчивается [7].

Стоит отметить, что существует и «другая сторона медали», так как Сеть, кроме положительного влияния, имеет и негативные стороны. Быстрое распространение информационных технологий становится одним из атрибутов современности. В результате компьютеризации человечество столкнулось со многими проблемами отношения «компьютер-психика». Об актуальности проблемы, в частности, говорит факт, что в 1996 г. в американской официальной классификации психических болезней появился новый раздел – кибернетические расстройства, которые вызываются переутомлением и стрессами в результате продолжительного пребывания в Интернете. Некоторые специалисты ведут речь о появлении синдрома «Интернет-зависимости», когда человек поглощается компьютерными играми и другими видами деятельности в Интернете и теряет чувство реального времени [5].

Войскунский А. Е. приводит статистику использования Интернета подростками от 14 до 17 лет, которую обнародовал фонд «Общественное мнение». По данным репрезентативного исследования, проведенного в 2008 г., 75,5 % подростков пользуются Интернетом; 72 % активной аудитории выходят в Интернет из дома, в том числе 54% сельских подростков. Установлено, что 41 % подростков достаточно часто пользуются Интернетом, чтобы пристраститься к играм [3].

Одним из наиболее распространенных направлений исследований Интернета является изучение особенностей общения в сети Сети. В рамках исследований Н. В. Антоновой выделяются специфические черты Сети. Она создает «иллюзию свободы», которая дает ощущение «безнаказанности», свободы от временных границ. Все это ведет к зависимости у некоторых людей от этой иллюзии и неспособности нормально функционировать в реальном мире. В Интернет-общении присутствует анонимность, которая позволяет преодолеть барьеры, связанные с внешним обликом, полом, возрастом и т.д. В Сети отсутствует невербальная сторона общения: жесты, мимика, зрительный контакт и прочее. В Интернете нет пространственно-временных ограничений [1].

Общение в «виртуальной реальности» часто сходно со сменами в самопрезентации. Это своеобразное включение вымышленных черт в персональную идентичность. При этом многие исследователи приходят к выводу о том, что конструирование виртуальных личностей может носить возрастной характер и быть связано с самоопределением [1].

Феномен «Интернет-зависимость» изучается как в зарубежных, так и в отечественных школах. Н. В. Антонова связывает этот феномен со стандартными характеристиками аддиктивного поведения. Такое поведение несет в себе уход от реальности посредством изменения психического состояния. По словам Н. В. Антоновой, решая проблему «здесь и сейчас», человек выбирает аддиктивную реализацию, достигая тем самым более комфортного психологического состояния в настоящий момент, откладывая имеющиеся проблемы «на потом». Проблема интернет-аддикций начинается тогда, когда стремление ухода от реальности, связанное с изменением психического состояния, начинает доминировать в сознании, становясь центральной идеей, вторгающейся в жизнь, приводя к отрыву от реальности [1]. В. Д. Менделевич отмечает, что само аддиктивное поведение закономерно вызывает личностные изменения и социальную дезадаптацию [8].

Ж. И. Графимчик провела исследование игровой компьютерной зависимости. Проблема интернет-зависимости тесно связана с проблемой компьютерной зависимости, и на данный момент установлено, что компьютерная зависимость приводит к деградации личности, потере собственного «Я», ухудшению психологического состояния, возникновению агрессии, состоянию внутреннего конфликта и нарушениям в системе межличностных отношений. В исследовании изучались личностные особенности, в частности, Я-концепция личности, особенностей социальной адаптации и межличностные отношения молодых людей с игровой зависимостью на этапе юношеского возраста. Ж. И. Графимчик обнаружила, что при определении уровня социальной фрустрированности молодые люди, зависимые от компьютерных игр, демонстрируют низкий уровень фрустрированности, при этом они имеют высокий уровень удовлетворенности собственным социально-экономическим положением и, как следствие, оптимальный уровень социальной адаптации. Также в рамках этого исследования была определена структура психологических защит, характерная для молодых людей с игровой компьютерной зависимостью. Наиболее выраженными оказались такие защиты, как регрессия, проекция, рационализация при ведущей роли регрессии. Автор высказывает предположение о том, что молодые люди, зависимые от компьютерных игр, пытаются разрешить свой внутренний конфликт посредством ухода в виртуальный мир компьютерной игры.

Среди компьютерных игр особое занимают ролевые компьютерные игры. По сведениям целого ряда зарубежных и российских психологов, ролевая игра способна больше всех остальных игр сформировать устойчивую психологическую зависимость. Она представляет собой простой и доступный способ моделирования другого мира или таких жизненных ситуаций, в которых человек никогда не был и не будет в реальности. Это простой способ пожить в другой жизни, где нет проблем, нет работы и т. д. Отечественная исследовательница Ж. И. Графимчик указывает, что ролевые компьютерные игры могут служить средством для снятия стрессов, снижения уровня депрессии, т. е. своего рода терапевтическим методом. В связи с этим, игра превращается в средство ухода от жизненных проблем, личность начинает реализовываться в игровом мире, а не в реальности [8].

Немаловажную роль оказывает компьютерная игра на Я-концепцию. Ж. И. Графимчик представляет результаты исследования Я-концепции молодых людей с игровой компьютерной зависимостью. При изучении внутренней взаимосвязи и согласованности образов Я-реальное, Я-идеальное и Я-виртуальное у молодых людей, автором были получены следующие результаты: практически по всем шкалам были выявлены значимые различия при сравнении образов Я-реальное, Я-идеальное и Я-виртуальное в группе молодых людей с игровой компьютерной зависимостью. В частности, образ Я-реальное не идентифицируется с образом Я-виртуальное и является практически полной его противоположностью. Также обнаружено наличие отрицательной корреляционной связи между образами Я-виртуальное и Я-идеальное, что свидетельствует о том, что Я-виртуальное выступает в качестве своеобразного антиидеала. Сравнение образов Я-реальное и Я-идеальное показывает, что также существует отрицательная корреляционная связь, что можно интерпретировать как противопоставление образов себя в реальном плане и в идеальном. Следовательно, молодые люди с игровой компьютерной зависимостью обладают неустойчивой Я-концепцией, характеризующейся рассогласованностью ее компонентов. Личностная дисгармония молодых людей с игровой компьютерной зависимостью характеризуется существованием нереалистического собственного идеала, а так же несоответствием между Я-концепцией и идеальным Я [8].

Исследователи обращают внимание на проблему агрессивного поведения, связанного с использованием ролевых компьютерных игр. В государственном педагогическом университете Чернигова было проведено пилотажное экспериментальное исследование. Предметом выступали компьютерные игры, «активное» и «агрессивное» их содержание. Как утверждает Дроздов, выдвинутая гипотеза не нашла своего подтверждения в полном объеме, но были выявлены определенные тенденции влияния «агрессивных» игр на сознание их пользователей, в частности наличие определенной связи между компьютерными играми и агрессивными установками на интеллектуальном уровне [5].

Проблема агрессивного поведения не ограничивается только ролевыми компьютерными играми. Как известно, в интернет-культуре существуют источники санкционированной агрессии, являющиеся благодатной почвой для индивидуальной приемлемости насилия. Й. Гултунг выделяет в качестве одной из форм насилия «интернет-насилие» [5]. Обнаружено, что существует значимая положительная связь между используемым в обществе объемом агрессивного потенциала и индексом индивидуальных насильственных преступлений, вызванных Интернетом. Эту же идею рассматривает А. Вержбицка. Она указывает на роль интернет-языка в разграничении допустимого и неоправданного насилия в отношении общества или в отношении отдельных граждан [2]. В свою очередь С. Н. Ениколопов акцентирует внимание на существовании в Интернете агрессивных действий, которые не только не выходят за рамки социальных норм, но и служат социальным нормам [6].

С. Н. Ениколопов представляет данные исследования по выявлению особенностей агрессивности носителей интернет-среды. Он предполагает, что носители интернет-культуры характеризуются низким уровнем физической агрессии в реальном поведении. Кроме того, специфика интернет-среды привлекает лиц с определенными чертами характера, определяющими низкую вероятность агрессивных проявлений даже в ситуации фрустрации. Результаты изучения особенностей реакции на фрустрацию носителей интернет-культуры подтверждают гипотезу, что агрессия этих людей занимает в структуре их деятельности место операции, а иногда цели, хотя у большинства из них выступает в роли мотива. Ситуативная агрессивность, возникающая в сетевом поведении, может быть объяснена сочетанием высокой поисковой активности с неустойчивой самооценки, неопределенностью границ Я и нетерпеливостью. Результаты изучения агрессивности носителей интернет-культуры на уровне неосознаваемых реакций, содержащихся в самосознании представлениях о собственном агрессивном поведении и ценностных ориентациях в сфере применения силы позволяют говорить о низком уровне агрессивности как черты личности у представителей этой группы [6].

Таким образом, зависимые от компьютерных игр люди не проявляют агрессивность в реальном режиме времени. Проблема влияния интернет-культуры на функционирование агрессивного поведения у молодых людей является спорной, и это побуждает нас к дальнейшей работе.

Таким образом, можно сказать, что влияние интернет-зависимости, в частности компьютерной зависимости, порождает множество психологических проблем, которые наносят вред психическому здоровью подрастающего поколения. На наш взгляд, проблема интернет-зависимости приобрела достаточную актуальность в наше время, так как общество в большой мере компьютеризировано и большинство людей подвержены манипулятивному воздействию компьютера, а в частности, и сети Интернет.

Список литературы

1. Антонова, Н. В. Психология интернета: направление современных исследований / Н. В. Антонова, М. С. Одинцова // Журнал практического психолога. – 2010. – № 4. – С. 17 – 35.
2. Вержбицка, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вержбицка // Психологический журнал. – 2005. – № 6. – С. 65 – 72.
3. Войскунский, А. Е. Развивается ли агрессивность у детей и подростков, увлеченных компьютерными играми / А. Е. Войскунский // Вопросы психологии. – 2010. – №6. – С. 132 – 141.
4. Горячева, Е. А. Ребенок в «паутине» / Е. А. Горячева // Начальная школа. – 2010. – № 2. – С. 79 – 80.
5. Дроздов, А. Ю. Издержки «виртуального зазеркалья» / А. Ю. Дроздов // Психологическая газета. – 1999. – № 11. – С. 14.
6. Ениколопов, С. Н. Специфика агрессии в интернет среде / С. Н. Ениколопов, Н. Ю. Кузнецова, Н. П. Цибульский, Н. В. Чудова // Психологический журнал. – 2006. – №6. – С. 65 – 72.
7. Крайвения, А. Неглобальный Интернет. Часть I / А. Крайвения. // Компьютерная газета. – № 18. – 2002. – 43 с.
8. Трафимчик, Ж. И. Зависимость от компьютерных игр: причины формирования, особенности и последствия влияния на личность / Ж. И. Трафимчик // Веснік БДУ. – 2010. – № 2. – С. 42 – 45.

Ступчик Е. Е. – студентка 3 курса факультета психологии ГрГУ им. Я. Купалы

Научный руководитель – и.о. зав. кафедрой возрастной и педагогической психологии ГрГУ им. Я. Купалы, кандидат психологических наук А. И. Янчий

КОММУНИКАТИВНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЕЙ С РАЗЛИЧНЫМ СТАЖЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье представлено экспериментальное исследование взаимосвязи коммуникативных черт личности следователей со стажем профессиональной деятельности. Актуальность исследования обосновывается значимостью изучения взаимосвязи коммуникативных черт личности следователей и стажа профессиональной деятельности для юридических специальностей. Одним из важных направлений юридической психологии является изучение психологических особенностей деятельности и личности сотрудников ОВД. Это определяет высокую научно-практическую значимость для современной психологической науки и юридической психологии проблемы коммуникативных черт личности следователей. Проблема коммуникативной компетентности следователя и ее влияния на эффективность следственной деятельности практически не изучена ни в криминалистической литературе, ни в литературе по юридической психологии.

Служебная деятельность следователей тесно связана с установлением коммуникативных связей. Для успешного выполнения работы следователю необходимы такие коммуникативные черты, как умение быстро устанавливать психологический контакт с незнакомыми людьми и располагать их к себе, умение слушать других людей, умение преодолевать психологические барьеры в общении, умение оказывать психологическое воздействие на людей при осуществлении оперативно-служебной деятельности, а также ролевые умения. От умения правильно формулировать свои мысли, грамотно их излагать в процессе непосредственного общения во многом зависит эффективность служебной деятельности следователей [1].

Коммуникативная компетентность предполагает следующие качества личности: способность устанавливать эмоциональные контакты с различными участниками общения, поддерживать с ними в необходимых пределах доверительные отношения; проницательность, способность понимать внутренний мир собеседника, его психологические особенности, потребности, мотивы поведения, состояние психики; доброжелательное, вежливое отношение к людям, эмпатийность (способность эмоционально отзываться на переживания собеседника); свободное, гибкое владение вербальными и невербальными средствами общения; способность к сотрудничеству, достижению компромиссов, соглашений; развитый самоконтроль над эмоциями, настроением в экстремальных ситуациях; адекватную самооценку; чувство юмора. Очень важно, чтобы эти качества были хорошо развиты [1].

Основной проблемой исследования является выявление сущности коммуникативных черт личности следователей, а также того, какова зависимость коммуникативных черт от стажа профессиональной деятельности, какие изменения претерпевают эти черты в зависимости от стажа профессиональной деятельности. Выявленные в исследовании результаты позволяют определить, как изменяются коммуникативные черты личности следователей в зависимости от стажа профессиональной деятельности. Сложность данной проблемы связана с недостаточной изученностью вопросов коммуникативных черт личности следователей с различным стажем профессиональной деятельности и практическим отсутствием фундаментальных, теоретико-экспериментальных работ по исследованию коммуникативных черт личности следователей.

Таким образом, выявление коммуникативных особенностей следователей является одной из актуальных и нерешенных научно-практических задач юридической психологии. Отсюда вытекает актуальность выбранной темы, ее теоретическая и практическая значимость.

Целью нашего исследования является установление взаимосвязи развития коммуникативных черт личности и стажа профессиональной деятельности следователей.

Исследование было проведено на выборке следователей ОВД Октябрьского района г. Гродно. Объем исследовательской выборки составил 30 человек в возрасте от 24 до 39 лет с различным стажем профессиональной деятельности, из которых 26 лиц мужского пола и 4 женского.

Методы исследования: 1) Теоретико-методологический анализ литературы по теме исследования; 2) Психодиагностические методики: а) 16-факторный личностный опросник Р. Б. Кеттела (форма С); б) методика «Диагностика коммуникативных и организаторских склонностей» (КОС-2); в) тест-опросник Л. Михельсона «Тест коммуникативных умений» (в адаптации Ю. З. Гильбуха); 3) Методы обработки данных: а) количественные (методы математической статистики (корреляционный анализ по Спирмену (Spearman Rank Order Correlation) с использованием пакета статистических программ Statistica 6.0.); б) качественные (анализ, обобщение).

Таблица 1 – Выраженность коммуникативных черт личности у следователей с различным стажем профессиональной деятельности согласно тесту Р. Кеттела

Стаж следователей		Выраженность коммуникативных черт личности следователей по факторам Р. Кеттела, %					
		А «Общительность-замкнутость»	Н «Смелость — робость»	Е «Независимость-подчиненность»	Л «Подозрительность — доверчивость»	П «Гибкость-прямолинейность»	О «Самостоятельность — внушаемость»
0-3 года	Высокий	-	-	14,3	100	85,7	-
	Низкий	100	100	57,1	-	14,3	100
3-7 лет	Высокий	-	-	44,4	22,2	11,1	-
	Низкий	44	11	44,4	22,2	11,1	-
7-10 лет	Высокий	14	28,6	42,9	-	-	57,1
	Низкий	-	71,4	-	71,4	-	-
10 лет и выше	Высокий	86	71,4	-	-	-	100
	Низкий	-	28,6	-	100	-	-

Как видно из таблицы 1, у следователей со стажем профессиональной деятельности от 0 до 3-х лет выражены такие черты, как подозрительность, гибкость, замкнутость, робость, подчиненность, внушаемость. Из этого вытекает, что следователи с малым стажем насторожены, послушны, услужливы, зависимые, застенчивы, уступчивы, внутренне напряжены и могут испытывать тревогу во взаимоотношениях с людьми, чрезвычайно избирательны в установлении и поддержании контактов. Круг общения ограничен друзьями и близкими. Избегают общения с большой аудиторией и авторитетами. Они отличаются слабо выраженной потребностью в общении с людьми. Нередко с предубеждением оценивает людей. Следователи, имеющие малый стаж работы в данной сфере, несамостоятельны, нуждаются в групповой поддержке, принимают решения вместе с другими, следуют за общественным мнением, ориентируются на социальное одобрение, берут вину на себя, легко выводятся из равновесия авторитетным руководством и властями.

У следователей со стажем профессиональной деятельности от 3 до 7 лет выражены качества: замкнутость, подчиненность и одновременно независимость. Это свидетельствует о том, что они критичны, непреклонны, отстаивают свои идеи, объективны, недоверчивы, мало общительны, мягки, услужливы, любезны, покорны, но это присуще не всем испытуемым. Среди них есть и такие, у которых присутствуют черты доминирования, властности, неуступчивости, самоуверенности. Они напористы, агрессивны, упрямы, конфликтны, своенравны, и непреклонны.

Следователи со стажем профессиональной деятельности от 7 до 10 лет имеют выраженные черты независимости, самостоятельности, доверчивости и робости. Можно говорить о том, что такие черты присущи следователям, которые активно стремятся занять лидерское положение в группе: они деликатны, откровенны, уживчивы, благожелательны по отношению к другим людям, легко ладят с людьми, хорошо работают в коллективе., имеют собственную точку зрения по многим вопросам. Стремятся утвердить ее среди окружающих и изменить их поведение в соответствии с собственным видением и пониманием сложившейся ситуации. К мнению других относятся критично, прибегают к нему редко. Предпочитают самостоятельные решения, которые не меняет даже под давлением группы.

У следователей, имеющих стаж профессиональной деятельности от 10 лет и выше, выражены черты: общительность, смелость, самостоятельность и доверчивость. Это означает, что следователи, имеющие большой опыт работы в данной сфере, стремятся к общению, вступают в контакт по собственной инициативе с незнакомыми и малознакомыми людьми, хорошо взаимодействуют с коллективом. У них накоплен также опыт межличностного общения. Они не испытывают напряжения в большой аудитории, сохраняют уверенность в себе, свободны от зависимости, способны отстаивать свою позицию при общении с авторитетными людьми. Общение для них служит основным способом решения всех проблем. Следователи с большим стажем профессиональной деятельности обладают находчивостью, предприимчивостью, самостоятельно принимают решения, не нуждаются в поддержке других людей, независимы, общительны, открыты, естественны, умеют понимать и прощать (таблица 1).

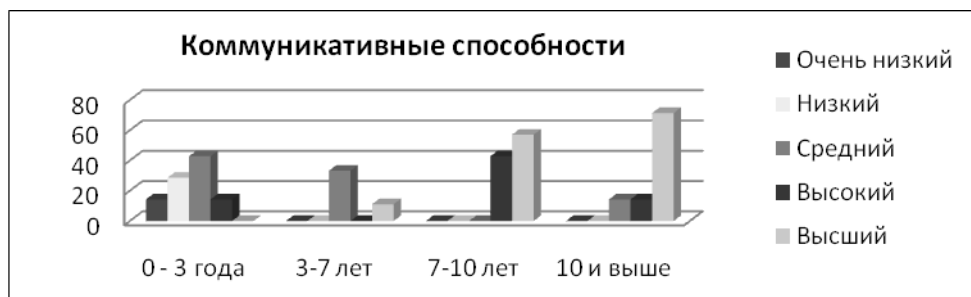

Рисунок 1 – Общая характеристика выборки следователей с различным стажем по выраженности коммуникативных черт

Анализируя полученные данные по методике КОС-2, мы видим, что у следователей со стажем от 0 до 3-х лет средний уровень развития коммуникативных склонностей и низкий уровень развития организаторских склонностей. Это указывает на то, что следователи, только приступившие к работе, и имеющие стаж профессиональной деятельности до 3-х лет, стремятся к контактам с людьми, отстаивают свое мнение. Однако потенциал их склонностей не отличается высокой устойчивостью.

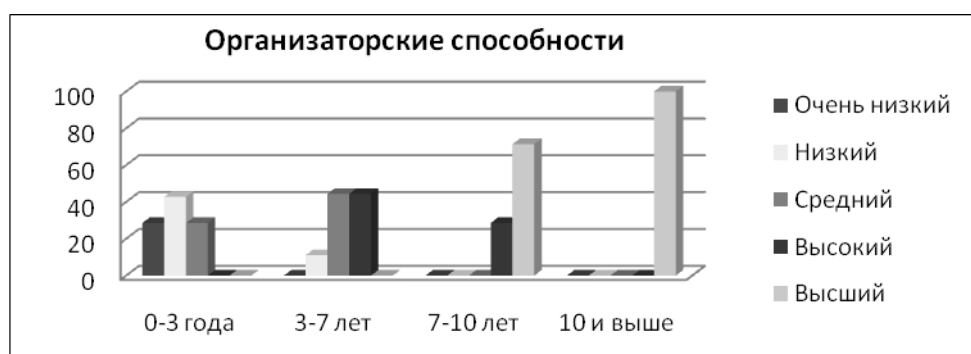

Рисунок 2 – Общая характеристика выборки следователей с различным стажем по выраженности организаторских склонностей

Высокий уровень развития коммуникативных и организаторских склонностей наблюдается у следователей со стажем 3-7 лет. Это свидетельствует о том, что следователи не теряются в новой обстановке, быстро находят друзей, стремятся расширить круг своих знакомых, помогают близким и друзьям, проявляют инициативу в общении, способны принимать решения в трудных, нестандартных ситуациях. У следователей, имеющих стаж работы 7-10 лет и более, уровень развития коммуникативных и организаторских склонностей высший. Следователи со стажем от 7 до 10 лет и от 10 лет и более быстро ориентируются в трудных ситуациях, непринужденно ведут себя в новом коллективе, инициативны, принимают самостоятельные решения. Отстаивают свое мнение и добиваются принятия своих решений. Любят организовывать различные мероприятия, настойчивы и одержимы в деятельности (рисунок 1, 2).

Таблица 2 – Выраженность коммуникативных черт личности у следователей с различным стажем профессиональной деятельности согласно тесту Л. Михельсона «Тест коммуникативных умений» (в адаптации Ю. З. Гильбуха)

Стаж профессиональной деятельности следователей	Стили коммуникативного взаимодействия, %		
	Зависимый	Компетентный	Агрессивный
0-3 года	42,02	42,02	15,96
3-7 лет	13,17	79,84	7
7-10 лет	3,17	95,77	1,06
10 лет и выше	1,06	98,41	0,53

По методике Михельсона были получены следующие результаты: у следователей со стажем от 0 до 3-х лет преобладающими стилями коммуникативного взаимодействия являются зависимый и компетентный. Следователи, только приступившие к своим профессиональным заданиям,

ориентируются на опыт следователей с большим стажем и поэтому зависят от их мнения и наставлений. У следователей со стажем 3-7 лет преобладающим является компетентный стиль, и только 7 % выбирают агрессивный. Это значит, что с увеличением времени пребывания в должности следователя накапливается опыт общения в следственной деятельности и они становятся более компетентными в этой области, менее зависимы от других и менее агрессивны. Доминирующий стиль общения у следователей со стажем 7-10 лет и 10 лет и выше – компетентный. Это свидетельствует о том, что следователи с большим стажем обладают умением вступать в контакт с другими людьми, умением оказать поддержку и помощь, умением слушать участника диалога, умением в конфликтных ситуациях проводить адекватную ситуации стратегию коммуникативного поведения, менять в зависимости от обстоятельств стиль общения. С увеличением стажа уменьшается агрессивность следователей и зависимость. У следователей со стажем более 10 лет агрессивность составляет 0,53 %. С увеличением компетентности следователи более зрело реагируют как на справедливую, так и несправедливую критику, умеют реагировать на задевающее поведение со стороны собеседника (таблица 2).

Таблица 3 – Взаимосвязь личностных черт и стажа профессиональной деятельности согласно корреляционному анализу по Спирмену

Взаимосвязь личностных черт и стажа профессиональной деятельности следователей	Уровень значимости (при $p \leq 0,05$)
Фактор А & стаж	0,945831
Фактор Е & стаж	0,341859
Фактор Н & стаж	0,916942
Фактор L & стаж	-0,801707
Фактор N & стаж	-0,098786
Фактор Q2 & стаж	0,957485
КС & стаж	0,756339
ОС & стаж	0,889350
З & стаж	-0,881451
К & стаж	0,930739
А & стаж	-0,866441

В результате анализа статистических данных выяснилось, что наблюдается сильная положительная связь стажа профессиональной деятельности следователей с такими факторами, входящими в коммуникативный блок, как фактор А «Общительность - замкнутость», Н «Смелость - робость», и Q2 «Самостоятельность - внушаемость». Это указывает на то, что следователи с большим стажем профессиональной деятельности открыты, общительны, предприимчивы и уверены в себе. У них высокий уровень развития коммуникативных способностей: они быстро и легко вступают в контакт, не испытывают трудностей в общении и установлении контактов. Сильная отрицательная связь стажа профессиональной деятельности наблюдается с фактором L «Подозрительность - доверчивость». Это свидетельствует о том, что чем выше стаж профессиональной деятельности следователей, тем более они терпимы и менее подозрительны, насторожены, внутренне напряжены. Они не испытывают тревогу во взаимоотношениях с людьми.

Сильная положительная связь стажа профессиональной деятельности следователей наблюдается с коммуникативными и организаторскими способностями. Это свидетельствует о том, что следователи с большим стажем профессиональной деятельности активно стремятся к коммуникативной и организаторской деятельности, быстро ориентируются в трудных ситуациях, непринужденно ведут себя в новом коллективе, отстаивают свое мнение, инициативны, предпочитают в важном деле или в сложившейся сложной ситуации принимать самостоятельные решения, любят организовывать различные мероприятия.

В результате обработки статистических данных выявлена сильная положительная связь стажа профессиональной деятельности с компетентным стилем коммуникативного общения. Данные подтверждают умение следователей устанавливать психологический контакт с незнакомыми людьми и располагать их к себе, умение слушать других людей, обращаться с просьбой, умение принимать сочувствие и поддержку со стороны других.

Наблюдается сильная отрицательная связь стажа следователей с зависимым и агрессивным стилем коммуникативного общения. Это говорит о том, что, чем выше стаж профессиональной деятельности, тем следователи менее зависимы от чужого мнения и менее агрессивны по отношению к другим людям, могут лояльно относиться к критике в свой адрес и на провоцирующее поведение со стороны других (таблица 3).

В результате эмпирического исследования выяснилось, что следователи обладают коммуникативными способностями, в основе которых лежат такие черты характера, как активность, самостоятельность, инициативность, решительность, определенные волевые качества, способность предвидеть результаты своей целенаправленной деятельности. Основными структурными компонентами коммуникативной компетентности выступают: знания, умения, навыки, способности в профессиональном общении следователей. В этой связи формирование коммуникативной компетентности у следователей должно строиться вокруг указанных компонентов.

В зависимости от стажа профессиональной деятельности коммуникативные черты следователей претерпевают определенные изменения: происходит развитие коммуникативных способностей, организаторских способностей, а также интеллектуальных и эмоционально-волевых качеств. Следователи с большим стажем профессиональной деятельности активно стремятся к коммуникативной и организаторской деятельности, быстро ориентируются в трудных ситуациях, непринужденно ведут себя в новом коллективе, отстаивают свое мнение, инициативны, предпочитают в важном деле или в сложившейся сложной ситуации принимать самостоятельные решения, любят организовывать различные мероприятия.

Следователи, имеющие стаж профессиональной деятельности более 10 лет, менее зависимы от чужого мнения и менее агрессивны по отношению к другим людям, и могут лояльно относиться к справедливой и несправедливой критике в свой адрес и не реагируют на задевающее поведение со стороны других. Следователи, обладающие более развитыми коммуникативными способностями, характеризуются высокими адаптивными способностями, моральной нормативностью и высокой нервно-психической устойчивостью. Чем больше стаж профессиональной деятельности у следователей, тем выше развитие коммуникативных и адаптивных способностей, а так же моральная нормативность, тем ниже показатели агрессивности, тревожности, раздражительности и эмоциональной отстраненности.

Список литературы

1. Асямов, С. В. Профессионально-психологический тренинг сотрудников органов внутренних дел / С. В. Асямов, Ю. С. Пулатов. – Ташкент, 2001. – 139 с.

Табола Ю. Ч. – студентка 4 курса факультета психологии ГрГУ им. Я. Купалы

Научный руководитель – преподаватель кафедры возрастной и педагогической психологии ГрГУ им. Я. Купалы И. Г. Мариева

УДК 159.9

ХОНСКИЙ С. И.

ПОДХОДЫ К ДЕФИНИРОВАНИЮ СМЕХА В ПСИХОЛОГИИ

Феномен смеха рассматривался в рамках различных психологических традиций. В данной статье автор останавливается на наиболее существенных аспектах смеха, выделенных их представителями, а также приводит современные трактовки изучаемого феномена. В заключение статьи предпринята попытка сформулировать комплексное определение смеха, учитывающее социально-психофизиологическую природу данного явления.

На данный момент в психологии не существует единой точки зрения относительно феномена смеха, что связано во многом с наличием большого числа представленных в науке традиций, подходов и школ, каждая из которых акцентирует своё внимание на изучении лишь определённого аспекта данного явления. Однако следует отметить, что многие идеи, транслируемые современными учёными, были предвосхищены мыслителями (Аристотелем, Платоном, И. Кантом, А. Шопенгауэром, Р. Декартом, Т. Гоббсом и др.). Значительный вклад в развитие представлений о смехе внесли концепции, разрабатываемые в XIX-XX веках в рамках таких дисциплин, как философия (Л. В. Карасёв, С. А. Троицкий), социология (А. В. Дмитриев, А. С. Zijderveld), эстетика (Ю. Б. Борев, А. З. Вулис,

Б. Дземидок, М. Т. Рюмина, Л. Н. Столович), антропология (М. Л. Апт, Ю. А. Артёмова, А. Г. Козинцев), культурология (Л. Ф. Балина, О. П. Колпикова, А. А. Сычёв), лингвистика (С. Аттардо, В. Раскин) и др.

Проведённый нами анализ существующих на сегодняшний день в психологии представлений о смехе позволяет нам выделить следующие подходы к его дефинированию: подход с позиций теории превосходства/унижения, эволюционистский подход, физиологические теории, подход с позиций теории возбуждения, психоаналитическая традиция, подход с позиций теории агрессивности, теории инстинктов, теории переключения, психолингвистический подход.

Теории превосходства/унижения, берущие начало в трудах Платона, Аристотеля и Т. Гоббса, рассматривают смех как ресурс власти, с помощью которого можно оказывать различного рода влияние на высмеиваемого субъекта. Так, для Т. Гоббса смех выступал как «процесс самовозвеличивания» [2]. К данной группе теорий относится также «теория доминирования / враждебности» Ф. Гленна [15], согласно которой смех возникает в результате осознания своего превосходства, успешности, преимущества относительно других. «Смех несёт в себе элемент конкурентной борьбы и жестокости по отношению к проблемам других», – отмечал учёный [22, с. 19].

Эволюционистские теории делают акцент на рассмотрении смеха как продукта естественного отбора, служащего адаптации организма к условиям среды обитания. Так, по мнению Ч. Дарвина, смех – это врождённая приспособительная реакция, свойственная не только человеку, но и высшим животным. Ч. Дарвин также называет смех одним из средств социального общения [14]. Эволюционные истоки смеха указывают на то, что он, вероятно, выполнял важные социальные функции, которые внесли вклад в выживание человека как вида [14; 19; 22; 25]. Так, российский учёный А. В. Дмитриев считает, что племенным празднествам, где смех занимал ведущее место, неспроста отводилось до двух третей календарного года. Он полагает, что, компенсируя ежедневно накапливающееся напряжение, смех играл важную роль в сохранении психического здоровья общества [3]. М. ван Вугт и коллеги предполагают: сохранение у современного человека смеха может быть объяснено тем, что он использовался как средство привлечения новых человеческих/трудовых ресурсов в группу (благодаря «сосмеянию»), чтобы справиться со множеством опасностей [25]. «И именно то, – считают М. Жерве и Д. Уилсон, – что люди начали жить и перемещаться большими социальными группами, послужило самым сильным импульсом для того, чтобы смех закрепился эволюционно» [14]. По их представлению, смех, возможно, развился как адаптивный механизм, обеспечивающий нормальное функционирование группы, в том числе в периоды «кризиса» отношений (конфликты между её участниками).

Физиологические теории рассматривают смех как физиологический акт (процесс), служащий для избавления от избыточной энергии с целью получения удовольствия. Идеи, характерные для данного подхода, можно проследить уже в работах Р. Декарта, считавшего, что смех – это физиологический процесс, подконтрольный сознанию, возникающий по причине удивления, ненависти, негодования [4]. А.Н. Лук описывал смех как физиологический акт выражения удовольствия [6]. В рамках данной группы теорий можно выделить отдельное направление, в котором смех рассматривается как сложный психофизиологический феномен, который можно связать: 1) с переживаемым чувством (состоянием); 2) с висцеральными процессами, сопровождающими смех; 3) с выразительными характеристиками (мика, пантомимика, вокализация и т.п.) [12; 14; 19].

Психоаналитическая теория. Согласно З. Фрейду, смех является одним из «каналов», посредством которых осуществляется избавление от накопившейся в избытке нервной энергии, в связи с чем смех может служить снижению тревоги или выполнять роль защитного механизма [9]. Л. Н. Столович также видит в смехе способ преодоления страха [8]. Однако М. Броттман, наоборот, утверждает, что весь без исключения смех – симптом страха, стыда и тревоги и, «если разобраться в его смысле, желание смеяться начисто пропадает» [23].

Теории возбуждения, в отличие от психоаналитической традиции, постулируют, что смех возникает лишь в том случае, если возбуждение нервной системы достигает оптимального уровня [19]. Данная группа теорий сосредоточена на исследовании роли психического и физиологического возбуждения в смехе.

Теории агрессивности. Представители данного направления в изучении смеха исходят из наличия/отсутствия в нём агрессивного компонента либо же из той роли, которую он играет в процессах проявления/предотвращения агрессивного поведения. Например, А. Налчаджян усматривает в смехе спонтанное выражение агрессивности человека; способ и результат сублимации части человеческой агрессии [7].

Теория инстинктов. Смех рассматривается в качестве врождённой психофизической диспозиции, детерминирующей у её обладателя предрасположенность воспринимать и обращать внимание на «комичные», «смешные» стимулы (когнитивный компонент), испытывать удовольствие (эмоциональный компонент) и действовать в связи с этим особым образом (поведенческий компонент) [18, с. 414].

Первые предпосылки возникновения *теорий несоответствия* можно обнаружить уже в трудах А. Шопенгауэра, считавшего, что смех возникает в результате осознания несоответствия действительности и представления о ней [5]. В дальнейшем гипотеза о том, что смех возникает в результате противоречия в когнитивной сфере, стала одной из доминирующих в психологии. Так, Г. Айзенк определяет смех как результат «внезапной, интуитивной интеграции противоречивых или несовместимых идей, аттитюдов или чувств, которые человек объективно испытывает» [19, с. 63]. Дж. Салс связывает смех с устранением или разрешением когнитивного несоответствия (диссонанса) [4]; Ф. Гленн – со столкновением с неожиданным, рассогласованием реальности и ожиданий, слиянием двух разноплановых фреймов, сведением вместе двух противоположных идей [22, с. 19].

Представитель *теории переключения* М. Аптер полагает, что смех является одним из механизмов и в то же время индикатором «переключения», например, настроения человека (с негативного на более позитивное) [19].

Психолингвистические теории рассматривают смех как самостоятельный механизм осуществления речевой деятельности, выполняющий, главным образом, информационную функцию. Одно из определений в рамках данной группы теорий сформулировали Д. Кристал и С. Аттардо: «смех – это единица устной экспрессивной речи, основное назначение которой – сообщить о том, что человек испытывает наиболее яркие эмоции» [10].

Как можно заметить, в психоанализе, сосредоточившемся на психической динамике, не учитывается межличностный контекст и социальные функции смеха, так же, как и в когнитивной психологии, обращающей внимание лишь на когнитивно-перцептивные аспекты данного феномена. Теория переключения, сосредоточенная на социальном контексте смеха, открывает путь к рассмотрению смеха как формы межличностной коммуникации с точки зрения социальной психологии.

Свою интерпретацию смеха предложил философ, культуролог, представитель диалогического подхода в гуманитарных науках М. М. Бахтин, который исследовал смех на примере творчества Ф. Рабле, культуры Средневековья, Ренессанса. Согласно М. М. Бахтину, «смех – это не субъективно-индивидуальное и не биологическое ощущение непрерывности жизни – это ощущение социальное, всенародное» [1]. Также в смехе М. М. Бахтин усматривал мгновенный переход от некоторой несвободы к некоторой свободе. В такой ситуации смех выступал как механизм освобождения от некоторой социальной маски (шута, клоуна), навязанной человеку «официальной культурой» (королями, царями), т.е. всеми теми, кто находился выше на социальной лестнице [1]. Данная идея о взаимосвязи смеха и социального статуса человека, на наш взгляд, до сих пор не получила должного внимания со стороны социальной психологии.

Обратившись к более современным источникам, можно заметить, что в настоящее время при попытках дефинирования смех наиболее часто рассматривается как паралингвистический компонент, характеризующийся множеством параметров (мимических, пантомимических, моторных, фонационных и др.).

В энциклопедии «Britannica» смех определяется как «ритмичные, напевные, выдыхательные и произвольные звуки» [23]. Новый международный словарь Н. Вебстера приводит более глубокое и убедительное толкование: «Смех – это движение (чаще всего произвольное) мышц лица, особенно губ, демонстрирующее веселье, удовольствие или высмеивание и сопровождающееся высвобождением воздуха из лёгких» [12, с. 3]. В психологическом словаре Р. Корсини приводится следующее определение смеха: «Смех – это приятные (доставляющие удовольствие) судорожные звуки, служащие для снятия напряжения, которое возникает, когда люди слушают забавную историю, наблюдают за чем-либо или вспоминают забавное событие» [13, с. 536]. Как видим, в трёх последних дефинициях смеха, приведённых в справочной литературе, акцент в первую очередь делается на экспрессивном компоненте смеха и только затем (в двух последних определениях) – на каузальной интерпретации явления.

Существует точка зрения, что смех является вокальным выражением именно эмоции радости [14; 22]. Однако здесь возникает вопрос: радости из-за чего, по какому поводу? На наш взгляд, давая такое определение, необходимо указывать и то, что радость может возникнуть как следствие самых различных ситуаций (неудача неприятеля, падение на асфальт человека и т.п.). При таком подходе более уместным, как нам кажется, будет определение Дж. Грегори, который писал о смехе как одном из проявлений комплекса эмоций [16].

Сразу несколько параметров попытались охватить в своём определении Е. Е. Nwokah и А. Фогель: «Смех – преимущественно произвольная форма поведения, сопровождающая переживаемые человеком чувства или аффекты, длящаяся не менее 2 секунд и возникающая в социальных ситуациях» [20; 24].

Японский исследователь в области массовой коммуникации Н. Наукава определяет смех как составную часть коммуникативного процесса, служащую для поддержания «кооперативных отношений» между участниками беседы [17].

Для следующей группы исследователей феномен смеха является ключевым в их научной деятельности, поэтому мы постарались провести интегративную линию, включающую их позиции по поводу определения смеха. Так, Р. Провин и Y. L. Yong считают, что смех – «характерный, стереотипный паттерн вокализации, представляющий собой последовательность «ха»-подобных звуков, издаваемых с периодичностью приблизительно в 200 миллисекунд» [23, с. 22]. Данный паттерн легко узнаваем и весьма заметен. Позже Р. Провин и Г. Джефферсон добавили, что это социальный сигнал, присущий только человеку [22]. Дж. Бочаровски, М. Смоски, М. Оурэн под смехом понимают «любой отчётливо слышимый звук, которым обычный человек оценивает нечто как смешное» [11]. Также названная группа авторов не согласна с Р. Провином и Y. L. Yong по поводу периодичности звуков. Серия проведённых опытов помогла группе исследователей выделить 3 возможных ритма смеха (естественный, стереотипный и динамический), каждый из которых имеет разную частоту издаваемых звуков [11]. Ф. Гленн отметил, что смех «является как индивидуальной, так и групповой формой выражения» [15]. Л. Хоппер считает необходимым элементом выдох: «смех является своего рода произвольной формой вокализации, происходящей на выдохе» [21]. W. Chafe в свою очередь полагает, что смех может быть как произвольным, так и произвольным актом [10, с. 36]. Позже Р. Провин добавил в определение следующие характеристики смеха: «инстинктивная, заразительная, сознательно не контролируемая и вокализованная форма социальной игры» [19].

В силу существования различных подходов к дефинированию смеха, в настоящее время не существует единого, общепринятого определения данного феномена. Поэтому нами была предпринята попытка сформулировать комплексное определение смеха, учитывающее его социально-психофизиологическую природу. Таким образом, мы определяем смех как *сознательно не контролируемый паттерн вокализации, возникающий обычно в ситуациях межличностного взаимодействия и представляющий собой последовательность издаваемых на выдохе звуков, с помощью которых человек оценивает нечто как смешное.*

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М. : Худ. лит., 1990. – 543 с.
2. Дземидок, Б. О комическом / Б. Дземидок ; пер. С. П. Свяцкого. – М. : Прогресс, 1974. – 223 с.
3. Дмитриев, А. В. Смех: социофилософский анализ / А. В. Дмитриев, А. А. Сычёв. – М. : Альфа-М, 2005. – 592 с.
4. Козинцев, А. Г. Человек и смех / А. Г. Козинцев. – М.: Алетейя, 2007. – 240 с.
5. Колпикова, О. П. Философско-культурное пространство смеха : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / О. П. Колпикова. – М., 2007. – 135 л.
6. Лук, А. Н. Эмоции и личность / А. Н. Лук. – М. : Знание, 1982. – 175 с.
7. Налчаджян, А. А. Агрессивность человека / А. А. Налчаджян. – СПб. : Питер, 2007. – 734 с.
8. Сычёв, А. А. Смех как социокультурный феномен : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / А. А. Сычёв ; Мордовск. гос. ун-т. – Саранск, 2004. – 35 с.
9. Фрейд, З. Остроумие и его отношение к бессознательному / З. Фрейд ; пер. Я. М. Когана, М. В. Вульфа. – Минск : Харвест, 2006. – 480 с.
10. Attardo, S. Linguistic theories of humor / S. Attardo. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1994. – P. 36.
11. Bachorowski, J.-A. The acoustic features of human laughter. / J.-A. Bachorowski [et al.] // J. of the Acoustical Society of America. – 2001. – Vol. 110, № 1. – P. 1581 – 1597.
12. Chapman, A. J. Humor and laughter: theory, research, and applications / A. J. Chapman, H. C. Foot. – 2nd edn. – New Jersey : Transaction, 1996. – 348 p.
13. Corsini, R. J. The dictionary of psychology / R. J. Corsini. – New York : Brunner routledge, 2002. – P. 536.
14. Gervais, M. The evolution and functions of laughter and humor: a synthetic approach / M. Gervais [et al.] // The quarterly review of biology. – 2005. – Vol. 80, № 4. – P. 395 – 430.
15. Glenn, P. Laughter in interaction / P. Glenn. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 190 p.
16. Gregory, J. C. The nature of laughter / J. C. Gregory. – New York : Routledge, 1999. – P. 14 – 26.
17. Hayakawa, H. The meaningless laugh: laughter in Japanese communication / H. Hayakawa // Sydney eScholarship repository [Electronic resource]. – Mode of access : <http://hdl.handle.net/2123/656>. – Date of access : 04.02.2010.
18. Hergenhahn, B. R. An introduction to the history of psychology / B. R. Hergenhahn. – 6th edn. – Belmont : Wadsworth Publishing, 2009. – P. 414.
19. Martin, R. A. The psychology of humor: an integrative approach / R. A. Martin. – Burlington : Academic Press, 2007. – 446 p.

20. Nwokah, E. E. Laughter in mother-infant emotional communication / E. E. Nwokah [et al.] // *Humor: international J. of humor research.* – 1993. – Vol. 6, № 2. – P. 137 – 161.
21. O’Connell, D. C. Communicating with one another: toward a psychology of spontaneous spoken discourse / D. C. O’Connell, S. Kowal. – New York : Springer, 2008. – P. 124 – 157.
22. Provine, R. Laughing, tickling, and the evolution of speech and self / R. Provine // *Current directions in psychological science.* – 2004. – Vol. 13, № 6. – P. 215 – 218.
23. Provine, R. R. Laughter: a scientific investigation / R. R. Provine. – New York : Penguin Books, 2000. – 228 p.
24. Sroufe, L. A. The ontogenesis of smiling and laughter: A perspective on the organization of development in infancy / L. A. Sroufe [et al.] // *Psychological Review.* – 1976. – Vol. 83, № 3. – P. 173 – 189.
25. Van Vugt, M. Laughter as social lubricant: a biosocial hypothesis about the pro-social functions of laughter and humor / M. Van Vugt [et al.] // University of Kent Library [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.kent.ac.uk/psychology/department/people/van-vugtm/personal/publications/index.htm>. – Date of access : 28.01.2010.

Хонский С. И. – студент 5 курса факультета философии и социальных наук БГУ

Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии БГУ, Г. М. Кучинский

УДК 316.6

ЧУМАКОВА В. А.

ФАКТОРЫ АТТРАКЦИИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ С ПАРТНЕРОМ ПО РОМАНТИЧЕСКИМ ОТНОШЕНИЯМ

Статья посвящена исследованию феномена межличностной аттракции, который рассматривается в условиях интернет-коммуникации между партнерами по романтическим отношениям. В статье представлены результаты исследования, дана характеристика факторов аттракции на этапе восприятия информации о партнере на его личной странице в социальных сетях, а также определен вклад каждого из факторов в формирование аттракции.

Исследование феномена межличностной аттракции в социальной психологии имеет достаточно продолжительную историю. Несмотря на наличие многочисленных данных, проблема не утрачивает свою актуальность и по-прежнему вызывает большой интерес. Это во многом обусловлено тем, что появляются принципиально новые условия, формы, виды, средства межличностной коммуникации, что ставит перед исследователями новые вопросы. Так, в настоящее время малоисследованной областью является изучение факторов аттракции в межличностной интернет-коммуникации.

В рамках нашего исследования наибольший интерес представляет вопрос о факторах аттракции в интернет-коммуникации в социальных сетях с партнером по романтическим отношениям.

Под романтическими отношениями мы будем понимать особый тип межличностных отношений, основанный на взаимном чувстве любви. Данный тип отношений предполагает максимальную включенность личности в отношения, избирательность при выборе партнера (максимальна по сравнению с отношениями знакомства), наличие особого содержания и психологического смысла для партнеров, минимальную дистанцию между партнерами, повышенную частоту контактов и освобождение от ролевых клише [1].

В исследовании приняли участие 86 пользователей социальных сетей, имеющих партнеров по романтическим отношениям. Из них 46 – представители женского пола, 40 – мужского. Возраст респондентов – 17–25 лет.

Сбор данных осуществлялся с использованием авторских методик: «Анкета об интернет-коммуникации в социальных сетях», «Анкета об интернет-коммуникации с партнером по романтическим отношениям», также применялся личностный дифференциал (вариант, адаптированный в НИИ им.

В. М. Бехтерева). Статистическая обработка проводилась с использованием χ^2 - критерия Пирсона, регрессионного анализа, частотного анализа.

Исследование проходило в два этапа.

На первом этапе (подготовительном) респондентам предлагалась анкета, содержащая вопросы о параметрах личной страницы пользователей социальных сетей (пользователей как своего, так и противоположного пола). Респондентам необходимо было отметить, какие варианты данных параметров являются привлекательными в интернет-коммуникации.

Для оценки респондентам были представлены следующие параметры: фотография собеседника, «стена» личной страницы, образование, семейное положение, город проживания, возраст, увлечения.

В результате обработки анкеты были выявлены наиболее привлекательные и непривлекательные варианты данных параметров. Аттрактивные параметры представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Аттрактивные параметры для респондентов мужского и женского пола

Параметр	Респонденты мужского пола	Респонденты женского пола
Фотография	Привлекательная/присутствует на странице	Привлекательная/присутствует на странице
Записи на стене	Привлекательные/интересные	Привлекательные/интересные
Образование	Высшее	Высшее
Семейное положение	В активном поиске	Не женат; в активном поиске
Город проживания	В котором проживает сам респондент	В котором проживает сам респондент
Возраст	Младше либо ровесница	Старше либо ровесник
Увлечения	Сходные, имеются «точки соприкосновения», присутствуют на странице	Сходные, имеются «точки соприкосновения», присутствуют на странице

На втором этапе с использованием полученных ранее данных была составлена анкета об интернет-коммуникации с партнером по романтическим отношениям, представляющая собой набор вопросов и пустой макет страницы пользователя социальных сетей, в который респондентам предлагалось внести информацию, представленную на реально существующей страничке их партнеров по романтическим отношениям.

Также на данном этапе мы проанализировали половые особенности взаимодействия с партнерами по романтическим отношениям.

Были получены следующие результаты.

Выявлены факторы аттракции при восприятии субъектами интернет-коммуникации личных страниц пользователей социальных сетей – партнеров по романтическим отношениям.

Для респондентов женского пола значимость параметров личной страницы романтического партнера для формирования аттракции распределена следующим образом (Таблица 2):

Таблица 2 – Вклад параметров в формирование аттракции к партнеру по романтическим отношениям для респондентов женского пола

Фотография, %	Записи на стене, %	Образование, %	Семейное положение, %	Город, %	Возраст, %	Увлечения, %
41	22	3	14	3	13	4

Таким образом, наиболее важными параметрами для женщин являются фотография партнера по романтическим отношениям, а также записи на стене. Значимость фотографии, на наш взгляд, может быть связана с тем, что фотография является одним из самых эмоционально насыщенных параметров в социальных сетях. Как отмечает К. Корнев, одним из важнейших недостатков интернет-коммуникации для женщин является отсутствие эмоций [2]. Можно предположить, что фотография «компенсирует» этот недостаток, привлекает больше внимания и, таким образом, в большей степени детерминирует аттракцию.

Также фотографию можно расценивать как показатель успешности мужчины. Согласно исследованиям К. Дайон, Э. Бершейд и Э. Уолстер, людям, которые выглядят на фотографии привлекательно, приписывается большая успешность в жизни и положительные черты характера, в

отличие от людей, выглядящих на фотографии менее привлекательно [3]. Соответственно, для представительниц женского пола будет достаточно важным, чтобы партнер по романтическим отношениям выглядел успешным благодаря тому образу, который представлен на его фотографии в социальных сетях.

Также было выявлено, что женщины рассматривают фотографию не столько как показатель внешних данных, сколько как показатель интересов, характера и других особенностей собеседника [4], что в целом подтверждает полученный нами результат: фотография является наиболее важным параметром на личной странице.

Также в результате нашего опроса было выявлено, что для женщин достаточно важно, когда на фотографии присутствуют показатели того, что молодой человек находится в романтических отношениях (например, присутствие самой респондентки на фотографии своего молодого человека).

Значимость записей на «стене» можно объяснить тем, что данный параметр является наиболее часто изменяющимся в социальных сетях, а также включает в себя максимум информации различного характера: фотографии, музыка, цитаты и т.д. Таким образом, данный параметр может демонстрировать текущее настроение, эмоции, отношение к чему-либо, перемены в увлечениях партнера по романтическим отношениям, что может играть достаточно важную роль в поддержании отношений в паре (например, новые/доминирующие записи на «стене» партнера позволяют антиципировать направление развития отношений, отрицательные или положительные моменты в отношениях и т.д.).

Наименее значимыми параметрами являются параметр «образование», «город» и «увлечения». Возможно, это связано с тем, что данные параметры в ситуации близких взаимоотношений, которые мы рассматриваем, утрачивают свою значимость. Возможно, что на этапе знакомства данные параметры будут играть важную роль (как показано в исследованиях С. Спречер и Д. Басса, для женщин важны показатели потенциального дохода мужчины, одним из которых является образование [5; 6]), однако при установлении близких отношений с уже выбранным человеком (с тем или иным уровнем образования, определенными увлечениями) доминирующими будут иные показатели.

Что касается такого параметра, как «семейное положение», то по результатам опроса было выявлено, что для респондентов женского пола достаточно важно наличие записей, подтверждающих то, что их партнер находится в романтических отношениях.

Таким образом, наиболее значимыми параметрами аттракции для респондентов женского пола являются фотографии партнера по романтическим отношениям и записи на «стене». Наименее значимая информация на личной странице партнера – его образование, город проживания и увлечения.

Для респондентов мужского пола значимость параметров личной страницы романтического партнера для формирования аттракции распределена следующим образом (Таблица 3):

Таблица 3 – Вклад параметров в формирование аттракции к партнеру по романтическим отношениям для респондентов мужского пола

Фотография, %	Записи на стене, %	Образование, %	Семейное положение, %	Город, %	Возраст, %	Увлечения, %
29	7	12	29	23	0	0

Таким образом, наиболее значимыми будут такие параметры, как фотография, семейное положение и город проживания представительниц женского пола.

Значимость фотографии для мужчин согласуется с данными С. Спречер и Д. Басса: для мужчин важнейший фактор аттракции – физическая привлекательность женщины [5; 6]. Авторы объясняют данный факт исходя из эволюционного подхода: внешность является показателем здоровья партнерши, а соответственно, показателем здоровья и ее потомства.

Что касается значимости семейного положения партнерши, то можно отметить, что для респондентов мужского пола так же, как и для респондентов женского пола важным является наличие записей, подтверждающих то, что их партнер находится в романтических отношениях.

Город проживания партнерши по романтическим отношениям, возможно, будет наиболее важен на начальных этапах развития отношений.

Таким образом, для респондентов мужского пола наиболее значимыми будут такие параметры, как фотография, семейное положение и город проживания партнерши по романтическим отношениям, наименее значимыми – возраст и увлечения.

Что касается половых особенностей, проявляющих себя в процессе интернет-коммуникации с партнерами по романтическим отношениям, то в нашем исследовании не было выявлено статистически

значимых различий ни по одному из параметров: форме сообщений (рассматривались такие действия, как количество сообщений и их объем), содержанию (частота смены темы разговора, затрагивание личных тем, настойчивость в защите позиций, ссылки на мнение других людей, аргументация) и эмоциональной насыщенности (комплименты, неформальные обращения, графические изображения эмоций, нецензурные выражения). Следовательно, привлекательность данных действий не сопряжена с полом собеседников.

Таким образом, наиболее значимыми параметрами аттракции для респондентов женского пола являются фотографии партнера по романтическим отношениям и записи на «стене». Наименее значимая информация на личной странице партнера – его образование, город проживания и увлечения. Для респондентов мужского пола наиболее значимыми будут такие параметры, как фотография, семейное положение и город проживания партнерши по романтическим отношениям, наименее значимыми – возраст и увлечения. Различия по полу в значимости для формирования аттракции действий, совершаемых романтическими партнерами непосредственно в процессе коммуникации, выявлено не было.

Список литературы

1. Обозов, Н. Н. Межличностные отношения / Н. Н. Обозов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – 151 с.
2. Корнев, К. Особенности интернет-коммуникации и типы интернет-пользователей в молодежной студенческой среде / К. Корнев // Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet : материалы сборника научн.-практич. конф., СПб, 2007 г. / СПбГУ ; редкол. : В. Л. Волохонский [и др.]. – СПб, 2007. – С. 76 – 85.
3. What is beautiful is good / K. Dion [et al.] // Journal of Personality and Social Psychology. – 1972. – Vol. 24, № 1. – P. 285 - 290.
4. Чумакова, В. А. Половые особенности формирования аттракции в интернет-коммуникации в социальных сетях / В. А. Чумакова // Научные стремления – 2011 : сборник материалов II Международной научно-практической конференции молодых ученых, Минск, 14–18 ноября 2011 г. / НАН Беларуси ; редкол.: К. С. Бредихина [и др.]. – Минск, 2011. – Том 2. – С. 272 – 275.
5. Buss, D. Attractive women want it all: good genes, economic investment, parenting proclivities, and emotional commitment / D. Buss [et al.] // Evolutionary Psychology. – 2008. – Vol. 1. - № 6. – P. 134 – 146.
6. Sprecher, S. Insiders' perspectives on reasons for attraction to a close other / S. Sprecher // Social Psychology Quarterly. – 1998. – Vol. 61. - № 4. – P. 287 – 300.

Чумакова В. А. – студентка 5 курса факультета философии и социальных наук БГУ

Научный руководитель – старший преподаватель кафедры психологии БГУ, кандидат, психологических наук, доцент Ю. С. Смирнова